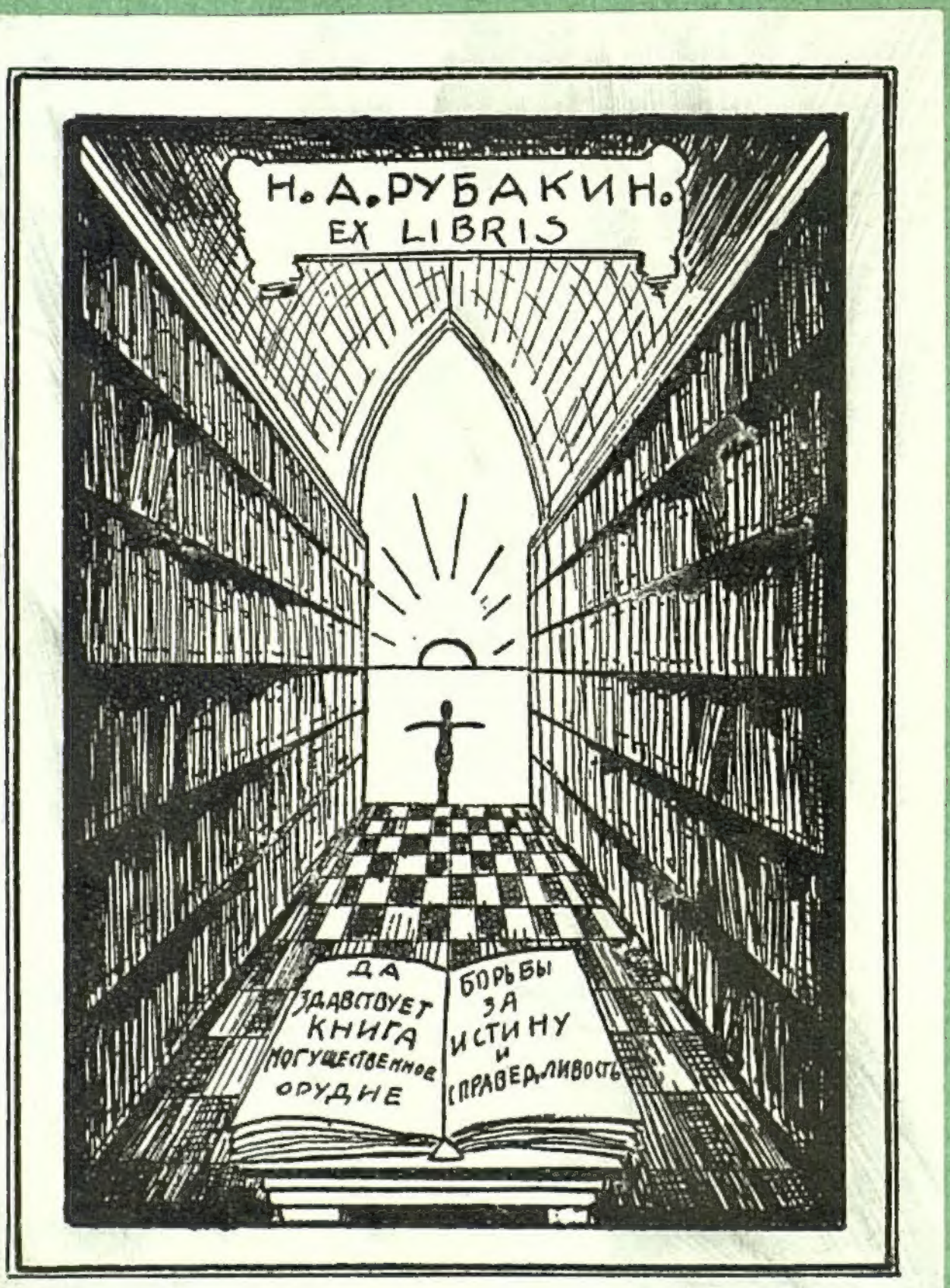
Pg 14/133
T. 7

Р 14/6 133


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

„Это тѣ, которые пришли отъ великой скорби"

(Апокал. гл. 7, ст. XIV)

Книга Русской скорби

801-96
5069-6

Р 14/133

Книга Русской Скорби.

Изданіе Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела.

Томъ VII.

„Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной: ибо Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ, и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ“.

(Апокалипсисъ. Гл. VII, стихъ 16 и 17).

С. Петербургъ.
Типо-литографія Невскій, 136.
1911.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
86493-48

2007041555

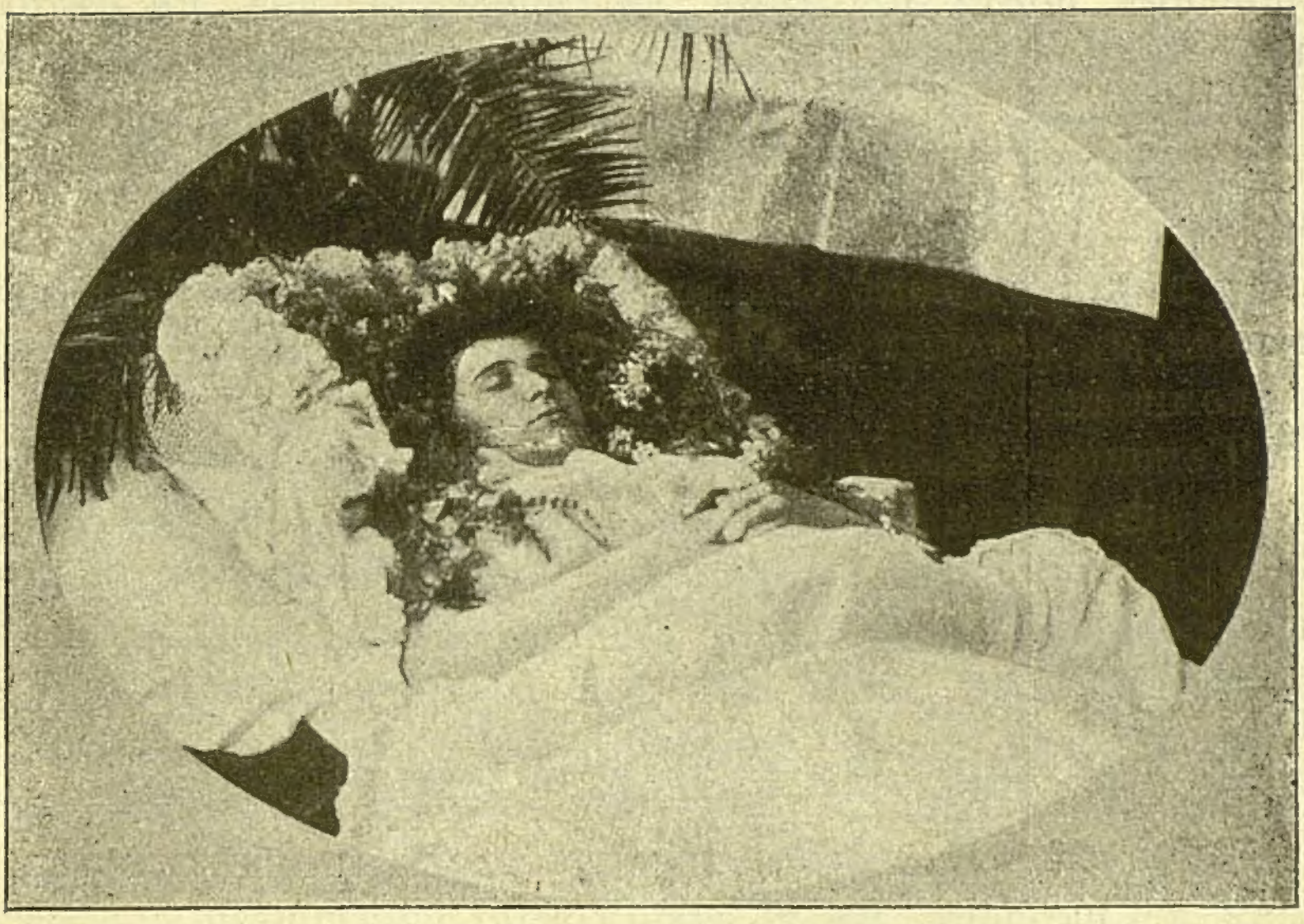
Женск. гимназіи * попечительницы С. В. М. А. Наговской ≈ часть 2-й вышли.

Три дороги.

Въ людской волнѣ, на полѣ брани,
На бурномъ, жизненномъ пути,
Кто предрѣшитъ, сказавъ заранѣ,
Куда насъ можетъ занести?
Троякій путь лежитъ предъ нами,
Одинъ, богатство намъ суля,
Его добыть должны мы сами,
Держась безсмѣнно у руля!
Идемъ межъ скалъ, чутье насъ водитъ,
У глубины морскихъ пучинъ,
И незабрызганнымъ выходитъ
Изъ тысячъ на берегъ одинъ!
Тяжелый путь, но личнымъ благомъ
Гонимы къ цѣли здѣсь и тамъ,
Мѣняемъ часто флагъ за флагомъ,
Служа невѣдомымъ богамъ!
Второй—путь власти и почета,
Идемъ сгибаясь и прося,
И блескъ его ломаетъ что-то,
Срываетъ что-то, вознося!
Срываетъ духъ свободной воли...
Блѣдны здѣсь жизни алтари,
И гаснетъ лучъ на этомъ полѣ

Порывовъ утренней зари!
Здѣсь нѣтъ любви, здѣсь чувство дремлетъ,
Здѣсь честь порой глубоко спитъ,
Разсудокъ сердцу здѣсь не внемлетъ,
А сердце здѣсь не говоритъ!
И третій путь—борьбы, лишеній,
Неутомимаго труда,
Голодныхъ дней, всеночныхъ бдѣній,
Часы, недѣли и года!
Идутъ и не смыкаютъ вѣжды
Сюда попавшіе ряды,
Ихъ не балуетъ лучъ надежды
Наградъ за тяжкіе труды!
Невзгодъ житейскихъ тяжкій камень
Здѣсь неразлучный ихъ удѣлъ,
Но яркій свѣтъ бросаетъ пламень
Пускай, подчасъ, и малыхъ дѣлъ!
Судьбою-мачехой гонимы,
Пьютъ кубокъ горечи до дна,
Но не исчезнутъ вмѣстѣ съ ними
Ихъ золотыя имена!
Ихъ не засыпетъ холмъ могильный,
Ихъ бранный подвигъ вѣчно живъ,
И плодъ ихъ доблести обильный
Питаетъ всходы русскихъ нивъ!
Какой-же путь, обдумавъ строго,
Изъ трехъ житейскихъ изберемъ?
Не тотъ-ли, гдѣ страданій много,
Не путь-ли, гдѣ мы узримъ Бога,
Не путь-ли съ Богомъ и Царемъ?..

Влад. Пуришкевичъ.



Зинаида Васильевна Зайкина.

Жена шт.-капитана Красноярскаго полка. Убита 16-го іюля 1905 г.

Передъ нами портретъ молодой женщины, лежащей въ гробу. Въ расцвѣтѣ молодости и красоты Зинаида Васильевна Зайкина была убита рукой невѣдомаго ей революціонера-гимназиста. Обезумѣвшій отъ революціоннаго угара негодяй, подъ вліяніемъ развращенной еврейки не остановился передъ тѣмъ, чтобы убить женщину, молодую мать, за то только, что она шла рядомъ съ должностнымъ лицомъ, котораго революціонеры постановили уничтожить.

Зинаида Васильевна Зайкина, жена штабсъ-капитана 95-го Красноярскаго пѣхотнаго полка, урожденная Павская, дочь православнаго священника, пріѣхала гостить лѣтомъ 1905 года къ своей замужней сестрѣ въ г. Лубны, Полтавской губерніи, вмѣстѣ со своимъ пятилѣтнимъ сыномъ, котораго она страстно любила и съ которымъ не разставалась. Жизнерадостная и веселая 24-хъ лѣтняя женщина была, казалось, создана для счастья.

Черезъ нѣсколько дней по ея пріѣздѣ, 16-го іюля вечеромъ, знакомыя барышни стали убѣждать и просить Зинаиду Васильевну пойти съ ними въ городской садъ, въ лѣтній театръ. Ей не хотѣлось идти, но она сдалась на просьбы знакомыхъ, сказавъ сестрѣ: „все-таки я до конца не останусь, вернусь часамъ къ 11-ти, ты жди меня, Тоня, съ ужиномъ и чаемъ“.

При входѣ въ садъ они встрѣтили уѣзднаго исправника Семенова, съ которымъ З. В. Зайкина незадолго до того познакомилась.

Г. Семеновъ былъ самоотверженный и безстрашный дѣятель, твердо исполнявшій свой долгъ службы, не смотря на угрозы и постоянно получаемыя имъ анонимныя письма. Онъ подошелъ къ Зинаидѣ Васильевнѣ и бесѣдовалъ съ нею. Въ антрактѣ, послѣ 2-го дѣйствія, онъ снова подошелъ къ ней, а когда, послѣ перваго звонка, публика собралась на мѣста въ театръ, то Зинаида Васильевна направилась къ выходу изъ сада, чтобы идти домой. Ее сопровождали барышни и Семеновъ. Въ то время, какъ они шли по дорожкѣ, изъ кустовъ сирени появился молодой человѣкъ и, повернувъ голову, чтобы скрыть лицо, выстрѣлилъ черезъ плечо. Первая пуля попала въ грудь Зинаиды Васильевны и смертельно ее ранила. Слѣдующими выстрѣлами былъ убитъ исправникъ Семеновъ.

Зинаида Васильевна, раненая въ сердце, падая на колѣни успѣла проговорить: „Я убита... спасите меня, ради сына“!.. Вся сила скорби матери выразилась въ ея послѣднихъ словахъ, при мысли о вѣчной разлукѣ съ сыномъ. Черезъ 10 минутъ она скончалась.

Было 11 часовъ вечера, сестра ждала ее домой, слышала выстрѣлы, не подозрѣвая о томъ, что случилось. Раздался стукъ въ калитку—и пришла вѣсть о неожиданномъ горѣ. Поспѣшно прибывшая на мѣсто несчастія сестра покойной съ мужемъ, не застала уже ее въ живыхъ. Трупъ покойной былъ перенесенъ въ клубъ. Это была потрясающая картина. Въ обстановкѣ клуба, предназначенной для веселья и развлеченій лежала на полу мертвая Зинаида Васильевна съ прекраснымъ и строгимъ лицомъ. Не хватаетъ словъ, чтобы

выразить глубину негодованія при мысли объ этомъ злодѣйствѣ!

Убійца—18-ти лѣтній гимназистъ, Добровольскій, исключенный изъ Полтавской гимназіи, развращенный революціонной пропагандой. На него палъ жребій „казнить“ исправника Семенова и у этого мальчишки-палача не дрогнула рука, когда онъ стрѣлялъ черезъ плечо и убилъ ни въ чемъ неповинную женщину, а затѣмъ и намѣченную жертву. Онъ былъ пойманъ лишь черезъ годъ въ Полтавѣ и осужденъ на 20 лѣтъ каторги. Изъ судебнаго дѣла видно, что убійствомъ этимъ руководила одна еврейка.

Сколько жизней загублено безсмысленной и жестокой крамолой, сколько подъ тлетворнымъ еврейскимъ дыханьемъ совершено преступленій и зла! Кладбища пополнились могилами убитыхъ жертвъ крамолы—и среди нихъ, могила Зинаиды Васильевны Зайкиной, безвременно отошедшей въ вѣчность.

Помянемъ же въ молитвѣ объ убіенныхъ имя рабы Божіей Зинаиды.

Яковъ Степановичъ Чекель.

Урядникъ, убитъ 15-го февраля 1909 г. въ мѣстечкѣ Гростянахъ, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

Безпрестанныя злодѣянія, совершаемыя „освободителями“ къ глубокому прискорбію, не волнуютъ уже, какъ бы этого слѣдовало ожидать, умовъ и сердецъ людей, далекихъ отъ этихъ злодѣяній: мы къ нимъ привыкли. Но если вдуматься въ смыслъ этихъ несчастныхъ событій, то невольно приходится страшиться за будущее. Вѣдь злодѣянія эти не прекращаются, вѣдь льется кровь вѣрныхъ слугъ Царя и Народа Русскаго, а мы какъ бы и не обращаемъ на эти страшныя событія никакого вниманія. А революціонеры дѣлаютъ съ сатанинскою послѣдовательностью и энергіей свое мерзкое дѣло. Но неужели же мы, Русскіе люди, любящіе свою Родину и своихъ братьевъ, вѣрныхъ слугъ Царскихъ, останемся по вѣщему слову поэта „къ добру и злу постыдно равнодушны“? Нѣтъ, не хочется вѣрить этому, а пролитая

революціонерами кровь вѣрныхъ сыновъ родной земли не можетъ оставаться забытой...

Къ числу такихъ доблестныхъ сыновъ Россіи принадлежалъ и Яковъ Степановичъ Чекель. Покойный происходилъ изъ крестьянъ деревни Кудричи, Кринской волости, Гродненскаго уѣзда. Въ теченіе 15-ти лѣтъ онъ былъ урядникомъ и съ рѣдкимъ усердіемъ исполнялъ свою тяжелую службу, охраняя своихъ собратьевъ отъ различныхъ бѣдствій. Особенно тяжело было покойному вѣрному Царскому слугѣ со времени печальной памяти „освободительнаго движенія“, когда ему пришлось кромѣ своей нелегкой полицейской службы вести борьбу и съ революціонерами, поселившимися въ м. Тростянахъ для распространенія среди мѣстныхъ жителей противогосударственныхъ идей. Но, не смотря на трудность, Чекель, оставался вѣрнымъ и честнымъ исполнителемъ своего долга. И за всѣ эти труды покойный получилъ награду—рядъ смертельныхъ огнестрѣльныхъ ранъ отъ двухъ молодыхъ еврейчиковъ, напавшихъ на него сзади, когда онъ возвращался изъ почтоваго отдѣленія домой. Еврейчики эти озвѣрѣли до того, что произвели въ Чекеля еще нѣсколько выстрѣловъ уже тогда, когда онъ смертельно раненый лежалъ на землѣ. И это совершается во имя свободы!

Одинъ изъ злоумышленниковъ-евреевъ былъ черезъ нѣкоторое время задержанъ и приговоренъ судомъ къ 8 годамъ каторжныхъ работъ, другой же скрылся безслѣдно.

Спи же спокойно, доблестный рабъ Божій Іаковъ. Твоя мученическая кончина есть уже залогъ того, что Господь Милосердный проститъ тебѣ твои вольныя и невольныя прегрѣшенія, которыя ты какъ человѣкъ дѣлалъ здѣсь на землѣ. Теперь ты успокоился и пребываешь далеко отъ насъ, въ мірѣ иномъ, гдѣ уже нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханій. Помолись же, если будешь имѣть дерзновеніе у Господа, за нашу несчастную родную землю, терзаемую врагами Св. Вѣры Православной и Русскаго Народа. Вѣчная и свѣтлая тебѣ память въ очахъ Бога твоего и среди роднаго тебѣ Русскаго Народа.

Отецъ Ѳеодоръ Николаевичъ Имшенецкій.

Священникъ села Собичева, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ.
Убитъ 18-го марта 1908 г.

Есть поговорка— „война родитъ героевъ“. Внутренняя смута—та же война,—только подлая и предательская, но и она выдвигаетъ своихъ героевъ. Обыкновенно это люди, въ спокойное время почти незамѣтные, тихіе, скромные и даже робкіе. Но „лишь божественный глаголъ, до слуха чуткаго коснется“, какъ только такой человѣкъ почувствуетъ, что Родина ждетъ отъ него напряженной и трудной работы, точно крылья орлиныя выростаютъ у него за спиной и узнать нельзя во вдохновенномъ вождѣ вчерашняго смиреннаго обывателя.

Такъ называемая „революція“ въ первые ряды бойцовъ естественно вызвала духовенство. Пастыри, давшіе священный обѣтъ, защищать овцы своя—должны были первыми встрѣтиться лицомъ къ лицу съ хищными волками, посягавшими на паствы ихъ. И съ высоты церковныхъ амвоновъ загремѣли обличительныя рѣчи, призывающія народъ одуматься и вернуться къ роднымъ святынямъ.

Презрительно относящіеся къ „сельскимъ попикамъ“ революціонеры, неожиданно встрѣтили въ нихъ—могучаго

врага. Однимъ изъ такихъ безстрашныхъ обличителей и защитниковъ своей паствы былъ священникъ села Собичева, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда, отецъ Ѳеодоръ Имшенецкій. Сынъ іерея онъ съ дѣтства былъ посвященъ на служеніе Богу. Воспитанный въ духѣ строгаго благочестія и преданности завѣтамъ святой старины, онъ съ юныхъ лѣтъ привыкъ смотрѣть на себя какъ на будущаго слугу Божія. Дѣйствительно, окончивъ семинарію въ 1898 году— онъ въ смиреніи своемъ, не чувствуя себя еще по молодости лѣтъ достойнымъ быть пастыремъ, идетъ въ село Мутино на должность псаломщика и учителя церковно-приходской школы. Два года протекли въ томъ, что юный учитель присматривался къ той сельской средѣ, въ которой впослѣдствіи ему придется жить и священствовать. Пройдя этотъ долгій искусъ Ѳеодоръ Николаевичъ услышалъ внутренній голосъ, зовущій его на великое поприще руководительства душами человѣческими. 27-го февраля 1900 года отецъ Ѳеодоръ далъ тотъ священный обѣтъ, выполняя который, впослѣдствіи погибъ смертью мученика.

14-го марта 1903 г. свящ. Имшенецкій былъ назначенъ въ село Собичево. Одновременно онъ исполнялъ обязанности учителя и законоучителя мѣстнаго народнаго училища. Первый годъ службы въ Собичевѣ прошелъ спокойно, но въ первый же мѣсяцъ 1904 года грянула Русско-японская война и вѣрные сыны Родины со всѣхъ концовъ, по вѣщему Царскому слову поднялись на защиту ея. Много запасныхъ ушло и изъ паствы отца Ѳеодора. Вотъ тутъ-то и сказалась вся сила духа этого необыкновеннаго человѣка. Благословляя уходящихъ на великій подвигъ, вознося молитвы за счастье отечества и его защитниковъ—о. Имшенецкій являлся утѣшителемъ и покровителемъ всѣхъ оставшихся и осиротѣвшихъ семействъ. Не жалѣя времени и силъ онъ во всякое время дня и ночи шелъ въ скромную хату мужика, чтобы прочитать вѣсточку отъ сына или мужа изъ далекой Манчжуріи. Неграмотнымъ онъ писалъ письма, зная какую великую радость доставитъ на чужбинѣ извѣстіе съ родины. А время шло, все нерадостнѣе и нерадостнѣе были сообщенія о ходѣ войны, десятки тысячъ людей гибли, позиція за по-

зицieй отдавались въ руки непріятеля. А тутъ еще какіе-то темные слухи пошли о безпорядкахъ, появились люди, призывающіе народъ воспользоваться войной для борьбы съ правительствомъ, соблазнительныя обѣщанія, подложныя Царскія грамоты о передѣлѣ, раздавались и распространялись по селамъ... Зловѣщимъ заревомъ запылали барскія экономіи, собранныя сотнями лѣтъ богатства и памятники старины безжалостно уничтожались. Фабричные, изъ-за своихъ же забастовокъ лишившіеся заработка въ городахъ, хлынули въ деревню распространяя на пути своемъ ядъ лжеученій. Казалось, тьма вѣчная покрываетъ Святую Русь. Робкіе и слабые люди опустили руки не борясь съ бѣдой. Но богатыри духа смѣло ринулись въ бой съ неправдой черной. Со ступень алтаря, отецъ Ѳеодоръ сталъ громить враговъ Родины.

Дивно звучали святыя слова „Богъ, Царь, Россія“.

Вдохновенно лилась рѣчь молодого проповѣдника, и многіе, многіе, шатающіеся въ убѣжденіяхъ, нашли истинную дорогу подъ водительствомъ своего батюшки. Но злобная крамола не могла перенести торжества правды и отецъ Ѳеодоръ сталъ получать угрожающія письма съ предупрежденіемъ, что будетъ убитъ, если не броситъ своей патріотической дѣятельности. Но змѣиное шипѣніе не могло заставить слугу Всевышняго сойти съ пути его. Вѣрный клятвѣ своей, отецъ Ѳеодоръ рѣшилъ умереть у Престола, за которымъ приносилъ Жертву безкровную. Все сильнѣе и сильнѣе наносилъ онъ удары революціи, яростно бился пастырь за овцы своя и уже побѣждалъ.

Растерянные, разбитые революціонеры не остановились передъ страшнымъ преступленіемъ, чтобы только убрать со своей дороги могучаго противника. Средство было выбрано подлое—убійство изъ-за угла, 18-го марта 1908 года. Отецъ Ѳеодоръ вмѣстѣ съ супругой своей Александрой Самойловной поѣхалъ въ гости къ помѣщику Карпенко, жившему за три версты отъ села Собичева. Въ 10 часовъ вечера, супруги мирно бесѣдуя, не подозрѣвая опасности, ѣхали потихоньку въ телѣжкѣ домой. Вотъ въ ночной тьмѣ уже привѣтно заблестѣли огоньки села, вотъ уже виденъ и домъ гдѣ дѣ-

тишки съ нетерпѣніемъ ждутъ родителей. Почуявъ близость конюшни лошадка прибавила шагу. Но... вдругъ огненная вспышка, гулкій выстрѣлъ изъ-за забора прорѣзалъ тишину деревенскаго вечера. За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой, третій, разъ за разомъ, точно кто-то смѣялся сатанинскимъ смѣхомъ. Тупой ударъ въ бокъ, жгучая боль, ощущеніе чего-то влажнаго и теплаго подъ одеждой. Отецъ Ѳеодоръ опустился на дно повозки. Обезумѣвшая отъ ужаса Александра Самойловна погнала вскачь лошадь къ дому, на крыльцо котораго высыпали уже ребятишки, весело щебеча навстрѣчу папѣ. Но увы... даже благословить эти родныя головки отецъ Ѳеодоръ не имѣлъ уже силы. Не приходя въ себя, онъ скончался. Но правосудіе Господне свершилось. Преступники были пойманы и казнены. А душа пастыря въ свѣтлыхъ обителяхъ райскихъ возноситъ горячія молитвы объ успокоеніи изстрадавшейся Родины. Да внемлетъ Господь молитвамъ праведнымъ!

Даніилъ Варфоломеевъ Куцъ.

Сельскій десятскій, села Воловица, Блистовской волости, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи. Убитъ 15-го апрѣля 1907 г.

Даніилъ Варфоломеевъ Куцъ, по происхожденію казакъ, по ремеслу портной, былъ молодой человѣкъ 29 лѣтъ, очень бѣдный, добывавшій себѣ и семьѣ средства къ жизни портняжничествомъ. Его родное село Воловица находится на берегу рѣки Десны, на границѣ Борзенскаго уѣзда. Въ 1906 г. онъ былъ выбранъ въ своемъ селѣ сельскимъ десятскимъ, какъ разъ въ то время, когда смута всполошила и этотъ медвѣжій уголокъ, подпавшій подъ вліяніе сосѣднихъ селъ Кладьковки и Холмовъ, населеніе которыхъ уже издавна отличалось революціоннымъ настроеніемъ, особенно усилившимся въ періодъ 1905 и 1906 годовъ. Вѣрныхъ Престолу и Отечеству оставалось немного.

Къ этимъ немногимъ принадлежалъ и Даніилъ Куцъ. Смѣло и открыто онъ выступилъ на борьбу съ крамолой. Хотя малограмотный, но не лишенный здраваго смысла, онъ понималъ, какъ сильно дѣйствуетъ на крестьянъ печатное слово и что бороться съ революціонной пропагандой нужно тѣмъ же оружіемъ: противъ брошюръ лѣвыхъ партій онъ добылъ въ Черниговѣ патріотическія изданія правыхъ и сталъ ихъ распространять среди односельчанъ и при всякомъ случаѣ читать и разъяснять. Мало того, онъ имѣлъ мужество проповѣдывать о необходимости соединенія преданныхъ Престолу русскихъ людей для активной борьбы съ революціонерами. Какъ патріотъ и человѣкъ настойчивый, онъ не остался въ своихъ попыткахъ безъ результатовъ. Вліяніе его на взволнованныхъ обѣщаніями революціонеровъ односельчанъ сейчасъ же обнаружилось.

Однакожъ противники его не дремали. Онъ получилъ нѣсколько угрожающихъ писемъ, съ требованіемъ прекратить свою дѣятельность. Такимъ образомъ, онъ зналъ всю опасность своего положенія, но убѣжденный въ справедливости своего дѣла и понимая, что безъ упорнаго труда и строгаго порядка не возможно никакое обновленіе Родины, а напротивъ, ей грозитъ вѣрная гибель,—онъ своего дѣла не оставилъ. Стараясь сколько возможно осилить противниковъ порядка, онъ твердо и безстрашно пошелъ по своей дорогѣ и не свернулъ.

И вотъ 15 апрѣля 1907 года, три человѣка, жители с. Кладьковки, Пантелюта, Руденко и Плютъ, наиболѣе ярые изъ мѣстныхъ революціонеровъ, проѣхавъ въ лодкѣ около 8 верстъ по разливу рѣки Десны, прибыли ночью въ Воловицы для того, чтобы исполнить свой злодѣйскій замыселъ и убить одного изъ немногихъ борцовъ за правое дѣло. Подойдя къ хатѣ Куца, они постучались. Семейство его и самъ онъ уже спали. Услыхавъ стукъ, мать Куца зажгла лампу и спросила стучавшихъ, „что имъ надо?“. Тѣ отвѣчали, что принесли работу для ея сына.—Старуха отворила дверь. Злодѣи вошли. Куцъ, спавшій за столомъ, проснулся и всталъ. Тогда Пантелюта выхватилъ изъ кармана браунингъ, выстрѣлилъ три раза въ Куца и убилъ его наповалъ передъ обезумѣвшей отъ горя старушкой матерью. Она, очнувшись, бросилась было на Пантелюту. Извергъ побѣжалъ, стрѣляя въ нее, но промахнулся. Послѣ этого убійцы скрылись и розысканы были только потомъ.

Такъ восторжествовала жадная месть революціонеровъ и былъ вырванъ еще одинъ изъ маленькихъ, но вѣрныхъ сыновъ народа, исполнившій честно свой долгъ гражданина-защитника Родины. Послѣ Куца остались старики, отецъ и мать, малолѣтній братъ, двѣ сестры и жена съ двумя малыми дѣтьми. Они всѣ кормились отъ него. Его трудъ служилъ единственнымъ подспорьемъ этой большой семьѣ. Кто же въ состояніи описать ихъ горе? И вмѣсто рѣкъ, текущихъ молокомъ и медомъ, которыя сулятъ всѣмъ революціонеры, число обездоленныхъ и осиротѣвшихъ все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Помогать имъ, этимъ, ни въ чемъ неповиннымъ жертвамъ крамолы, кормить и воспитывать ихъ сиротъ—нашъ священный долгъ. Протянуть руку помощи этимъ обездоленнымъ, хотя бы только пожертвованіемъ по мѣрѣ силъ въ пользу „Общества призрѣнія сиротъ лицъ, павшихъ жертвами долга“,—святая обязанность людей, не утративщихъ любви къ Родинѣ.

Лаврентій Андреевичъ Соломко.

Городовой Глуховской полицейской команды Черниговской губ.
Убитъ 5-го іюня 1907 г.

Велико число лучшихъ русскихъ людей, погибшихъ отъ руки крамолы!

Много погибло генераловъ, офицеровъ и гражданскихъ чиновъ разныхъ положеній, а также и простыхъ русскихъ людей, преимущественно солдатъ, которымъ по долгу службы приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу съ крамольниками, стоя на стражѣ общественнаго спокойствія.

Такъ какъ всякое революціонное движеніе начинается съ уличныхъ безпорядковъ, съ нарушенія общественной тишины и спокойствія, охраной коихъ завѣдуютъ ближайшимъ образомъ низшіе полицейскіе чины, они то и являлись всего чаще мишенью въ которую направлялась вражья пуля крамольниковъ. Полицейскіе чины конечно не могли этого не знать: тѣмъ болѣе велика ихъ заслуга что эти люди, исполняя свои обязанности по найму очевидно добровольно, вполнѣ сознательно шли подъ пули, подвергая свою жизнь постоянной опасности. Полицейскіе чины, съ

усиленіемъ крамолы и наступленіемъ опасности, отъ своей службы не отказывались, что служитъ доказательствомъ ихъ доблести и всемѣрно заслуживаетъ общественнаго къ нимъ уваженія и благодарности!

Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ на полицейскихъ служащихъ такъ и смотрятъ относясь къ нимъ съ уваженіемъ какъ къ людямъ охраняющимъ общественный порядокъ и спокойствіе.

Не такъ относятся къ чинамъ полиціи въ Россіи, гдѣ „интеллигенція“ считаетъ полицію какъ бы врагомъ общественнаго спокойствія, при чемъ чины полиціи, преслѣдующіе людей проявляющихъ злую волю, не только не находятъ поддержки и участія въ обывателяхъ,—но скорѣе противодѣйствіе. Такое отношеніи свидѣтельствуетъ о некультурности нашей интеллигенціи, не понимающей, очевидно, что только благодаря бдительности полиціи мирные граждане имѣютъ возможность спокойнаго существованія.

Тѣмъ болѣе труднымъ, неблагодарнымъ дѣломъ является несеніе полицейской службы и жертва собою, за людей отъ которыхъ не услышишь ни добраго слова и сочувствія при жизни, ни чувства сожалѣнія и почитанія по смерти. Но истинно русскіе люди, помнящіе Бога, чтущіе Царя и любящіе Родину, цѣнятъ по заслугамъ самоотверженную дѣятельность чиновъ полиціи, а потому каждое бѣдствіе, нанесенное имъ рукою крамольниковъ найдетъ живое сочувствіе въ сердцахъ русскихъ людей, мирныхъ гражданъ.

„Книга Русской Скорби“ уже внесла на свои страницы имена многихъ полицейскихъ чиновъ, положившихъ свою жизнь, самоотверженно стоя на посту при исполненіи своихъ обязанностей. Съ грустью и тяжелымъ чувствомъ заноситъ она нынѣ въ свой синодикъ имя погибшаго чина Глуховской полицейской команды Лаврентія Андреевича Соломко.

Покойный Соломко, изъ запасныхъ старшихъ унтеръ-офицеровъ 22-го пѣхотнаго Нижегородскаго полка, состоялъ городовымъ въ Глуховѣ. Родина его—мѣстечко Янполь Глуховскаго уѣзда; сынъ крестьянина, онъ получилъ начальное образованіе въ Янпольскомъ народномъ училищѣ.

На должность городового Соломко былъ назначенъ 1-го октября 1902 г.; доблестно прослуживъ все крамольное время онъ палъ отъ руки убійцъ 5-го іюня 1907 г. при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

5-го іюня, Соломко, узнавъ что въ чайной еврея Франкенштейна въ г. Глуховѣ, находятся два неизвѣстныхъ подозрительныхъ человѣка, рѣшилъ ихъ выслѣдить. Зайдя для этой цѣли въ чайную, постоявъ тамъ нѣкоторое время, онъ сталъ выходить на улицу чтобы позвать на помощь городовыхъ и задержать подозрительныхъ людей. Но не успѣлъ онъ сойти съ крыльца чайной, какъ неизвѣстные быстро вышли вслѣдъ за нимъ, и тутъ же выстрѣлили въ него изъ браунинга, тяжело ранивъ его въ грудь и животъ, послѣ чего преступники пустились бѣжать, преслѣдуемые случайно проходившими городовыми и частію публики. Преслѣдуемые по пятамъ убійцы выбѣжали въ предмѣстье города, гдѣ, при видѣ неминуемаго ареста, одинъ изъ нихъ застрѣлился, другой же, выронивъ изъ рукъ пистолетъ, сдался полиціи.

При обыскѣ у преступниковъ оказались три браунинга и большое количество патроновъ. При застрѣлившемся оказался паспортъ на имя Воронежскаго мѣщанина Митрофанова; сдавшійся оказался по паспорту мѣщаниномъ Сидоровымъ, но тутъ же признался, что паспортъ подложный, что онъ принадлежитъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и дѣйствительнаго имени своего, и товарища, объявить не желаетъ.

Раненый Соломко, по доставленіи въ мѣстную больницу скончался послѣ нѣсколькихъ часовъ мучительныхъ страданій, оставивъ безъ всякихъ средствъ къ существованію жену и 3-хъ-лѣтнюю дочь. Нынѣ, благодаря заботамъ начальства, вдовѣ Соломко назначена пенсія въ 180 руб. въ годъ, что даетъ ей возможность безбѣднаго существованія и въ тоже время даетъ увѣренность чинамъ полиціи, что самоотверженная ихъ служба, если не всегда оцѣнивается по достоинству обществомъ, то находитъ себѣ должную оцѣнку у Царя, за котораго они проливаютъ свою кровь!..

Самоотверженный поступокъ Соломко, знавшаго, конечно, что идетъ на рискъ, а можетъ быть и смерть преслѣдуя неизвѣстныхъ негодяевъ въ мѣстности гдѣ въ то время крамола свила себѣ гнѣздо, должна быть оцѣнена по достоинству и имя Лавренія Соломко должно быть присоединено къ именамъ тѣхъ нашихъ героевъ мучениковъ, что увѣковѣчили свои имена великимъ подвигомъ страданія и смерти за Вѣру, Царя и Отечество.

Царство тебѣ Небесное, герой мученикъ рабъ Божій, воинъ Лаврентій. Вѣчная память. Вѣчная признательность православнаго русскаго народа!

Николай Яковлевичъ Дублянскій.

Земскій начальникъ Суражскаго уѣзда, Черниговской губерніи.
Убитъ въ ночь съ 3-го на 4-е августа 1907 года.

Николай Яковлевичъ родился 8-го іюля 1853 года, въ дер. Глуховкѣ, Лядичской волости, Суражскаго уѣзда, Черниговской губерніи; происходилъ покойный изъ потомственныхъ дворянъ. Дѣтство своё Николай Яковлевичъ провелъ въ своемъ родномъ селѣ; воспитывался онъ въ Новгород-Сѣверской гимназіи, по окончаніи курса поступилъ въ С.-Петербургскую Военно-Медицинскую Академію, изъ которой перешелъ черезъ годъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по медицинскому факультету. Прослуживъ недолгое время земскимъ врачемъ въ Гордневскомъ участкѣ, Суражскаго уѣзда, Николай Яковлевичъ въ 1902 году былъ назначенъ земскимъ начальникомъ 2-го участка, Суражскаго уѣзда. Поселившись въ своемъ имѣніи покойный всецѣло отдался новому дѣлу; онъ былъ весьма строгимъ, но въ высшей степени справедливымъ человѣкомъ. Ему легко было управлять народомъ среди котораго онъ выросъ; они, народъ и онъ, знали другъ друга съ дѣтства. Такъ текла жизнь покойнаго до революціоннаго періода. Но вотъ наступаетъ время броженія, начали среди народа появляться разные негодяи

для пропаганды, внося въ народныя массы разладъ и смуту. Будучи ярымъ монархистомъ и честнымъ исполнителемъ долга, Николай Яковлевичъ съ душевной болью наблюдалъ, какъ на его глазахъ духовно растлѣвали родной и любимый имъ народъ. Онъ сталъ строго преслѣдовать пропагандистовъ-революціонеровъ, появлявшихся въ его участкѣ. Такъ покойный боролся, стоя твердо на стражѣ интересовъ возлюбленнаго Царя и дорогой Родины. Такіе дѣятели, какъ Николай Яковлевичъ, крайне не по вкусу господамъ Милюковцамъ и, конечно, они принимали всѣ мѣры, чтобы убрать Николая Яковлевича изъ рядовъ вѣрныхъ царевыхъ слугъ.

Въ ночь съ 3-го на 4-е августа 1907 года 12 человѣкъ разбойниковъ, одѣтыхъ въ форму стражниковъ, напали на усадьбу Николая Яковлевича въ дер. Глуховкѣ, звѣрски убили его и сожгли до тла усадьбу. Во время нападенія Дублянскій успѣлъ ранить трехъ негодяевъ.

Такъ погибъ Николай Яковлевичъ, погибъ въ своемъ родномъ домѣ, среди своего родного народа, отъ рукъ злодѣевъ стремившихся удалить со своего пути всѣхъ тѣхъ, кто имъ мѣшалъ растлѣвать наше дорогое Отечество, созданное кровью нашихъ предковъ.

Сожженныя усадьбы и рядъ безчисленныхъ могилъ на кладбищахъ,—вотъ что принесло Россіи „освободительное движеніе“, руководимое іудеями. Но имена тѣхъ, которые доблестно пали, защищая вѣковые устои родины, останутся въ памяти потомства и въ длинномъ спискѣ погибшихъ борцовъ за правое дѣло будетъ значится имя Николая Яковлевича Дублянскаго.

Василій Осиповичъ Савосько.

Унтеръ-офицеръ Барановичскаго отдѣленія Виленскаго жандармскаго управленія желѣзныхъ дорогъ. Скончался отъ ранъ 26-го іюля 1909 года.

26-го іюля 1910 года въ м. Барановичахъ, въ военной кладбищенской церкви была совершена заупокойная обѣдня и на этомъ же кладбищѣ панихида и освященіе памятника на могилѣ умершаго 26-го іюля 1909 года отъ ранъ, полученныхъ 24-го того же іюля унтеръ-офицера Барановичскаго отдѣленія Виленскаго жандармскаго управленія жел. дор. Василія Осипова Савосько, 28-ми лѣтъ. Савосько былъ раненъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 21-го іюля мѣстной полиціей были получены свѣдѣнія о появленіи въ м. Барановичахъ грабителей. За ними былъ установленъ надзоръ. 23-го іюля злоумышленники направились въ Ново-Мышское волостное правленіе, отстоящее въ 6-ти верстахъ отъ Барановичъ, но такъ какъ въ волостномъ правленіи въ этотъ день былъ крестьянскій сходъ и, грабежъ могъ не удасться, то они вновь возвратились въ Барановичи, избравъ своей квартирой желѣзнодорожную будку въ лѣсу, близъ желѣзнодорожной станціи Барановичи, Московско-Брестской жел. дор., и не имѣя возможности совершить ограбленіе близлежащей почтово-телеграфной конторы, повидимому, рѣшили совершить нападеніе на одно изъ сосѣднихъ имѣній.

Слѣдомъ за злоумышленниками прибыли въ м. Барановичи два агента охраннаго отдѣленія, которые удостовѣрили, что появившіяся въ Барановичахъ неизвѣстныя лица принадлежатъ къ числу опытныхъ и опасныхъ грабителей, вооружены они скорострѣльнымъ оружіемъ новѣйшей системы и прибыли для совершенія грабежа.

Сообщеніе это вызвало необходимость немедленнаго задержанія прибывшихъ, дабы лишить ихъ возможности совершить преступленіе. Мѣстный исправникъ, днемъ, 24-го іюля,

съ четырьмя конными стражниками окружилъ трехъ вышеуказанныхъ лицъ у желѣзнодорожнаго переѣзда, при стан-

Освященіе памятника унтеръ-офицеру Барановичскаго отдѣленія, Виленскаго, жандармскаго управленія ж. д. Василію Осипову Савосько, погибшему отъ ранъ 26 іюля 1909 года.

ціи Барановичи, Московско-Брестской жел. дор., и потребовалъ отъ нихъ подойти къ нему съ поднятыми руками. Въ

отвѣтъ злоумышленники выхватили револьверы и открыли стрѣльбу по чинамъ полиціи, ранили извозчика, на которомъ пріѣхалъ исправникъ, и двухъ верховыхъ лошадей стражниковъ; отвѣтными выстрѣлами одинъ изъ злоумышленниковъ былъ тяжело раненъ на мѣстѣ, а два другихъ побѣжали по линіи желѣзной дороги, разсчитывая скрыться среди станціонныхъ построекъ и вагоновъ, но на выстрѣлы со станціи навстрѣчу имъ бѣжалъ унтеръ-офицеръ Василій Савоško. Замѣтивъ это, злоумышленники свернули съ желѣзнодорожныхъ путей, побѣжали въ мѣстечко и здѣсь вскочили въ ближайшій дворъ, гдѣ и засѣли въ одномъ изъ сараевъ. Дворъ былъ оцѣпленъ стражниками и жандармскими унтеръ-офицерами, прибѣжавшими со станціи на выстрѣлы. Нѣсколько человѣкъ стражниковъ и унтеръ-офицеръ Савоško храбро вошли во дворъ осматривать постройки; во время этого осмотра и былъ тяжело раненъ въ животъ Савоško,—пуля прошла навылетъ, поранивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ кишки и раздробивъ почку. Несмотря на сдѣланную операцію, Савоško умеръ 26-го іюля. По этому сараю была открыта стражниками стрѣльба и преступники вынуждены были выскочить изъ сарая и побѣжали черезъ огородъ, за которымъ, на улицѣ, ихъ ожидалъ приставъ Менжинскій съ тремя стражниками. При перестрѣлкѣ съ этимъ отрядомъ оба преступника были убиты.

Похороны Савоško происходили при торжественной обстановкѣ: на гробъ возложены были роскошные вѣнки отъ Виленскаго жандармскаго полицейскаго управленія жел. дор., отъ Барановичскаго отдѣленія и отъ чиновъ Барановичской полиціи. Прахъ скромнаго героя къ мѣсту вѣчнаго упокоенія сопровождалъ взводъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, во главѣ съ начальникомъ отдѣленія, ротмистромъ Ильинымъ, конный отрядъ стражниковъ съ уѣзднымъ исправникомъ и приставомъ Менжинскимъ и рота 2-го желѣзнодорожнаго баталіона, при офицерахъ, съ хоромъ музыки.

Начальникъ Барановичскаго жандармскаго отдѣленія, ротмистръ Ильинъ, воздвигъ ему роскошный памятникъ чернаго мрамора, стоимостью около пятисотъ рублей. Памят-

никъ этотъ и былъ освященъ послѣ заупокойной обѣдни и панихиды; на освященіе этого памятника собраны были подъ начальствомъ ротмистра Ильина, бывшіе сослуживцы покойнаго — жандармскіе унтеръ-офицеры, отрядъ конныхъ стражниковъ, во главѣ съ уѣзднымъ исправникомъ и приставомъ мѣст. Барановичъ. На торжественномъ обрядѣ присутствовало много городскихъ жителей.

Честь и слава погибшему герою!

Василій Савельевичъ Агашковъ.

Крестьянинъ села Верхне-Чуева, Борисоглѣбскаго уѣзда. Убитъ 9-го марта 1908 г.

Василій Агашковъ былъ молодъ, женатъ, имѣлъ двухъ дѣтей и служилъ простымъ рабочимъ на станціи Обловка, Ряз.-Уральской жел. дороги. Ни въ солдатахъ, ни въ полиціи онъ никогда не служилъ, не зналъ военной дисциплины, пріучающей человѣка повиноваться, не разсуждая, не приносилъ присяги исполнять свое дѣло, свой долгъ свято, не щадя живота и презирая опасность и даже не боясь самой смерти. Врядъ ли когда нибудь и приходилось ему слышать, полное глубокаго значенія для солдата слово: *долгъ*, и вникать въ сущность этого слова.

Онъ былъ просто честнымъ русскимъ человѣкомъ, въ которомъ сознаніе *долга* жило инстинктивно, въ которомъ жила чуткая совѣсть. И поэтому въ минуту всеобщей растерянности и смертельной опасности, онъ дѣйствовалъ никѣмъ не побуждаемый, не повинуясь ничьему приказанію, а слѣдуя лишь движеніемъ своей честной души. Обстоятельства безвременной кончины Агашкова таковы:

9-го марта 1908 г. на станцію Обловка пріѣхалъ артельщикъ для уплаты рабочимъ жалованья. Расположившись, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ съ нимъ помощникомъ начальника участка и станціоннымъ жандармомъ, въ казармѣ, артельщикъ началъ раздачу денегъ.

Въ два часа дня, когда раздача жалованья уже подходила къ концу и въ казармѣ оставалось всего человѣкъ 15 рабочихъ, въ дверяхъ вдругъ появились трое неизвѣстныхъ молодыхъ людей, вооруженныхъ браунингами.

— Руки вверхъ!—крикнулъ одинъ изъ нихъ, направляя браунингъ на артельщика.

Безропотно, послушно, тотъ поднялъ руки. Инженеръ—помощникъ нач. участка, имѣвшій въ карманѣ револьверъ, и жандармъ—вооруженный съ головы до ногъ—тоже подняли руки вверхъ. Всѣ рабочіе, какъ испуганное стадо, выбѣжали вонъ въ полной паникѣ.

Одинъ только Василій Агашковъ не растерялся. Онъ не поднялъ рукъ, не убѣжалъ, а бросился къ телефону въ комнату желѣзнодорожнаго мастера. Быстро соединившись со станціей, онъ только успѣлъ крикнуть: „насъ грабятъ!“ Слѣдовавшій за нимъ по пятамъ, одинъ изъ разбойниковъ, конечно, понявшій намѣреніе Агашкова—подскочилъ къ нему и въ упоръ выстрѣлилъ въ грудь, въ сердце. Смерть наступила мгновенно.

Затѣмъ грабители отобрали у артельщика сумку съ остающимися деньгами, разбили телефонъ и телеграфъ и безпрепятственно скрылись. Но избѣжать своей участи имъ все-таки не удалось: въ этотъ же день двое изъ нихъ, при преслѣдованіи, были ранены и схвачены. Уйти отъ правосудія удалось только третьему.

А тотъ, кто умеръ какъ храбрецъ и герой, показавъ примѣръ какъ нужно было поступить тѣмъ, кто *долженъ* былъ такъ поступить какъ онъ—былъ поднять и на третій день преданъ честному погребенію.

Вдова—жена и двое маленькихъ дѣтей остались оплакивать его смерть и свою горькую, сиротскую долю.

Имя Василія Агашкова будетъ поминаться ежегодно въ молитвѣ за убіенныхъ правды ради.

Михаилъ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

Младшій надзиратель Костромского исправительнаго арестантскаго отдѣленія. Убитъ 14 октября 1910 г.

Трогательная забота либеральныхъ членовъ Государственной Думы о предоставленіи всякихъ льготъ преступникамъ, осужденнымъ судомъ за злодѣйства, придаетъ этимъ послѣднимъ еще больше наглости и дерзости.

Служба въ тюремномъ вѣдомствѣ въ высшей степени тяжелая и скромно оплачиваемая, является въ настоящее время труднымъ подвигомъ, сопряженнымъ съ постоянной опасностью угрожающей жизни со стороны злобно-настроенныхъ арестантовъ и разгуливающихъ на свободѣ революціонеровъ. И хотя „освободительная“ жидовская печать изо всѣхъ силъ старается вызвать жалость къ участи убійцъ, воровъ и политическихъ преступниковъ,—однако гораздо большей жалости заслуживаетъ судьба тюремныхъ надзирателей, обреченныхъ ежедневно и ежечастно терпѣть грубости арестантовъ и принимать на себя всю злобу и ненависть, которую питаютъ преступники къ осудившему ихъ строю.

Поджигатели, воры, убійцы, конокрады, крамольники, всѣ эти преступники, столь любезные сердцу „освободителей“,—несутъ наказаніе за свою собственную вину.

Тюремные служащіе, исполнители возложеннаго на нихъ государствомъ долга, ограждая мирное общество отъ злодѣевъ, несутъ утомительный трудъ, требующій постояннаго напряженія первовъ и воли и вмѣсто того, чтобы слышать благодарность,—становятся мишенью въ которую цѣлятся враги общества и въ которую постоянно бросаютъ грязью лицемѣрные, либеральные „интеллигенты“, не желающіе понять, что эти ненавистные имъ служители долга, охраняютъ ихъ же собственный покой.

Со времени смуты 1905 г. особенно много пострадало чиновъ тюремнаго вѣдомства и къ глубокому сожалѣнію и по настоящее время ихъ участь не обезпечена и зачастую появляется въ газетахъ краткое сообщеніе, что въ такой-то тюрьмѣ пострадалъ или убитъ служащій.

Въ октябрѣ текущаго 1910 г. въ Костромскомъ арестантскомъ исправительномъ отдѣленіи звѣрски убитъ арестантомъ младшій надзиратель, Михаилъ Алексѣевичъ Алексѣевъ: ему было нанесено 17 ранъ ножемъ и онъ умеръ, истекая кровью. Если бы такъ убитъ былъ какой нибудь арестантъ,—несомнѣнно поднятъ былъ бы невообразимый шумъ и Государственной Думой сдѣланъ бы былъ запросъ правительству; но погибъ одинъ изъ вѣрныхъ и скромныхъ служащихъ—и событіе прошло незамѣченнымъ. Читали ли мы въ газетахъ хоть одну статью, посвященную этому ужасному событію?

Михаилъ Алексѣевичъ Алексѣевъ, запасной ефрейторъ 140 пѣхотнаго Зарайскаго полка, происходилъ изъ мѣщанъ г. Костромы. Въ 1898 г. онъ поступилъ на службу надзирателемъ въ Костромское арестантское исправительное отдѣленіе и состоялъ въ этой должности по день своей смерти. Алексѣевъ былъ человѣкъ честный, трезвый и добросовѣстный, за усердную службу онъ имѣлъ двѣ серебряныя медали и одно время исполнялъ обязанности старшаго надзирателя.

14-го октября 1910 г. Алексѣевъ стоялъ постовымъ надзирателемъ въ больницѣ при арестантскомъ отдѣленіи. Больница помѣщается въ верхнемъ этажѣ отдѣльнаго корпуса и имѣетъ два хода,—одинъ парадный, постоянно запертый на замокъ и другой открытый для пользованія служащихъ.

Часа въ 3 дня больные арестанты, человѣкъ около 10 были выпущены на прогулку на отдѣльный дворъ. Въ камерѣ № 8 остался одинъ арестантъ Погодинъ, который гулять не пожелалъ, другой же его товарищъ ушелъ. Эта камера какъ разъ находится возлѣ площадки параднаго входа, въ сторонѣ отъ коридора, по бокамъ котораго расположены больничныя камеры. Когда арестанты ушли на

прогулку, Погодинъ застучалъ въ своей камерѣ. Надзиратель Алексѣевъ подошелъ къ двери его камеры и отперъ ее. Тогда Погодинъ бросилъ въ глаза Алексѣеву табаку и, схвативъ его, сталъ наносить ему въ спину раны ножемъ, заранѣе добытымъ гдѣ-то. Погодинъ старался стащить Алексѣева внизъ по лѣстницѣ къ запертому парадному входу, чтобы тамъ его зарѣзать и вооружившись его револьверомъ, выйти къ бывшимъ на прогулкѣ арестантамъ и затѣмъ, застрѣливъ стоящаго во дворѣ надзирателя и отобравъ его ружье—оружіемъ проложить себѣ дорогу къ побѣгу. Но замыселъ Погодина не удался. На крикъ Алексѣева, боровшагося съ арестантомъ, прибѣжалъ больничный служитель, арестантъ же, Афанасьевъ и сталъ тащить Погодина прочь, чтобы спасти Алексѣева. Всѣ трое вылѣзли въ корридоръ больницы, гдѣ продолжалась борьба. Ослѣпленный табакомъ и израненный Алексѣевъ, напрягъ послѣднія силы. Ему наконецъ удалось вырвать у Погодина изъ рукъ ножъ, которымъ онъ нанесъ ему двѣ раны, но Погодинъ завладѣлъ револьверомъ Алексѣева и принялся стрѣлять. Двумя выстрѣлами онъ ранилъ больничнаго служителя Афанасьева въ бокъ, задѣвъ легкое, и перешибъ руку. Вырвавшись изъ рукъ Погодина. Алексѣевъ вмѣстѣ съ Афанасьевымъ выбѣжали на больничный дворъ. Но для исполосованнаго ножевыми ранами Алексѣева это усиліе было слишкомъ велико: онъ тутъ же упалъ, истекая кровью, и черезъ 20 мин. скончался.

Погодинъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ по другимъ больничнымъ служителямъ и въ окно по находившемуся во дворѣ постовому надзирателю,—но промахнулся. Въ это время къ нему кинулись четыре надзирателя. Погодинъ заперся, но видя, что его дѣло проиграно и что ему уйти некуда—застрѣлился.

Арестантъ Афанасьевъ находится въ настоящее время на излеченіи въ губернской больницѣ, здоровье его улучшается и о смягченіи его участи возбуждено ходатайство.

Михаилу Алексѣевичу Алексѣеву было 45 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталась вдова съ пятью дѣтьми изъ которыхъ старшему 11 лѣтъ, а младшій ребенокъ—грудной.

Несчастная семья лишилась своей единственной поддержки и обречена на горе и нужду.

Почтимъ же мы, русскіе люди, память честнаго, труженика, вѣрнаго слуги родины, павшаго жертвой дикой злобы арестанта. Да упокоитъ Господь его душу въ Небесномъ Царствіи гдѣ нѣтъ печали, ни воздыханія!

Василій Адамовичъ Олешковичъ.

Начальникъ Варшавскаго 4-го почтово-телеграфнаго отдѣленія.
Убитъ 9-го февраля 1907 г.

Ѳома Андреевичъ Шульжинскій.

Почтальонъ, скончавшійся отъ ранъ 11-го февраля 1907 г.

Въ Варшавѣ 9-го февраля 1907 г. геройски погибли при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей: Василій Адамовичъ Олешковичъ, начальникъ 4-го почтово-телеграфнаго отдѣленія и Ѳома Андреевичъ Шульжинскій, почтальонъ.

Мирно текла обычная почтовая жизнь бойкой конторы большого города: какъ всегда вереницы отправителей заказной корреспонденціи чередовались у окошечка, гдѣ принимались письма и гдѣ спѣшно работали почтовые чиновники. Въ этотъ день въ кассѣ скопилась большая сумма денегъ. Почтовая страда уже начала сдавать. Мирно около кассы стояли часовые, а почтальоны спѣшили съ упаковкой и отправкой. Вдругъ изъ публики раздался залпъ. Стрѣляли какія то подозрительныя лица, прилично одѣтыя. Ранѣе они дѣлали видъ, что тоже заняты отправкой корреспонденціи. Залпъ послѣдовалъ по сигналу главаря „товарищеской“ банды. Отъ предательскаго залпа мертвыми свалились часо-

вые и стоявшій тутъ же совсѣмъ непричастный къ почтѣ деньщикъ...

Три почальона лежали раненые на полу. Публика въ страхѣ разбѣжалась...

„Руки вверхъ“ раздался столь обычный разбойничій крикъ. Много, много рукъ протянулись кверху. Но рука почтальона Шульжинскаго не подчинилась дерзкому требованію и опустилась внизъ, къ кобуру револьвера. Опустилась она, чтобы

Ѳома Андреевичъ Шульжинскій

больше не подняться! Не успѣли еще пальцы коснуться кобура, какъ уже револьверная пуля подкосила эту молодую честную жизнь, и стойкій исполнитель долга свалился мертвымъ.

Не поднялись еще другія трудовыя руки отъ наглаго окрика злодѣевъ. Храбро и твердо стоялъ около кассы начальникъ отдѣленія Олешковичъ, ясно и прямо смотря въ дерзкія лица грабителей.

„Ключи или жизнь“! загалдѣла разбойничья шайка и нѣсколько дулъ нацѣлились въ голову Олешковича.

„Умру, но ключей отъ кассы не дамъ“! промолвилъ онъ и упалъ, изрѣшетенный 18 пулями. Возлѣ начальника, уже мертваго, въ предсмертныхъ судорогахъ корчился его храбрый товарищъ.

Проповѣдующіе на Невскомъ отмѣну смертной казни товарищи запустили свои окровавленныя руки въ Государственный сундукъ и скрылись, унося съ собой захваченные въ попыхахъ деньги...

Черезъ два дня въ тяжкихъ мученіяхъ скончался отъ ранъ Шульжинскій.

Тогда были еще ранены почтальоны Ермолинскій, Петрашевскій и Гора.

Хоронили Олешковича и Шульжинскаго въ одинъ день. Ихъ гроба утопали въ цвѣтахъ. Громадная толпа провожала до послѣдняго пристанища этихъ скромныхъ жертвъ гражданскаго долга. За сердце хватали и щемили душу видъ и слезы женъ и дѣтей убитыхъ.

Нѣсколько убійцъ были потомъ пойманы и преданы суду, приговорившему ихъ къ казни.

Считаемъ своимъ долгомъ привести краткія біографіи этихъ вѣрныхъ служителей родины:

Надворный совѣтникъ Василій Адамовичъ Олешковичъ родился 1-го марта 1852 года; онъ былъ сынъ простого пономаря, служившаго въ с. Бѣльмичи, Могилевской губерніи и уѣзда. Скромно жилъ пономарь, служа въ Николаевской церкви, но отдалъ все-таки своего сына въ духовное училище.

Но нужда не дала кончить Василію Адамовичу курса и онъ былъ принужденъ поступить почтальономъ въ Копысское почтовое отдѣленіе, откуда былъ за усердіе переведенъ въ бывшую Варшавскую губернскую почтовую контору.

Здѣсь, съ громаднымъ трудомъ и рѣдкой энергіей, онъ занимался самообразованіемъ въ свободные отъ тяжелой службы часы и 1-го февраля 1886 года выдержалъ экзаменъ на первый классный чинъ.

Послѣ экзамена онъ послѣдовательно занималъ рядъ почтовыхъ должностей и 6-го сентября 1894 г. былъ назначенъ начальникомъ Варшавской 4-ой городской почтовой конторы. Когда 1-го августа 1906 г. эта контора была преобразована въ 4-ое почтово-телеграфное городское отдѣленіе, Олешковичъ былъ переименованъ въ почтово-телеграфные чиновники II разряда и остался его начальникомъ.'

Здѣсь же судилъ ему Богъ честно умереть исполняя свой долгъ.

Послѣ него осталась вдова и дѣти.

Ѳома Андреевичъ Шульжинскій, вмѣстѣ съ нимъ павшій, былъ православный, крестьянинъ изъ Гродненской губерніи. До 20 лѣтъ онъ оставался дома, занимаясь хлѣбопашествомъ, помогая старику отцу.

Отбывъ воинскую повинность, онъ вышелъ въ запасъ со званіемъ фельдшера и поступилъ на службу въ роковое для него почтовое отдѣленіе.

Обладая отзывчивымъ, веселымъ, чисто русскимъ характеромъ покойный пользовался всеобщей любовью, какъ товарищей, такъ и начальства. Умеръ онъ еще молодымъ—ему было всего 35 лѣтъ. А жить бы ему еще жить: тѣлосложеніе мощное и здоровье крѣпкое!

Послѣ него осталась молодая вдова и двое маленькихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Вѣчная память вамъ вѣрные исподнители долга.

Павелъ Романовичъ Реутскій.

Городовой гор. Кролевца, Черниговской губ. Убитъ 13 ноября 1907 г.

Въ темную ненастную осеннюю ночь на 13 ноября 1907 года, городовой Павелъ Романовичъ Реутскій, одиноко стоялъ на своемъ посту, охраняя почтово-телеграфную контору, въ маленькомъ уѣздномъ городѣ Кролевцѣ, Черниговской губ. Чутко прислушиваясь и всматриваясь въ окружающую темноту, едва прорѣзываемую тусклымъ свѣтомъ чуть не единственнаго фонаря, Реутскій замѣтилъ, что два какихъ-то человѣка ходятъ около почтово-телеграфной конторы, охраняемой имъ.

Подозрительна показалась честному городовому столь поздняя прогулка въ такую дурную погоду и онъ рѣшилъ слѣдить за неизвѣстными гуляками. Но они, видимо, боясь обратить на себя вниманіе, вскорѣ вошли въ находившуюся по близости, пивную. Не желая показывать, что слѣдитъ за ними, Реутскій, спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ показавшіеся ему подозрительными, личности покинули пивную, зашелъ въ нее и спросилъ у содержателя, сидѣвшаго за прилавкомъ и знавшаго почти весь городъ, извѣстны ли ему эти люди. Отрицательный отвѣтъ еще болѣе увеличилъ подозрѣнія городового и онъ, взявъ съ собою сторожа лавокъ, пошелъ розыскивать неизвѣстныхъ. Поручивъ сторожу обойти лавки, Реутскій направился розыскивать неизвѣстныхъ около порученной его охранѣ почты; но не прошло и 10 минутъ, какъ онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера. Погибла жизнь честнаго труженика отъ руки неизвѣстнаго грабителя,—убійцы. Не только имущество—жизнь отнимаютъ они у честныхъ гражданъ, которые не раздѣляютъ ихъ крамольныхъ убѣжденій!

Покойный П. Р. Реутскій происходилъ изъ мѣщанъ г. Кролевца. На службу въ полицію онъ поступилъ въ 1903 году, а до тѣхъ поръ кое-какъ перебивался службою у частныхъ

лицъ своего родного города. Службу свою въ полиціи онъ началъ пѣшимъ стражникомъ, а потомъ перешелъ на должность городового и скоро ему, за его добросовѣстное — не только за страхъ, но и за совѣсть—отношеніе къ дѣлу, былъ порученъ такой отвѣтственный постъ у почтово-телеграфной конторы, на которомъ требовалась особенная внимательность и радѣніе. Свято исполняя свой долгъ, — онъ убитъ. Миръ праху твоему, честный труженикъ! Не было на гробѣ твоемъ вѣнковъ, пусть же память о твоей славной смерти будетъ тебѣ лучшимъ вѣнкомъ отъ всей вѣрной своему Государю Россіи!

Оставшаяся съ ребенкомъ вдова покойнаго получаетъ установленную закономъ пенсію.

Петръ Степановичъ Покровскій.

Стражникъ Петроковской губ., Бендинскаго уѣзда. Убитъ 9-го февраля 1906 г. въ Модржіевѣ.

За время пресловутой „революціи“ ни одна губернія въ Россіи не дала, такого количества убитыхъ вѣрныхъ слугъ Царя, какъ Петроковская. Гордые польскіе паны, ненавидящіе Россію слились въ трогательномъ единомысліи съ жидами, противниками всего христіанскаго.

Воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, они подняли смуту внутри государства. Паны мечтали о возвращеніи привиллегій и возстановленіи Великой Польши „отъ моря и до моря“, а жиды поднялись, чтобы добиться главенствующей роли въ странѣ. И тѣ и другіе достигли бы своихъ цѣлей, если бы не встрѣтили сопротивленіе тамъ, гдѣ меньше всего ожидали его найти. Подавили революцію и залили пожаръ своею кровью люди—маленькіе чинами—великіе духомъ. Въ то время какъ нѣ-

которые генералъ-губернаторы, переодѣвшись бѣжали со своихъ постовъ (фонъ-Поппенъ и Такайшвили)—простые околоточные, пристава и стражники безропотно гибли въ неравной борьбѣ, помня, что лучше умереть въ славѣ, чѣмъ жить въ позорѣ. И благодарная Родина теперь свято чтитъ память дѣтей своихъ, не бросившихъ Великой Матери въ дни ея бѣдствій и униженій. Однимъ изъ такихъ незамѣтныхъ героевъ и былъ Петръ Степановичъ Покровскій. Происходя изъ крестьянъ Рязанской губерніи, онъ въ 1895 году, будучи призванъ на службу,—былъ назначенъ въ гор. Лодзь въ 10-ую артиллерійскую бригаду. Честный, усердный, смѣтливый, онъ всей душой отдался службѣ и въ короткое время, по окончаніи учебной команды, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Строгій и требовательный по службѣ, Покровскій въ свободное время являлся лучшимъ другомъ и учителемъ молодыхъ солдатъ. Полюбивъ всей душой военное дѣло—онъ по окончаніи службы отказался отъ мирнаго труда въ деревнѣ и выбралъ полную опасности службу земскаго стражника. Тяжелая и въ обыкновенное время служба эта, въ проклятой памяти годы смуты, сдѣлалась прямо непосильной. Цѣлый день въ разъѣздахъ по уѣзду, на конѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, въ непрестанной борьбѣ съ преступниками, покрываемыми враждебнымъ населеніемъ,—Петръ Степановичъ провелъ 1904-5-6 гг. А вѣдь казалось бы—чего проще? Служилъ онъ по вольному найму и уйти могъ во всякое время. Но нѣтъ! честь солдата, горячая искренняя любовь къ Царю и Родинѣ не позволяли ему бросить свой постъ. „Если я служилъ Родинѣ, когда она была сильна и счастлива, неужели брошу ее теперь униженной и страдающей!“ часто говаривалъ онъ въ отвѣтъ на упрашиванія жены уѣхать на родину. И не было такого опаснаго порученія на которое не вызвался бы охотою стражникъ Покровскій.

9-го февраля 1906 года уѣздный начальникъ приказалъ Петру Степановичу, совмѣстно съ жандармами и другими стражниками произвести обыскъ у австрійскаго-подданнаго поляка Зяхъ. У пана была найдена нелегальная литература и браунингъ. Конфисковавъ все найденное, обыскивавшіе на-

правились къ выходу. Впереди, какъ и всегда въ опасности, шелъ Покровскій. Уже на площадкѣ, изъ-за двери сосѣдней квартиры раздался выстрѣлъ. Безъ стона, безъ крика, упалъ Петръ Степановичъ. Смерть была мгновенна Пуля пробила глазъ и мозгъ. Какъ часовой на стражѣ Русской государственности — погибъ Покровскій.

Такими людьми создавалась и держится Русь. Вѣчная память умершимъ—слава живымъ!

Сына Покровскаго пріютили добрые люди въ пріютѣ св. Вѣры на ст. Каминскъ, Петроковской губерніи.

Іосифъ Ивановичъ Никоновъ.

Капитанъ 32 Восточно-Сибирскаго полка.

Прохоровъ, поручикъ, офицеръ пулеметной роты.

Погибли 10 января 1906 г. во Владивостокѣ.

Великую скорбь переживала Русская земля въ тяжелую годину Русско-японской войны, осложнившейся крупными внутренними безпорядками произведенными, къ стыду нашего русскаго общества, преступной еврействующей интеллигенціей, желавшей воспользоваться всенароднымъ бѣдствіемъ,—войною, для своихъ разрушительныхъ цѣлей, для того чтобы свергнуть съ престола Царя, а затѣмъ, устроивъ республику, захватить власть въ свои руки. Во главѣ движенія стояли инородцы, преимущественно жиды, поляки: первые—въ надеждѣ получить господство, вторые—въ надеждѣ возсоздать свое царство, отдѣлившись отъ ослаблен-

ной войною и революціей Россіи. Вслѣдъ за этими измѣнниками, не понимая ихъ затаенной цѣли пошли и многіе русскіе, введенные въ заблужденіе обѣщаніемъ имъ свободы, земли и другихъ благъ. Конечно всѣ эти обѣщанія остались-бы только посулами, ибо какое дѣло жидамъ и полякамъ до блага русскаго народа. Они не только не исполнили бы этихъ обѣщаній, но, ослабивъ Россію, они обрушились бы на русскій народъ и, покоривъ его, сдѣлали бы его своимъ данникамъ, ибо эти люди желали свободы только для себя, для того чтобы властвовать надъ покорившею ихъ Россіей и русскимъ народомъ. Многіе русскіе люди не поняли злыхъ намѣреній этихъ инородцевъ и пошли по ихъ указкѣ возставъ противъ Царя, властей и проливъ много невинной крови своихъ же братьевъ единоплеменниковъ. Много вреда принесли Россіи эти люди, много бѣдствій и скорби причинили они Царю и народу ибо не зѣдали что творили... Господь Богъ да будетъ имъ милостивымъ Судьею!

Но не всѣ русскіе люди, конечно, поддались этому позорному вліянію и совѣту. Нашлось не мало разумныхъ, доблестныхъ, людей, которые поняли что революція есть лишь измѣна и предательство, и которые, исполняя долгъ передъ Богомъ и Царемъ выступили на защиту Россіи и легли костьми за свое правое дѣло. Люди эти, поносимые и преслѣдуемые революціонерами, стяжали себѣ несомпѣнную славу среди всѣхъ вѣрноподданныхъ, православныхъ, благомыслящихъ людей, пріявъ мученическую кончину за Вѣру, Царя и Отечество. Книга Русской Скорби приняла на себя трудъ увѣковѣчить имена сихъ доблестныхъ героевъ для исторіи и потомства, ибо придетъ время когда Святая Русь вспомнитъ доблестныхъ сыновъ своихъ, воздвигнувъ храмъ для увѣковѣченія ихъ памяти, какъ воздвигла она храмъ для увѣковѣченія героевъ 1812 года. Какъ бы ни желали жиды и русскіе предатели замолчать имена павшихъ героевъ, но придетъ время когда съ новою силою воспрянетъ Русь и распадутся враги ея!

Къ этимъ доблестнымъ страдальцамъ за право и правду слѣдуетъ отнести имя капитана Никонова и одновременно съ нимъ погибшаго поручика Прохорова.

Капитанъ 32-го Восточно Сибирскаго Стрѣлковаго полка Іосифъ Ивановичъ Никоновъ, сынъ военнаго врача, родился 4 апрѣля 1856 года въ Харьковѣ. Окончивъ Харьковское юнкерское училище, онъ былъ произведенъ въ офицеры въ 40-й пѣхотный, Колыванскій полкъ, гдѣ прослужилъ до чина капитана. Какъ добросовѣстный, выдающійся офицеръ, въ 1903 году онъ былъ представленъ по избранію къ производству въ подполковники, но не дождавшись сего производства, въ октябрѣ того же года, онъ отбылъ, по жребію, со своей ротой на Дальній Востокъ для сформированія во Владивостокѣ 32-го Восточно-Сибирскаго полка, куда прибылъ 14-го ноября 1903 года. По объявленіи войны кап. Никоновъ былъ назначенъ завѣдующимъ хозяйствомъ полка.

Подорвавъ усиленными трудами здоровье за время войны, кап. Никоновъ долженъ былъ отказаться отъ завѣдыванія хозяйствомъ и былъ назначенъ, въ декабрѣ 1905 года временно командующимъ 1-мъ батальономъ. За понесенные усиленные труды онъ былъ награжденъ орденами Станислава и Св. Владиміра...

Въ это время, въ полкахъ и во флотѣ шла усиленная пропаганда со стороны революціонеровъ, преимущественно военныхъ врачей поляковъ и евреевъ, а также понаѣхавшихъ изъ Россіи исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній студентовъ. Разбрасывали и раздавали прокламаціи, солдатъ спаивали водкой, вели съ ними развращающія подрывающія дисциплину, бесѣды, распускали злонамѣренные слухи о русскихъ пораженіяхъ и гибели арміи, собирали солдатъ на митинги и бесѣды... А тутъ наступило 17-ое октября, когда распространился слухъ объ объявленіи въ Россіи республики, что, въ глазахъ солдатъ, представлялось имъ какъ упраздненіе начальства и свободы отъ службы. Во Владивостокѣ и крѣпости вспыхнули безпорядки: начались грабежи и поджоги: мѣстные хулиганы стали безчинствовать, развозили по городу бочки съ керосиномъ, обливали ими дома, и на виду у всѣхъ, поджигали. Городъ былъ весь въ пламени. Жители, въ паническомъ страхѣ, бросали дома и имущество, спасаясь на стоящіе на рейдѣ пароходы и барки.

Дабы обрисовать положеніе Владивостока въ эти печальные дни, помѣщаемъ два воззванія жителей къ солдатамъ и матросамъ.

Воззваніе жителей г. Владивостока къ солдатамъ и матросамъ.

Братья наши!

Мы, жители г. Владивостока, приняли горячее участіе въ удовлетвореніи вашихъ нуждъ. Это внесло успокоеніе въ вашу среду и безпорядки прекратились.

Между тѣмъ кучка разнузданныхъ людей, воспользовавшись настоящими обстоятельствами, продолжаетъ грабить и насиловать мирныхъ жителей, одѣваясь даже въ военную форму.

Въ виду этого жители города рѣшили защищать съ оружіемъ въ рукахъ свои семьи и дома отъ этихъ грабителей.

Мы надѣемся, что нижніе чины арміи и флота, помня, что у нихъ на родинѣ остались свои семьи, сплотятся съ нами на защиту имущества, женъ и дѣтей нашихъ противъ разбойниковъ и поджигателей.

3 ноября 1905 г. *Граждане г. Владивостока.*

Жители и солдаты!

Мы не враги, а друзья народа, а слѣдовательно и ваши друзья. Принимая все время всѣ мѣры для оказанія вамъ добра, мы обязаны въ то же время сказать вамъ честно въ глаза правду, а именно:

1) Продолженіе безпорядковъ повлечетъ къ полной невозможности дѣйствовать всѣмъ управленіямъ, пути сообщенія, телефоны, телеграфы, станціи, могутъ подвергнуться опасности разгромленія, служащіе на военныхъ желѣзныхъ дорогахъ, опасаясь за свои семьи и имущества, хотятъ массами оставить дорогу, если безпорядки будутъ продолжаться, и никакія исправленія дороги при такихъ условіяхъ невозможны.

Все это должно привести къ тому, что запасные и всѣ другія лица не будутъ въ состояніи, на Богъ знаетъ какое время, выѣхать въ Россію домой.

2) По этимъ же причинамъ за границей иностранцы опасаются сюда присылать пароходы изъ боязни разгрома. Такимъ образомъ путь съ моря также будетъ закрытъ для отправки на родину.

3) Всеобщіе безпорядки ведутъ къ совершенному истребленію продуктовъ, провіанта, къ невозможности его подвоза и доставки, и необходимымъ послѣдствіемъ этого будетъ *голодъ* какъ въ войскахъ такъ и среди уже раззоренныхъ жителей.

4) Истребленіе путемъ пожаровъ и разрушенія жилищъ, казармъ и всякихъ вообще жилыхъ помѣщеній приведетъ къ тому, что какъ войска, такъ и жители останутся въ зимнее время безъ крова. Вслѣдствіе этого, а также въ связи съ голодовкой, произойдутъ массовыя заболѣванія въ особенности среди стариковъ, женщинъ и дѣтей.

5) Если безпорядки будутъ продолжаться, то иностранныя державы, какъ это было съ Китаемъ и Турціей, пришлютъ сюда свои войска для защиты интересовъ своихъ подданныхъ. Это поведетъ къ новому ужасному кровопролитію и позору для всей Россіи и народа.

Итакъ, каждый долженъ помнить и знать, что продолженіе безпорядковъ сдѣлаетъ несчастными всѣхъ насъ.

Обдумайте все это и вы поймете, что дальше безпорядки продолжаться не должны.

Пожалѣемъ же нашу истерзанную родину.

Ваши нужды намъ извѣстны и мы сдѣлаемъ все, чтобы они были удовлетворены мирнымъ путемъ.

Оставшіяся вѣрными войска положительно выбились изъ силъ охраняя жителей и ихъ имущество, при чемъ 32-й В. С. полкъ заслужилъ за свою отвагу особую благодарность со стороны обывателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно озлобилъ рволюціонеровъ и грабителей.

Со стороны этого сброда сыпались все время ругательства, угрозы по адресу офицеровъ, но войска не поддавались, стойко давали отпоръ, нерѣдко пуская въ ходъ холодное оружіе. Эти ужасы продолжались больше мѣсяца:

войска были страшно истомлены, а нервы жителей напряжены до крайней степени.

10-го января 1906 года, 1-й батальонъ В. С. полка былъ по тревогѣ, вызванъ въ боевомъ порядкѣ въ 2 часа дня для усмиренія толпы мятежниковъ, матросовъ и толпы рабочихъ, разграбившихъ арсеналъ въ порту и направившихся, послѣ митинга, съ своими требованіями къ коменданту крѣпости ген. Селиванову. Батальонъ выстроился подъ командой капитана Никонова. Все время зорко слѣдя за порядкомъ, кап. Никоновъ, усмотрѣвъ что 1-й ротой командуетъ неопытный офицеръ, плохо справлявшійся со своей задачей, немедленно передалъ командованіе тремя ротами командиру 2-й роты кап. Луніану, самъ же сталъ во главѣ 1-й роты, занимавшей самый опасный пунктъ, сильно обстрѣливаемый мятежниками съ крышъ сосѣднихъ домовъ.

Здѣсь то доблестный слуга Царя и Родины былъ сраженъ шальной пулей мятежниковъ въ то время, когда ободряемая имъ рота стала уже пробивать себѣ путь къ побѣдѣ!

Пуля попала Никонову въ грудь и онъ умеръ тутъ же отъ кровоизліянія въ легкихъ. Тѣло покойнаго внесли въ артиллерійское управленіе и положили на одну изъ первыхъ паръ.

Солдаты, при видѣ смерти любимаго начальника ожесточились на мятежниковъ и жестоко имъ отмстили.

Доблесть капитана Никонова должна быть тѣмъ болѣе оцѣнена, что дѣло происходило недалеко отъ его дома, также обстрѣливаемаго мятежниками, при чемъ его жена, не отходила отъ окна, безпокоясь за судьбу любимаго супруга. Все это кап. Никоновъ не только зналъ, но и видѣлъ, и остался на своемъ посту для подкрѣпленія и вдохновенія дрогнувшихъ было солдатъ 1-й роты.

За свою доброту и вниманіе къ солдатамъ, кап. Никоновъ былъ очень ими любимъ, хотя, какъ начальникъ, онъ былъ строгъ и взыскателенъ. Во время безпорядковъ, кап. Никоновъ, страдая томившей его болѣзнью, все же считалъ своею обязанностью посѣщать казармы, не смотря на запрещеніе врача и просьбы жены. Тамъ онъ нерѣдко падалъ въ обморокъ и его замертво приносили домой, но онъ про-

должалъ посѣщать казармы для поддержанія духа и порядка въ своей части, что ему и удавалось. Солдаты его искренно любили и, въ послѣднемъ дѣлѣ, настойчиво отговаривали его идти въ опасныя мѣста дабы не подвергать свою жизнь опасности. Но кап. Никоновъ на это обычно отвѣчалъ: „плохой тотъ командиръ, что прячется подъ прикрытіе“ и смѣло шелъ на опасность.

Вмѣстѣ съ кап. Никоновымъ былъ сраженъ пулей въ голову и молодой поручикъ пулеметной роты Прохоровъ. Тутъ же легло и много нижнихъ чиновъ погибшихъ, къ стыду Россіи и русскихъ, — не отъ вражеской пули японцевъ, но отъ пули своихъ русскихъ измѣнниковъ, ибо сражаться на улицу выходили не жиды и поляки подстрекатели, но безумные, обманутые ими, русскіе люди, подставлявшіе подъ пули свои глупыя головы; и конечно въ этихъ стычкахъ не погибло ни одного подстрекателя, которые, во время мятежей, на крѣпко запирались въ своихъ квартирахъ, посылая подъ разстрѣлъ русскихъ простаковъ.

Революціонеры во Владивостокѣ не удовольствовались однимъ лишь убійствомъ слугъ Царя; они надругались и надъ тѣлами умершихъ!

На другой день послѣ гибели кап. Никонова, ко вдовѣ убитаго явилось 16 человѣкъ солдатъ за разрѣшеніемъ рыть могилу для своего покойнаго командира на военномъ кладбищѣ. Взявъ съ собою сажень дровъ и ломы они пошли рыть могилу, но черезъ нѣкоторое время явились перепуганные и возмущенные, заявивъ что революціонеры не допускаютъ рыть могилу и грозятъ стрѣлять при первой попыткѣ начать работу. Въ виду этого рѣшено было похоронить покойнаго на городскомъ кладбищѣ, но, когда батальонъ собрался для провода тѣла, революціонеры рѣшили стрѣлять по похоронной процессіи. Не желая подвергать людей опасности, вдова покойнаго рѣшила просить священника и офицеровъ обождать похоронами, которыя могли состояться лишь на шестой день послѣ смерти.

Не легко было бѣдной вдовѣ перенести всѣ эти ужасныя муки при видѣ тѣла обожаемаго мужа. Не легко ей было

и послѣ его погребенія, оставшись безъ всякихъ средствъ къ существованію если не считать полученіе пенсіи въ размѣрѣ 28 р. 75 к. въ мѣсяцъ, причитавшейся ей по закону за 34 года 11 мѣсяцевъ службы мужа. Только годъ спустя, по Высочайшему повелѣнію ей была назначена полная пенсія въ размѣрѣ 516 рублей, въ томъ числѣ 172 р. эмеритуры.

Единственное нравственное удовлетвореніе, которое получила жена покойнаго, это рѣшеніе штаба крѣпости увѣковѣчить память доблестно погибшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и выписать, на пожертвованныя частями войскъ средства, изъ Италіи мавзолей художественной работы. Тѣла всѣхъ погибшихъ 4-хъ офицеровъ и 13 нижнихъ чиновъ покоятся въ общемъ мѣстѣ и каждая могила увѣнчана мраморнымъ памятникомъ чудной работы; мавзолей служитъ поистинѣ украшеніемъ военнаго кладбища.

Много погибло за Вѣру, Царя и Отечество доблестныхъ, честныхъ русскихъ людей... Не вмѣстить именъ всѣхъ героевъ на страницахъ Книги Русской Скорби, задавшейся цѣлью увѣковѣчить ихъ память, чтобы знала Россія, что не оскудѣла она людьми долга и чести, чтобы знала крамола въ будущемъ, что она во всѣ времена найдетъ достойный отпоръ въ лицѣ Христолюбиваго Православнаго Русскаго Воинства.

Миръ праху вашему доблестные сыны Россіи, доблестные слуги Царя и Отечества!

Да послужитъ ваша гибель примѣромъ и назиданіемъ тѣмъ молодымъ силамъ, что стали на ваше мѣсто. Да будетъ во вѣки славный 32-й Восточно-Сибирскій полкъ въ средѣ котораго были истинные герои!

Владиміръ Николаевичъ Ходкевичъ.

Офицеръ для особыхъ порученій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ.
Убитъ 12-го Августа 1906 года.

Владиміръ Николаевичъ Ходкевичъ происходилъ изъ дворянской семьи; онъ родился въ Смоленской губерніи въ 1858 году. Вскорѣ послѣ его рожденія родители его переѣхали въ Варшаву, гдѣ онъ и выросъ. Свое образованіе В. Н. началъ въ мѣстной классической гимназіи, а затѣмъ былъ переведенъ родителями въ военное училище, по окончаніи котораго началъ свою военную службу.

Въ 1901 году В. Н. уже въ чинѣ капитана былъ командированъ въ личное распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве а затѣмъ П. А. Столыпина и, какъ офицеръ по особымъ порученіямъ, дежурилъ во время пріемовъ у министра въ его дачѣ на Аптекарскомъ островѣ. Дома онъ часто говорилъ объ опасности подобныхъ дежурствъ и ежедневно, уходя на службу, набожно крестился и благословлялъ жену и сына.

Лѣто 1906 года семья его провела въ деревнѣ въ Кур-

ской губерніи и 9-го августа вернулась въ Петербургъ. В. Н. несказанно обрадовался возвращенію семьи и послѣдніе три дня съ необыкновеннымъ душевнымъ подъемомъ и въ радостномъ настроеніи отправлялся на дежурство.

12-го числа, въ день катастрофы, онъ былъ особенно спокоенъ. День проходилъ, какъ всѣ предыдущіе...

Въ четвертомъ часу дня къ подъѣзду дачи министра подъѣхало наемное ландо, въ которомъ сидѣлъ господинъ въ статскомъ платьѣ и два офицера въ формѣ, очень похожей на жандармскую. Запись посѣтителей была уже прекрекращена и потому, не смотря на пріемный день, прислуга не хотѣла ихъ впустить. Тогда они проявили намѣреніе силою проникнуть въ слѣдующую за прихожей пріемную комнату, гдѣ ждали своей очереди многочисленные посѣтители и весь состоящій при Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ штатъ должностныхъ лицъ. Замѣтивъ это, генералъ-маіоръ Замятнинъ и капитанъ Ходкевичъ быстро приблизились къ двери и всей тяжестью тѣла налегли на нее, чтобъ лишить вновь прибывшихъ возможности проникнуть въ пріемную. Тогда одинъ изъ злодѣевъ бросилъ находящійся у него въ шапкѣ разрывной снарядъ огромной сплы, и послѣдовалъ страшный взрывъ. Убитыхъ и раненыхъ было около 50 человѣкъ.

Если бы злоумышленники успѣли проникнуть въ пріемную и бросить бомбу тамъ, то домъ былъ бы разрушенъ до основанія.

Владиміра Николаевича вытащили изъ подъ обломковъ въ состояніи шока, со слабымъ пульсомъ и съ помутившимся сознаніемъ и на извозчикѣ отвезли въ Петропавловскую больницу Буквально все тѣло его было изранено, кости переломаны, всюду ожоги и ушибы. Разрывы и ушибы внутреннихъ органовъ причиняли ему невыносимыя страданія; когда же докторъ хотѣлъ сдѣлать ему подкожное впрыскиваніе наркотическаго вещества, то съ трудомъ нашелъ мѣсто, гдѣ можно было воткнуть иголку шприца. Временами В. Н. приходилъ въ сознаніе, узнавалъ свою жену и высказывалъ опасеніе, что останется калѣкой. Мальчика къ отцу не привели, боясь, чтобы видъ совершенно изуродованнаго отца

не подѣйствовалъ потрясающимъ образомъ на ребенка и не усилилъ страданій больного.

Черезъ 1½ сутокъ, въ 5 часовъ утра, дѣятельность сердца окончательно ослабѣла и при совершенно помраченномъ сознаніи В. Н. скончался.

Въ лицѣ его Россія потеряла человѣка истинно добраго, честнаго и безкорыстнаго, безгранично преданнаго Престолу и своему долгу.

Василій Александровичъ Даниловъ, Василій Михайловичъ Ермоленко, Платонъ Павловичъ Устименко, Захаръ Ланскій и Иванъ Даниловичъ Литвиненко.

Казаки станицы Ильинской, Терской Области.

Убиты 30-го мая 1904 года при нападеніи на Станичное Управленіе.

Въ своемъ стихійномъ движеніи еще со времени Іоанна Грознаго, Русь стремилась на югъ. Привольныя степи манили своимъ просторомъ всѣхъ, кому тѣсно было жить на родинѣ, у кого силъ былъ избытокъ, а разгуляться негдѣ было.

Изъ этихъ непосѣдливыхъ удалыхъ богатырей еще въ 16-мъ вѣкѣ образовалось славное Терское войско, служившее сотни лѣтъ оплотомъ Россіи на югѣ. Неустанная, вѣковая борьба съ дикими горскими племенами, создала особый типъ людей отважныхъ, сильныхъ духомъ, закаленныхъ въ невзгодахъ, до самозабвенія преданныхъ Родинѣ. Потоки крови, пролитыя на защиту государства, сковали изъ нихъ ту силу несокрушимую,—что именуется казачествомъ. Казалось бы, что окончательное покореніе Кавказа въ 1864 году должно было бы дать свободно вздохнуть и Терскому войску. На дѣлѣ же оказалось не такъ. Наружно смирившіеся горцы не могли забыть, что своими пораженіями они обязаны главнымъ образомъ казакамъ. Пока власть на Кавказѣ была въ твердыхъ рукахъ, лукавые азіаты выказывали всѣ признаки наружной покорности. Но вотъ, съ 1905 года старая злоба и ненависть къ русскимъ, поощряемая либеральной администраціей, вспыхиваютъ съ новой силой.

Вновь, какъ прежде, горныя ущелья загремѣли эхомъ выстрѣловъ, вновь суровыя скалы и плодоносныя долины обагрились русской кровью. 45 лѣтъ мира и спокойствія какъ не бывало. Власть и законъ бездѣйствовали. Ободренные такой позорной слабостью, чеченцы вспомнили счастливые времена имамовъ и вновь закипѣла война.

Объ одномъ изъ эпизодовъ этой-то войны мы и хотимъ разсказать.

Дивная лунная ночь на 30 мая 1904 года. Привольно раскинулась по берегамъ быстрой рѣчки станица Ильинка. Въ темной зелени садовъ ослѣпительно сверкая своими бѣлыми стѣнами прижались и спятъ уютныя хатки. Только въ одной, побольше другихъ, еще свѣтится огонекъ. Это станичное управленіе, гдѣ находится караулъ при денежномъ ящикѣ. Легкій ночной вѣтерокъ приноситъ съ собой ароматное дыханіе привольной степи. Серебрянымъ кружевомъ, окутанные блистающей дымкой, причудливо рисуются на горизонтѣ горные исполины. Вся картина полна тишины и божественнаго мира.

Прячась въ тѣни забора, безшумно пробѣгая освѣщенные пространства, къ станичному правленію крадутся какія-то темныя фигуры. Только изрѣдка шаловливый лучъ мѣсяца блеснетъ на серебрянной насѣчкѣ шашки или кинжала. Мягкіе чувяки не производятъ ни малѣйшаго шума. Точно зловѣщіе духи летятъ надъ землей... Вотъ они уже подъ окнами правленія. По знаку предводителя, горцы разсыпаются вокругъ хаты, занимая всѣ выходы. Нѣсколько человѣкъ, по ступенькамъ крыльца взбираются къ двери, жалобно скрипятъ несмазанныя петли и разбойники крадучись проникаютъ въ темную прихожую.

Спавшій здѣсь казакъ Захаръ Ланской пошевелился во снѣ и это движеніе было для него роковымъ. Мѣткая пуля превратила его временный сонъ въ вѣчный. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ. На утро его нашли даже въ той позѣ мирно спящаго человѣка, съ рукой подложенной подъ голову. Гулъ выстрѣловъ разбудилъ остальныхъ караульныхъ, медлить больше было нельзя и разбойники ринулись въ слѣдующую комнату, гдѣ у денежнаго ящика находились казаки Ермоленко, Даниловъ, спавшій Шіяновъ (на самомъ ящикѣ) и посыльный Матвѣй Кондратьевъ 15-ти лѣтъ.

Не смотря на очевидное неравенство силъ,—ихъ было двое противъ 30,—Ермоленко и Даниловъ, помня, что русскіе бьютъ, но не считаютъ враговъ—бросились на горцевъ. Короткая схватка, безпорядочные выстрѣлы, внезапно наступившая тьма... и герои пали на своемъ посту, выполнивъ долгъ до конца. Разбойники кинулись къ денежному ящику

и начали съ такой силой бить ломомъ по крышкѣ, что спавшій на немъ казакъ Шіяновъ свалился съ сундука къ стѣнѣ, куда бросили вслѣдъ за нимъ и мертваго уже Данилова. Крѣпко прикованный къ полу, ящикъ не поддавался усиліямъ негодяевъ и, желая воспользоваться хоть ружьями, они направились къ пирамидѣ, за которой спрятался мальчикъ Кондратьевъ. Захвативъ ружья и уже уходя одинъ изъ разбойниковъ зажегъ спичку, чтобы убѣдиться, что всѣ убиты и свидѣтелей не осталось. Слабый колеблющійся свѣтъ вырвалъ изъ темноты блѣдное личико и два сверкающіе полныя ужаса глаза ребенка, притаившагося за пирамидкой. Юный возрастъ и мольбы не остановили злодѣя и онъ уже занесъ руку съ кинжаломъ, чтобы умертвить мальчика, какъ старикъ чеченецъ схватилъ его за руку и сурово приказалъ ему оставить Кондратьева и идти вслѣдъ за товарищами на улицу. Въ упоеніи побѣды, желая навести страхъ и ужасъ на всю станицу, горцы съ гиканіемъ неслись по ярко освѣщенной луной улицѣ, стрѣляя въ окна домовъ, чтобы не дать никому выйти. На тревогу первыми выскочили казаки Устименко и Литвиненко. Два выстрѣла,—и герои долга пали мертвыми. Разбойники, какъ всегда на Кавказѣ, скрылись безслѣдно. Ни одинъ задержанъ не былъ. Показаніямъ мальчика Кондратьева, опредѣленно указывавшаго на нѣкоторыхъ жителей сосѣднихъ ауловъ—*не придали никакой вѣры*. Русская кровь осталась не отмщенной и убійцы не были наказаны.

Честь и слава доблестнымъ казакамъ, геройски павшимъ въ неравномъ бою!

Семьямъ убитыхъ были выданы единовременныя пособія. Но это—лишь временная помощь, а слѣдовало бы обезпечить ихъ пенсіями. Лишенныя своихъ кормильцевъ, казачки вдовы и ихъ сироты обречены на бѣдственное существованіе. Будемъ помнить, что на смѣну убитымъ отцамъ растутъ ихъ сыновья,—будущіе защитники Родины.

Алексѣй Степановичъ Александровъ.

Городовой Козловской полицейской команды. Убитъ 13-го декабря 1905 года.

Въ ночь на 13-ое декабря 1905 года, неизвѣстные негодяи предательски напали сзади, на стоявшаго на посту, ничего не подозрѣвавшаго, городового Александрова, схватили его за руки, вырвали револьверъ изъ кобуры и шашку и звѣрски убили его, нанеся ему двѣ смертельныя раны этой шашкой въ голову и лицо.

Обнаружить убійцъ не удалось.

Отличительной чертой покойнаго была его набожность. Почти все свободное отъ службы время онъ проводилъ, или за чтеніемъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, или въ церкви, гдѣ нерѣдко, за отсутствіемъ псаломщика, по своему усердію исполнялъ его обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи человѣкомъ очень добрымъ и отзывчивымъ, онъ по мѣрѣ силъ и своихъ скудныхъ средствъ помогалъ бѣднымъ и нуждающимся и скончался, искренно оплакиваемый всѣми, кто только зналъ его.

Покойный родился въ 1873 году въ дер. Ивановкѣ, Козловскаго уѣзда, вышелъ въ запасъ младшимъ унтеръ-офицеромъ изъ 4-го Новогеоргіевскаго пѣхотнаго полка, занимался до этого хлѣбопашествомъ, а на службу въ полицію поступилъ въ 1900 году.

Послѣ него осталась вдова и маленькая дочь.

И этого кроткаго человѣка убили „освободители“. За что? Да взыщется съ нихъ кровь праведная и да пріиметъ Господь въ Свои обители вѣрнаго раба своего Алексѣя.

Петръ Васильевичъ Нестеркинъ.

Городовой Саровской пустыни, Темниковскаго уѣзда. Убитъ 15-го іюля 1907 года.

15-го іюля 1907 года, часовъ въ 11 ночи, по направленію къ источнику Св. Серафима, шелъ обходъ изъ городовыхъ и урядника, въ числѣ пяти человѣкъ, вооруженныхъ берданками. Въ этомъ обходѣ былъ и Нестеркинъ. Встрѣтивъ на глухой дорогѣ, недалеко отъ источника, четырехъ подозрительныхъ лицъ, слишкомъ поздно возвращавшихся оттуда, чины полиціи хотѣли было ихъ задержать, но тѣ быстро открыли огонь по обходу и разбѣжались въ разныя стороны, продолжая стрѣльбу. Однимъ изъ этихъ выстрѣловъ былъ тяжело раненъ въ животъ Нестеркинъ; несмотря на это онъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, бросился преслѣдовать разбойниковъ, но, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, въ изнеможеніи упалъ. Изъ четырехъ разбойниковъ, благодаря страшной темнотѣ и густотѣ обступающаго дорогу вѣкового лѣса, удалось задержать лишь одного, который ока-

зался горно-заводскимъ мастеровымъ и объяснилъ, что очутился въ компаніи съ остальными случайно.— Другіе исчезли безъ слѣда.

Ни близость святыни, глубоко чтимой всею Россіей, ни мѣсто, на которомъ совершаются чудеса и съ которымъ на каждомъ шагу связаны воспоминанія о кроткомъ, благостномъ старцѣ, ни торжественное величіе и красота окружающей природы не дѣйствуютъ на нашихъ „освободителей“. Даже язычники чтутъ неприкосновенность своихъ святынь и храмовъ, даже у нихъ пролитіе крови около святыни считается страшнымъ преступленіемъ,—но не такъ думаютъ наши разнузданные хулиганы, освободители, забывшіе Бога.

Городовой Нестеркинъ черезъ три дня въ страшныхъ мученіяхъ скончался въ Саровской больницѣ, отъ воспаленія брюшины. Торжественно, въ присутствіи всѣхъ чиновъ полиціи, похоронили его и искренно сожалѣли объ немъ и товарищи и начальники. Покойный былъ добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, всегда старателенъ и исполнителенъ по службѣ. Онъ родился въ 1871 году въ селѣ Жегаловѣ, Темниковскаго уѣзда, былъ на военной службѣ младшимъ палатнымъ надзирателемъ Уяздовскаго военнаго госпиталя въ Варшавѣ и поступилъ въ городовые въ Сарово въ 1903 году.—Послѣ покойнаго осталась вдова и двое дѣтей.

Илья Прокофьевичъ Бѣлотѣловъ.

Младшій надзиратель Тамбовской Губернской тюрьмы.

Бѣлотѣловъ погибъ въ тяжелое, смутное время, отъ удара ножомъ каторжнаго арестанта. Это убійство произошло 8-го іюля 1906 года. Арестанты не любили его за строгое, внимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, за требовательность и упорное нежеланіе давать имъ какія-бы то ни было поблажки. Покойный, отличался рѣдкой смѣлостью и неустрашимостью, не обращалъ вниманія ни на какія угрозы и честно несъ свою службу, за что былъ въ 1904 году награжденъ серебряной медалью.

Поступилъ онъ въ тюрьму въ 1899 году, былъ на военной службѣ въ кадрѣ № 14 Кавалерійскаго запаса и погибъ 34 лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.

Погибъ онъ стоя на посту, какъ вѣрный стражъ, ограждая мирныхъ жителей отъ злодѣяній преступниковъ содержавшихся въ тюрьмѣ. Дома ждала его семья,—но уйдя на службу въ роковой день 8-го іюля, онъ уже болѣе не вернулся подъ родимый кровъ—его принесли мертвымъ.

Какое дѣло нашему либеральничающему обществу до горя семьи несчастной жертвы? Звѣрски убитъ ножемъ тюремный сторожъ и „гуманные“ передовые люди злорадно улыбаются: „по дѣломъ“, говорятъ они, сидя въ теплѣ и холѣ, огражденные отъ разбоевъ и насилій мерзнущими на морозѣ городовыми и стоящими у тюремныхъ воротъ стражами... Но русскій народъ понимаетъ и цѣнитъ вѣрную службу малыхъ сихъ людей, гибнущихъ жертвами долга и предъ Алтаремъ возноситъ молитвы свои за рабовъ Божіихъ въ крамолѣ убіенныхъ.

Миръ праху ихъ и благодарная память о нихъ въ потомствѣ!

Павелъ Михайловичъ Селищевъ.

Городовой г. Екатеринослава, убитъ 14-го декабря 1905 г.

Ночь... Темное бездонное небо смотритъ своими безсчетными алмазными очами на уснувшую землю, всю закутанную заботливой рукой бабушки-зимы въ бѣлоснѣжную, пушистую шубку... Серебряный снѣгъ покрываетъ улицы и крыши домовъ, красивымъ кружевнымъ уборомъ лежитъ на деревьяхъ, которыя, какъ очарованныя, стоятъ неподвижно, словно прислушиваясь къ таинственнымъ сказкамъ зимней ночи...

Тихо... Изрѣдка слышны скрипъ полозьевъ, да быстрые шаги запоздавшихъ прохожихъ... Гдѣ-то лаетъ собака... Легкій морозецъ весело перепрыгиваетъ съ ножки на ножку, румяня щеки встрѣчныхъ людей, серебря своимъ ледянымъ дыханіемъ и взлохмаченную гриву понурой лошаденки, и взъерошенную шерсть дворняжки, прижавшейся къ обнесенному снѣгомъ забору...

Кругомъ пустынно и молчаливо... Повидимому, все мирно и спокойно спитъ послѣ тяжелаго дневного труда. Глубокая тишина разлита въ воздухѣ, но эта тишина какая-то зловѣщая, не успокаивающая сердце, а усиливающая его тревогу и наводящая на самыя печальныя думы... И съ тоскою въ душѣ прислушивается къ ней городовой Павелъ Селищевъ, находящійся на посту около воротъ домика, гдѣ живетъ приставъ 6-ой Брянской части—Сергѣевъ.

Селищевъ прислоняется къ забору и устало закрываетъ глаза... На душѣ у него жутко и неспокойно... Неясное предчувствіе чего-то неизбѣжно-рокового невольно заставляетъ его углубиться въ свои тревожныя мысли и не замѣчаетъ онъ, какъ недалеко отъ дома пристава появляются какія-то подозрительныя тѣни...

Черныя, мрачныя фигуры, какъ ночныя тѣни, неслышными шагами подкрадываются къ Селищеву и тѣснымъ кольцомъ окружаютъ его...

Городовой вздрогнулъ отъ какой-то страшной мысли, очнулся отъ своего забытья и открылъ глаза.

Передъ нимъ были злыя лица съ взбѣшенными горящими взглядами... Онъ сразу узналъ ихъ: это были все тѣ же „товарищи“, революціонеры-разбойники, которые вотъ уже цѣлый годъ волнуютъ и мутятъ все заводское населеніе 6-ой Брянской части. Сколько горя и несчастья внесли эти „освободители“ въ доселѣ мирную жизнь рабочихъ!.. Сколько стало совершаться ихъ нечистыми руками грабежей и убійствъ! Сколько чиновъ полиціи пострадало отъ ихъ рукъ за все это время! И за что только они ненавидятъ бѣдныхъ стражниковъ и полицейскихъ, такихъ же дѣтей русскаго народа, какъ и они, но только свято исполняющихъ свой долгъ передъ Царемъ и Родиной!?.

Селищевъ суровымъ голосомъ спросилъ:

— Что вамъ здѣсь нужно? Разойдитесь!..

— Намъ бы пристава, благодѣтеля нашего, повидать...— насмѣшливо хихикнулъ кто-то...

— Пусть гостей принимаетъ!—съ угрозой произнесъ чей-то хриплый голосъ.

— Довно пора крылышки ему подрѣзать, ужъ очень намъ онъ надоѣлъ, этотъ...

И грубая площадная брань повисла въ чистомъ морозномъ воздухѣ...

Городовой сразу сообразилъ, зачѣмъ пришли эти разбойники; онъ зналъ ихъ враждебное отношеніе къ строгому, энергичному и рѣшительному приставу, отъ котораго революціонеры, очевидно, желали избавиться.

— Убить пристава хотятъ, проклятые... Не такъ-то это легко имъ удастся, пока я живъ...—промелькнуло въ умѣ Селищева, и онъ громко сказалъ:

— Пристава дома нѣтъ, да и не больно ему охота такихъ непрошенныхъ гостей принимать... Уходите!..

— Врешь, полицейскій крючекъ! Отдавай оружіе! Сдавайся, пока цѣлъ!..—шипѣли вокругъ него обозленные хулиганы.

— Расходитесь, еще разъ говорю вамъ, а то позову...

— Не позовешь, умрешь раньше, собака!.. злобно прохрипѣлъ кто-то изъ толпы, и одновременно злодѣйская пуля, просвистѣвъ въ воздухѣ, впилась въ голову злополучнаго городового.

Съ тихимъ стономъ безпомощно зашатался несчастный Селищевъ, тѣло его неуклюже грохнулось на снѣгъ и осталось неподвижнымъ у ногъ палачей.

Наступило молчаніе... Не произнося ни слова, убійцы невольно отодвинулись отъ трупа своей жертвы и разбрелись такъ же неслышно, какъ только что собрались сюда, чтобы совершить ужасное злодѣйство.

И оно совершено, только вмѣсто одного убили другого... Но не все ли это равно?!. Преступники жаждали пролить человѣческую кровь, и они ее пролили...

Кровь темнымъ пятномъ ярко выдѣлялась на бѣлоснѣжномъ покровѣ и радовала взоръ кровопійцъ...

Дыханіемъ смерти повѣяло въ воздухѣ... Пріутихъ морозъ; пугливо дрожали верхушки деревьевъ, роняя на землю снѣжныя слезы; трепетно мерцали звѣздочки въ далекихъ небесахъ...

Плавно отдѣляясь отъ земли, душа убитаго медленно

поднималась въ горнюю высь, къ Престолу Всевышняго, въ міръ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“.

Это было 14-го декабря 1905 г., въ 10 час. вечера.

У насъ не имѣется къ сожалѣнію почти никакихъ біографическихъ данныхъ объ убитомъ городовомъ, Павлѣ Михайловичѣ Селищевѣ. Краткія свѣдѣнія говорятъ очень немного.

Павелъ Михайловичъ Селищевъ происходилъ изъ крестьянской семьи; родиной его была деревня Замарайка, Воловской волости, Лпвенскаго уѣзда. Пробывъ свой установленный срокъ на военной службѣ, онъ вышелъ въ запасъ унтеръ-офицеромъ и поступилъ въ 1902 г. въ Екатеринославскую городскую полицію городовымъ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ Селищевъ несъ свои трудныя обязанности нижняго полицейскаго чина въ 6-ой Брянской части г. Екатеринослава, гдѣ расположены два громадныхъ завода—Брянскій и Трубопрокатный. Между заводомъ и г. Екатеринославомъ расположена колонія Чечелевка, населеніе которой состоитъ исключительно изъ заводскихъ рабочихъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и высшей заводской администраціи.

Обычная заводская трудовая жизнь текла своимъ чередомъ, спокойно, до 1905 г. Этотъ кошмарный годъ принесъ съ собою въ Россію полный разладъ и развалъ во всѣхъ государственныхъ, общественныхъ, нравственныхъ, семейныхъ и религіозныхъ принципахъ, которыми такъ крѣпка и сильна была до тѣхъ поръ наша святая Родина. Печальнымъ результатомъ этой разрухи было появленіе неизвѣстныхъ доселѣ „освободителей“, „идейныхъ революціонеровъ“, а по-просту говоря, разбойниковъ-хулигановъ, грабителей и убійцъ самаго низшаго разбора, легко находящихъ себѣ среди развращенной фабрично-заводской молодежи надежныхъ и вѣрныхъ „товарищей“. На многочисленныхъ рудникахъ и заводахъ Екатеринославской губерніи въ большомъ количествѣ набирались кадры этихъ „товарищей“, громко именовавшихъ себя соціалъ-демократами, соціалъ-революціонерами и анархистами, всколыхнувшими всю внутреннюю жизнь заводской среды. Вожаки и коно-

воды этихъ хулиганскихъ шаекъ быстро подчинили своему преступному вліянію рабочую массу, развивая и развращая ея жестокіе и грубые инстинкты. Революціонный ядъ распространяемый жидами разливался по всему организму рабочаго люда, отравляя его и внушая ему безумныя дикія мысли и поступки.

Забастовки, съ цѣлью вынудить у начальства согласіе на самыя неисполнимыя требованія, убійства изъ-за угла ненавистныхъ анархистамъ лицъ, противодѣйствовавшихъ этимъ революціонно-разбойнымъ выступленіямъ, экспропріаціи и мелкіе грабежи--развивались и расли съ каждымъ днемъ. Толпы вооруженныхъ хулигановъ, называвшихъ себя мѣстной рабочей „самообороной“, завладѣли всѣми окрестностями г. Екатеринослава, всѣми мѣстными заводами, фабриками и желѣзной дорогой.

Необходимо отмѣтить прискорбный, къ сожалѣнію, фактъ, что нѣкоторые изъ высшихъ служащихъ на заводахъ и нѣкоторые инженеры не только сочувствовали и „примазывались“ къ этимъ разбойничьимъ шайкамъ, но даже стояли во главѣ ихъ, участвуя въ нихъ и фактически, и своимъ нравственнымъ вліяніемъ.

Эта „товарищеская самооборона“ совершенно отрѣзала городъ отъ заводской колоніи и для того, чтобы пробраться изъ города на заводъ, войскамъ пришлось одинъ разъ даже выдержать у Чечелевки почти настоящій бой съ революціонерами и потерять 14 человѣкъ убитыми и ранеными.

Полиція, вмѣстѣ съ войсками, не давала спуску обезумѣвшимъ „освободителямъ“ и на каждомъ шагу самыми рѣшительными пріемами укрощала ихъ не въ мѣру расходившіяся страсти. Особенной строгостью и энергіей отличался приставъ 6-ой Брянской части, Сергѣевъ, съ подчиненными ему городовыми, среди которыхъ былъ и Павелъ Селищевъ. Вполнѣ очевидно, что революціонеры ненавидѣли пристава и потому на одномъ изъ подпольныхъ засѣданій было рѣшено убрать съ пути этого главнаго врага революціи, грабежей и разбоевъ. Выполнить убійство было предназначено въ ночь на 14-е декабря 1905 г. Но на счастье пристава Сергѣева его въ эту злополучную ночь

не было дома, и разбойники выместили свою злобу на дежурномъ городовомъ П. М. Селищевѣ, который, честно и вѣрно исполняя свой долгъ присягѣ, Царю, Родинѣ, умеръ, стоя на своемъ посту, какъ подобаетъ русскому человѣку, искренно любящему Государя и Отечество.

Убійство городового Селищева является типичной картиной всей нашей жидовской смуты, безсмысленной, безпощадной, утратившей всякіе принципы справедливости и правильнаго достиженія намѣченныхъ цѣлей. Убить одного вмѣсто другого, кинуть бомбу, отъ взрыва которой погибнетъ не только обреченный на смерть, но и масса посторонняхъ, невинныхъ людей, даже женщинъ и дѣтей, обманнымъ образомъ толкнуть на совершеніе этого гнуснаго акта невинную, чистую дѣвушку, попавшую въ сѣти хулигановъ и жидовъ, единственно въ силу своей юности и неопытности, ограбить послѣдніе гроши у несчастнаго полуголоднаго крестьянина, прикрываясь громкой цѣлью сбора средствъ на революцію,—вотъ основныя положенія и наиболѣе цѣнимые революціонерами дѣйствія нашей жидовской крамолы.

И подумать только, что въ жертву ей приносились русскія чистыя молодыя силы, юныя жизни и народныя средства!.. И можно ли задумываться передъ вопросомъ о борьбѣ съ такой язвой государственной жизни?!.

Но высока и почетна участь тѣхъ, кто удостоился пролить свою кровь для защиты Родины и ея вѣрныхъ слугъ!..

„Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“.

Викторъ Болеславовичъ Цѣлинскій.

Помощникъ пристава г. Брянска Орл. губ.

Убитъ 2-го апрѣля 1906 года.

Брянскъ въ 1905 году былъ ареной отчаянно-дерзкихъ грабежей, убійствъ и продажности, на почвѣ революціонной смуты.

Десятки заводовъ и фабрикъ Брянскаго Акціонернаго общества и обществъ Мальцевскихъ заводовъ, пріютившихъ сотни тысячъ рабочихъ центральной полосы послужили горючимъ матеріаломъ для дѣятелей подполья съ евреемъ Раулемъ Гинцбургомъ и др. во главѣ.

Памятны эти дни для Брянска. Безумцы, руководимые отъявленными революціонерами—залили Брянскъ и его уѣздъ кровью.

Особое мѣсто въ эти дни заняло Брянское среднее техническое училище, гдѣ дѣти, вооруженные своими преподавателями съ браунингами и маузерами въ рукахъ, служа слѣпымъ орудіемъ революціонныхъ проходимцевъ, шли и погибали...

Но вотъ въ Брянскѣ появляется юноша—помощникъ пристава Викторъ Болеславовичъ Цѣлинскій.

Съ перваго же дня въ Брянскѣ о Цѣлинскомъ заговорили, и говорили очень много.

Революція почувствовала въ лицѣ мальчика Цѣлинскаго серьезнаго врага, съ которымъ приходится ей серьезно считаться.

Съ открытымъ взглядомъ, грудью впередъ, Цѣлинскій всегда и всюду появлялся во главѣ полицейской стражи—и самъ впереди всѣхъ разсѣивалъ толпы революціонеровъ собиравшихся въ городѣ и въ его окрестностяхъ въ лѣсной глуши и въ различнаго рода вертепахъ на берегу Десны.

Съ первыхъ же дней революціонная наглость исчезла. Можно сказать съ большою увѣренностью, что Цѣлинскій служа въ Брянскѣ—не отдыхалъ, а если и отдыхалъ, то на диванѣ въ дежурной комнатѣ полицейскаго управленія.

Согласно распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ Дурново на Брянскъ было обращено особое вниманіе.

Начались обыски, аресты, высылки.

Почти все это вынужденъ былъ дѣлать неутомимый борецъ, вѣрный слуга Царя и Родины—Цѣлинскій. Посыпались угрозы и смертные приговоры революціонныхъ организацій Брянска.

Въ отвѣтъ на это юный Цѣлинскій дѣйствовалъ еще съ большей энергіей, раскрывая подполье и его дѣятелей.

Послѣ убійства ротмистра Аргамакова, покойный говорилъ:

„Ну очередь теперь за кѣмъ-нибудь изъ насъ“...

Особенно въ памяти знавшихъ Цѣлинскаго осталась его фраза, сказанная такъ просто:

„Мы всѣ готовы идти за нимъ“...

И онъ—этотъ юноша, беззавѣтно отдававшій себя на служеніе Царю и русскому народу,—дѣйствительно пошелъ за нимъ... и первымъ послѣ него.

Въ день смерти 2-го апрѣля 1906 г., В. Б. Цѣлинскій вмѣстѣ съ братомъ явился въ лѣтній театръ и былъ до-

вольно веселъ, хотя временами нервно подергивался и раза два вынималъ револьверъ, просматривая его.

Думалъ ли онъ, что смерть такъ близко, уже возлѣ него, что группа негодяевъ, уже вглядывается въ каждое движеніе его глазъ и рукъ. Онъ не зналъ, но инстинктивно предчувствовалъ близость рокового конца и жаловался на плохое настроеніе духа.

И, вотъ, въ то время, когда на сценѣ лѣтняго театра разыгрывалась завязка драмы, въ театрѣ произошла развязка болѣе трагическая и неподдающаяся описанію.

Выстрѣломъ въ затылокъ убитъ В. Б. Цѣлинскій безъ крика и стона.

Тутъ же ранены были пом. прист. Сокольниковъ и двое городовыхъ.

Юноша, не извѣдавъ жизни, не зная ни ея терній, ни ея сладости,—казненъ.

За что?

За то, что грудью впередъ безстрашно и безропотно онъ отдавалъ себя всего и всегда, не подслуживанію ради карьеры, а дѣлу служенія престолу и народу. И дѣлалъ это дѣло, не зная покоя и отдыха.

Брянскъ своимъ успокоеніемъ, многимъ обязанъ В. Б. Цѣлинскому.

Послѣ покойнаго осталась старуха мать, братъ и... пачка угрожающихъ писемъ отъ разныхъ летучихъ боевыхъ революціонныхъ бандъ.

Миръ праху твоему, доблестный юный герой. Ты отдалъ жизнь за Царя, за русскій народъ. Краше этой смерти для вѣрнаго сына Россіи—нѣтъ на землѣ.

Кириллъ Сѣренко.

Жандармскій унтеръ-офицеръ, убитъ 12-го ноября 1906 года.

12-го ноября 1906 года на станціи Угрускъ Брестъ-Холмской Привислинской желѣзной дороги былъ злодѣйски убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ Кириллъ Сѣренко.

Убійство произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Встрѣтивъ и проводивъ почтовый поѣздъ изъ г. Холма, Сѣренко направился домой. Но не успѣлъ онъ отойти отъ станціи и двадцати шаговъ, какъ подкравшійся сзади грабитель уложилъ его двумя выстрѣлами наповалъ. Грабители въ количествѣ до двадцати человѣкъ взломали кассу, забрали недавно привезенныя деньги и скрылись. Съ теченіемъ времени почти всѣ они были переловлены и засажены въ Люблинскую тюрьму, откуда преблагополучно бѣжали за границу, въ Америку. Всѣ они оказались рабочими-поляками съ сосѣднихъ стеклянныхъ заводовъ.

Послѣ убитаго осталась вдова и четверо дѣтей.

Въ свидѣтельствѣ командира 42-го Драгунскаго Митавскаго полка отъ 19-го декабря 1886 года, выданномъ на имя унтеръ-офицера Кирилла Сѣренки, сказано, что „онъ, состоя на службѣ въ теченіе шести лѣтъ былъ трезваго и безукоризненнаго поведенія, всегда отличался расторопностью, исполнительностью и твердымъ знаніемъ службы, всѣ возлагаемыя на него обязанности по службѣ выполнялъ честно и аккуратно“.

Такимъ Сѣренко остался до самой смерти. Потому-то грабители и убили его, несмотря на то, что онъ ушелъ со станціи домой и повидимому, не могъ имъ помѣшать. Грабители знали, что Сѣренко не изъ числа тѣхъ, которые въ подобныхъ случаяхъ оправдываются соображеніями такого характера: „я одинъ, а грабителей много; одинъ я предотвратить грабежа не смогу, они же меня въ живыхъ не оставятъ. Какая польза будетъ въ моей смерти?“.

Знали это грабители и потому убили Сѣренку.

„Я умру, говаривалъ Сѣренко, но и разбойники цѣлы не будутъ. Хоть одинъ изъ нихъ, да поплатится своею жизнью“.

Двадцать жалкихъ трусишекъ-поляковъ набросились на одного, вѣрнаго Царскаго слугу и убили его.

Воздадимъ должную честь его памяти!

Максимъ Максимовичъ Булухта.

Урядникъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерн.
Убитъ 17 сентября 1908 года въ селѣ Петровой-Будѣ.

Въ годы лихолѣтія Черниговская губернія не избѣжала революціонной пропаганды. Добродушные лѣнивые хохлы заволновались, подстрекаемые жидами и, такъ называемыми „интеллигентами“, не зная куда ведутъ гнусные провокаторы. Революціонерами было сдѣлано все, чтобы поднять цѣлину, раздуть ненависть между сословіями. Они сняли съ народа нравственную узду, не считаясь съ тѣмъ, что произойдетъ потомъ отъ этого свободнаго разгула. Прикрываясь идеей борьбы за правду и благо народа они натолкнули его на насилья, поджоги, грабежи и убійства.

Въ это тяжелое время погибло не мало честныхъ, преданныхъ Царю и Отечеству людей, исполнившихъ до конца свой долгъ. Максимъ Булухта, принадлежитъ къ ихъ числу.

Максимъ Максимовичъ Булухта, 34 лѣтъ, крестьянинъ деревни Селища, Кулажской волости, Суражскаго уѣзда, Черниговской губерніи, родился въ бѣдной крестьянской семьѣ; до военной службы занимался хлѣбопашествомъ; по выходѣ въ запасъ поступилъ стражникомъ, а затѣмъ за ревностную

и усердную службу, въ 1905 году назначенъ урядникомъ въ Петрово-Будскую волость, Суражскаго уѣзда. По долгу службы и присяги Булухта велъ упорную борьбу съ общественнымъ зломъ, привлекая къ отвѣтственности злодѣевъ, стремившихся къ насилію, грабежу, къ нарушенію свободы труда мирныхъ людей; преслѣдовалъ лѣнтяевъ, бродягъ, проходимцевъ, живущихъ на чужой счетъ, жидовъ-кабатчиковъ, спаивающихъ бѣдный темный людъ и за косушку водки поглащающихъ плоды упорнаго и тяжелаго труда, торгующихъ изъ-подъ полы въ то время, когда православный народъ въ церкви; преслѣдовалъ ростовщиковъ, конокрадовъ, поджигателей, наносящихъ деревнѣ неисчислимый вредъ и этимъ озлобилъ шайку разбойниковъ, совершившихъ рядъ дерзкихъ грабежей и убійствъ, которые пользуясь смутой и прикрываясь идеей борьбы за народъ, рѣшили покончить съ Булухтой. Съ этой цѣлью 17 сентября 1907 года, около 8 часовъ вечера, шайка негодяевъ въ семь человѣкъ явилась въ село Петровскую-Буду на квартиру Булухты, но узнавъ отъ жены послѣдняго, что онъ на участкѣ и скоро долженъ вернуться, злоумышленники отправились къ живущему въ томъ же селѣ еврею Жолодову, гдѣ совершили грабежъ. Въ это время Булухта возвращался изъ участка и проѣзжая мимо дома Жолудова, около котораго собрался народъ, спросилъ: „чего собрались?“ на что одинъ изъ негодяевъ, бывшій на стражѣ, предательски заискивающимъ тономъ спросилъ: „это вы, Максимъ Максимовичъ?“ и, подпустивши ближе къ себѣ, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ упоръ. Тяжело раненнаго урядника испугавшаяся лошадь понесла домой, гдѣ сосѣди сняли Булухту съ сѣдла и внесли въ домъ. Недовольствуясь этимъ и боясь, что несчастный стражникъ останется живъ, злодѣи бросились въ его домъ, гдѣ одинъ изъ нихъ приподнялъ за бороду лежавшаго на полу тяжело раненаго Булухту и пристрѣлилъ его на глазахъ обезумѣвшихъ отъ ужаса жены и дѣтей. Окончивъ свое кровавое дѣло разбойники скрылись на лошади Булухты, радуясь успѣху, оставивъ осиротѣвшую полуголодную безъ крова и хлѣба семью—жену и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей.

Булухта погибъ геройской смертью 17 сентября въ день Вѣры, Надежды и Любви. Отдавая свою жизнь ближнимъ, онъ на дѣлѣ проявилъ всѣ эти три христіанскія добродѣтели: твердо чтилъ *вѣру* православную, *надѣялся* предстать предъ Престоломъ Всевышняго, какъ истинный христіанинъ, „положившій животъ свой за други своя“ и на дѣлѣ доказалъ *любовь* къ Царю Самодержавному и Родинѣ Святой.

Андрей Поликарповичъ Ковѣшниковъ.

Волостной старшина, звѣрски убитый 21-го іюля 1909 года.

24-го іюля 1909 г. ночью, при проѣздѣ изъ волости домой былъ звѣрски убитъ Стрѣлецкій волостной старшина, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губ. Андрей Поликарповичъ Ковѣшниковъ.

Ревностное и добросовѣстное отношеніе къ службѣ создало Ковѣшникову со времени освободительнаго движенія, отразившагося и на деревенской жизни, много враговъ среди преступныхъ элементовъ волости. Планъ убійства былъ задуманъ еще тогда и Ковѣшниковъ былъ неоднократно предупреждаемъ не ѣздить по ночамъ или безъ провожатыхъ, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, надѣясь на свою силу и ловкость, да на добрую лошадь.

Въ роковой день Андрей Ковѣшниковъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василіемъ, служившимъ въ той же волости

урядникомъ, принималъ участіе въ розыскахъ на заявленіе объ утерѣ портфеля съ цѣнностями на 15 тыс. рублей.

Поздно вечеромъ братья вернулись съ разъѣздовъ въ волость, а въ 12 час. ночи Андрей Ковѣшниковъ поѣхалъ къ себѣ домой,—онъ жилъ въ 5 верстахъ отъ волости. При въѣздѣ въ первые же кусты, лошадь была остановлена нѣсколькими злоумышленниками, поджидавшими старшину и вслѣдъ затѣмъ Ковѣшниковъ былъ оглушенъ ударомъ полѣна по головѣ, съ раздробленіемъ челюсти и наконецъ ему было перерѣзано горло ножемъ. Покончивши съ человѣческою жизнью, злодѣи привязали трупъ Ковѣшникова въ распятомъ видѣ къ дрожкамъ: ноги—къ распоркамъ задней оси, руки—къ переднимъ, голову привязали къ передку, а лошадь направили въ чащу лѣса.

Тамъ она перевернула дрожки и сама вывернулась изъ оглобель, головою къ передку дрожекъ. Въ такомъ положеніи нашли ее ребятишки возвращавшіеся изъ ночного.

Какъ передать ужасъ охватившій семью покойнаго при извѣстіи о неслыханномъ злодѣяніи!

Послѣ несчастнаго осталась вдова и семь человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей.

Уряднику, брату покойнаго Андрея Ковѣшникова послѣ долгихъ стараній и розысковъ удалось по косвеннымъ уликамъ, задержать одно подозрительное лицо. На судѣ обвиняемый сознался въ соучастіи въ преступленіи и указалъ еще на трехъ виновниковъ; убійство было совершено на почвѣ мести за точное исполненіе Ковѣшниковымъ своихъ служебныхъ обязанностей, при охраненіи законнаго порядка, ограждавшаго мирное деревенское населеніе отъ злоумышленниковъ.

Андрей Ковѣшниковъ, погибшій мученической смертью былъ выдающимся по своей смѣлости и честности человѣкомъ и оставилъ среди мѣстныхъ жителей добрую о себѣ память.

Миръ праху его!

Александръ Гурьевъ.

И. д. околоточнаго надзирателя г. Кургана, Тобольской губ.

Василій Бѣлыхъ.

Городовой г. Кургана, Тобольской губ.
Убиты 25 мая 1910 года.

Въ городѣ Курганѣ, Тобольской губ. весной 1910 года совершено было возмутительное преступленіе: неизвѣстные преступники повѣсили молодую женщину, которая была найдена уже мертвой. Для розыска злодѣевъ отправились, исполняющій обязанность околоточнаго надзирателя Александръ Гурьевъ и городовой Василій Бѣлыхъ.

Поздно вечеромъ 25-го мая, возвращаясь съ розысковъ, они шли по городу; при поворотѣ на Центральную улицу, двое неизвѣстныхъ вдругъ открыли по нимъ стрѣльбу изъ револьверовъ. Четырьмя пулями Гурьевъ былъ убитъ наповалъ, а Бѣлыхъ тяжело раненъ въ область брюшины и, обливаясь кровью упалъ на мостовую...

Въ 9 часовъ вечера другого дня Бѣлыхъ, не приходя въ сознаніе, скончался.

Александръ Гурьевъ запасной писарь комендантскаго управленія станціи Курганъ, вступилъ на службу младшимъ городовымъ и за отличія былъ допущенъ къ временному исполненію обязанностей околоточнаго надзирателя. Прослужа всего лишь 4 мѣсяца, онъ безвременно погибъ отъ руки злодѣя.

Городовой Василій Бѣлыхъ происходилъ изъ крестьянъ Вятской губ., Котельническаго уѣзда. По отбытіи воинской повинности въ 19-мъ Стрѣлковомъ полку, вступилъ на службу городовымъ. Онъ отличался большой смѣлостью и выдающимися способностями по розыску и раскрытію преступленій. За свою службу онъ получилъ много наградъ.

29-го мая состоялись торжественные похороны погибшихъ жертвъ служебнаго долга. Тысячная толпа сопровождала останки ихъ до мѣста вѣчнаго успокоенія.

Похороны погибшихъ героевъ долга, Василія Бѣлыхъ и Александра Гурьева въ гор Курганъ.

За гробомъ шли мѣстныя власти, рота солдатъ, нарядъ отъ корпуса жандармовъ и взводъ городовыхъ. Впереди несли вѣнки отъ классныхъ чиновъ полиціи съ надписью: „А. Гурьеву и В. Бѣлыхъ. Слава вамъ скромные слуги Царя и Отечества“ и вѣнокъ отъ команды городовыхъ „А. Гурьеву и В. Бѣлыхъ, вѣрнымъ слугамъ Царя и Отечества, павшимъ отъ руки злодѣевъ при охранѣ жизни и имущества гражданъ“.

Миръ праху доблестныхъ солдатъ беззавѣтно павшихъ при исполненіи своихъ обязанностей.

Андрей Тарасовичъ Дергачевъ.

Секретарь Хасавъ-Юртскаго отдѣла Союза имени Михаила Архангела.

Много уже пролито русской крови на Кавказѣ: убійство тамъ вошло въ обычай, и крамола свила себѣ гнѣздо на Кавказскихъ горахъ. Мудрая политика князя сводится къ тому лишь, чтобы „не раздражать инородцевъ“,—а каково живется при этомъ русскимъ людямъ, сколько имъ приходится терпѣть отъ тѣхъ же инородцевъ и отъ разнаго рода революціонеровъ,—объ этомъ русская власть на Кавказѣ не заботится.

Всѣмъ извѣстны дѣйствія армянской революціонной организаціи „дашнакцутюнъ“, члены которой беззастѣнчиво подстрѣливали русскихъ служащихъ, вѣрно исполняющихъ свой долгъ. Имена такихъ людей, какъ экзархъ Грузіи Никонъ, генералы Грязновъ, Алихановъ, убитыхъ на Кавказѣ—въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ до какой степени дерзости дошли крамольники.

Но на ряду съ этими громкими именами имѣется цѣлый синодикъ честныхъ русскихъ тружениковъ, простыхъ и безвѣстныхъ героевъ, погибшихъ отъ руки злодѣевъ, на служебномъ посту. Для того, чтобы отстаивать русское дѣло отъ разрушительной дѣятельности революціонеровъ, на Кавказѣ возникли нѣкоторыя патріотическія общества, открылись отдѣлы Союза Русскаго Народа и Народнаго Союза имени Михаила Архангела. Въ глуши, въ Хасавъ-Юртѣ, Терской области, былъ открытъ отдѣлъ „Союза Михаила Архангела“, секретаремъ котораго состоялъ Андрей Тарасовичъ Дергачевъ.

Однажды, когда онъ сидѣлъ у окна въ своемъ домикѣ—онъ внезапно и неизвѣстно кѣмъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера. Въ письмѣ, извѣщающемъ объ этомъ событіи, просто говорится: „стрѣлялъ туземецъ за жидов-

скія деньги, быть можетъ за пять рублей,—все же дороже чѣмъ за зайца...“

Какъ ужасенъ смыслъ этихъ простыхъ словъ! Какъ мало цѣнится теперь человѣческая жизнь, съ какимъ цинизмомъ людей убиваютъ! Это уже не просто идейныя убійства,—ужасныя по своей жестокости и безумной несправедливости, но все же совершенныя не изъ корысти,—а это охота на людей, совершаемая подкупленными злодѣями!

Помянемъ же добрымъ словомъ Андрея Тарасовича Дергачева, убитаго на далекой окраинѣ за честь русскаго имени

Чины Харьковскаго исправительнаго отдѣленія, убитые 19-го ноября 1910 года.

19-го ноября 1900 года въ Харьковскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи произошла тяжелая драма. Хоть мы живемъ теперь въ счастливомъ убѣжденіи, что все спокойно, однако и до сей поры совершаются одно за другимъ избіенія должностныхъ лицъ—плоды „освободительнаго движенія", и какъ глухіе раскаты грома доносятся до насъ извѣстія о совершившихся злодѣйскихъ расправахъ.

Принято жалѣть несчастныхъ арестантовъ, существуетъ стремленіе всѣми силами смягчить участь преступниковъ, осужденныхъ судомъ за злодѣянія, но какъ мало среди нашей интеллигенціи жалости къ должностнымъ лицамъ, принужденнымъ нести суровый, каторжный трудъ тюремныхъ надзирателей, сопряженный съ постоянной опасностью жизни!

Харьковское исправительное арестантское отдѣленіе — одно изъ большихъ отдѣленій въ Россіи и по числу заключенныхъ, и по количеству заработка арестантскимъ трудомъ.

Главный контингентъ заключенныхъ—арестанты ротнаго состава, но здѣсь-же содержится и около 300 каторжныхъ (цифра колеблется въ предѣлахъ 250—300). Въ заботахъ о занятіи наибольшаго числа арестантовъ работами, мѣстная тюремная администрація всегда очень энергично стремилась къ развитію внутреннихъ работъ, заводя всевозможныя мастерскія и стараясь расширить ихъ всѣми силами. Къ числу наиболѣе значительныхъ мастерскихъ принадлежатъ механическія, слесарныя и сапожныя, большія столярныя и портняжныя; кромѣ этого, есть нѣсколько менѣе значительныхъ.

Въ каждой большой мастерской число работающихъ доходитъ до 200 человѣкъ. Въ мастерскія назначаются, главнымъ образомъ, тѣ арестанты, которые по условіямъ требованій тюремныхъ правилъ, не могутъ быть посылаемы на работы внѣ отдѣленія; но назначеніе всякаго арестанта въ

мастерскія связано съ однимъ главнымъ условіемъ—хорошимъ поведеніемъ. Не посылаются-же на внѣшнія работы склонные къ побѣгу, съ большими сроками наказаній и арестанты каторжнаго разряда, которые, съ уничтоженіемъ каторги, срокъ наказанія отбываютъ въ тюрьмахъ Имперіи. Это, конечно, сильно облегчая наказаніе (нѣтъ тяжкихъ каторжныхъ работъ), ставитъ администрацію мѣста заключенія въ необходимость придумывать всевозможные способы лишь-бы занять дѣломъ возможно большее число арестантовъ каторжнаго разряда. Такимъ образомъ, администрація назначеніемъ арестантовъ въ мастерскія преслѣдуетъ двѣ цѣли: уменьшеніе праздныхъ арестантовъ, а слѣдовательно увеличеніе заработка, и обладаніе могущественнымъ средствомъ поощренія за хорошее поведеніе—незамѣтно заставляя арестантовъ пріучаться къ труду, что отчасти отвлекаетъ ихъ отъ проявленія дурныхъ, порочныхъ инстинктовъ и хоть немного приближаетъ нынѣ принятый способъ отбытія каторжными наказанія, къ задачамъ, положеннымъ закономъ вообще въ основу выбора этого рода наказанія.

Опытъ показалъ, что такая система кромѣ пользы въ дѣлѣ исправленія арестантовъ, ничего не приносила, такъ какъ арестанты очень дорожатъ возможностью работой сократить тянущееся время, да и заработать себѣ на выписку *).

Конечно, это—побочная мѣра, и администраціи все время приходится рядомъ другихъ мѣръ предупреждать побѣги, бунты и другіе безпорядки среди арестантовъ.

Такъ было и въ день 19-го ноября. Начальникъ отдѣленія, кромѣ своего обычнаго дообѣденнаго обхода отдѣленія, около 4-хъ часовъ дня со своимъ дежурнымъ помощникомъ, обходилъ черный дворъ и нѣкоторыя мастерскія, намѣчая по пути рядъ мѣропріятій, необходимыхъ, по его мнѣнію для спокойствія и безопасности отдѣленія, и отдавая попутно разныя приказанія, имѣющія въ основаніи стремленіе къ уменьшенію возможности нарушенія арестантами тюремнаго режима и порядка.

---

*) Выписка на тюремномъ языкѣ означаетъ періодическую, ежемѣсячную покупку разрѣшенныхъ предметовъ обихода жизни арестанта. (Табакъ, пищевые продукты, почтовыя марки, бумага и т. п.).

Около 5½ часовъ вечера, окончивъ обходъ, начальникъ направился въ контору и приступилъ къ своимъ очереднымъ вечернимъ занятіямъ. А въ это время въ механическихъ слесарныхъ мастерскихъ происходило слѣдующее: три арестанта каторжнаго разряда Заря, Мельникъ и Косенко, осужденные на краткіе сроки (отъ 5 до 10 лѣтъ), и получившіе уже право работать въ слесарныхъ мастерскихъ за хорошее поведеніе, предварительно сговорившись между собою, расковали Косенко (Мельникъ и Заря уже были переведены изъ разряда испытуемыхъ въ разрядъ исправляющихся) и связали, уже раскованные, кандалы проволокой, удаливъ этимъ путемъ всякое подозрѣніе.

Затѣмъ въ 6 часовъ, за полчаса до выхода ихъ изъ мастерскихъ въ камеры, вышеназванные трое арестантовъ одновременно сзади напали на двухъ надзирателей, Ткаченко и Сильвончика, и ударили толстымъ желѣзомъ по головѣ. Ткаченку разломили черепъ, но не убили, а Сильвончика уложили на мѣстѣ; вооружившись ихъ револьверами, захватили съ собой лѣстницу, употреблявшуюся при зажиганіи фонарей, и выскочили на дворъ, направляясь къ оградѣ двора, выходящей на глухой переулокъ. Встрѣтивъ на дворѣ часового надзирателя Уколова, они (Косенко или Мельникъ, имѣвшіе револьверы, Заря былъ съ лѣстницей безъ револьвера), тяжело его ранили въ високъ. Не смотря на тяжелое пораненіе Уколовъ, отстрѣливаясь, отступилъ къ столярной мастерской на томъ же дворѣ, гдѣ онъ зналъ, что могъ найти помощь въ лицѣ старшаго надзирателя Рудя и младшаго надзирателя Евтушенко, которые, услышавъ стрѣльбу, выскочили изъ мастерской въ тотъ моментъ когда Уколовъ достигъ почти крыльца къ этому помѣщенію.

Въ выскочившихъ Рудя и Евтушенко и добѣжавшаго суда Уколова арестанты Мельникъ и Косенко, сопутствуемые Зарею съ лѣстницей, открыли въ упоръ стрѣльбу, убивъ наповалъ пулей въ сердце Уколова, тяжело ранивъ четырмя пулями (въ шею, грудь, желудокъ и руку) старшаго надзирателя Рудя и также тяжело—одной пулей въ животъ Евтушенко. Получивъ уже эти ранения, Рудь съ обнаженной шашкой бросился на нападавшихъ и, не смотря на свои

52 года, обладая большой физической силой и присутствіемъ духа, тяжело ранилъ арестанта Косенко въ голову и обѣ руки (настолько сильны были удары, что онъ разсѣкъ хомутикъ и шомполъ револьвера, которымъ Косенко старался закрыться отъ ударовъ шашки); Евтушенко же въ это время сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но, повидимому, безрезультатныхъ. Затѣмъ, видя, что они оба, и Рудь и Евтушенко, теряютъ силы, они направились къ воротамъ, ища помощи себѣ, при чемъ Рудь, истекающій уже кровью, нашелъ въ себѣ мужество и самообладаніе, отдать оставшемуся въ слесарныхъ мастерскихъ третьему надзирателю Казимирову приказаніе запереть двери и охранять ихъ до послѣдней капли крови. Преступники же въ это время, не видя противъ себя никого, кто могъ бы воспрепятствовать имъ привесть въ исполненіе ихъ злодѣйскій замыселъ, по поставленной лѣстницѣ влѣзли на ограду, пытаясь спрыгнуть съ нея, чтобы скрыться въ лабиринтѣ темныхъ переулковъ прилегающей къ отдѣленію, населенной всякимъ сбродомъ, мѣстности; но здѣсь они наткнулись на непредвидѣнную ими преграду въ лицѣ часового надзирателя Куценко, вооруженнаго винтовкой и случайно проходившихъ здѣсь двухъ надзирателей отдѣленія—Величко съ револьверомъ и Кравченко съ шашкой. Эти три надзирателя, привлеченные выстрѣлами, остановились у того мѣста, гдѣ влѣзли на стѣну злодѣи, и открыли по нимъ огонь изъ револьвера и винтовки, а Кравченко, человѣкъ громадной силы и роста, обнаживъ шашку, подскочилъ къ оградѣ чтобы воспрепятствовать злодѣямъ спрыгнуть внизъ, на улицу, по Заря, Мельникъ и Косенко, поняв, что они проиграли задуманное ими дѣло, спрыгнули со стѣны обратно во дворъ и засѣли за стѣной, строющейся новой мастерской, на нѣкоторое время укрывшись такимъ образомъ отъ дѣйствія огня со стороны тюремной администраціи и надзора, такъ какъ послѣднимъ приходилось дѣйствовать имъ въ лобъ, проникнуть-же черезъ калитку со стороны больничнаго двора нельзя было, такъ какъ ключъ былъ отъ нея у убитаго Уколова. Вслѣдствіе этого палъ жертвой еще одинъ

надзиратель Булыгинъ, бѣжавшій къ мѣсту происшествія по тревогѣ съ карауломъ отдѣленія (надзиратели занимающіе посмѣнно наружніе посты и вооруженные винтовками).

Одновременно съ тѣмъ, какъ Заря, Мельникъ и Косенко засѣли за стѣной, сюда на мѣсто происшествія явился со своими помощниками Начальникъ отдѣленія, узнавшій о происшествіи по тревогѣ, произведенной раненымъ надзирателемъ Евтушенко, выстрѣломъ изъ своего револьвера на воздухъ, у входа во дворъ при канцеляріи; перестрѣлки-же въ канцеляріи слышно не было, такъ какъ канцелярія находится на четвертомъ дворѣ отъ мѣста происшествія, разграничиваясь отъ него тремя оградами и зданіями. Этимъ только и объясняется, что Начальникъ отдѣленія прибылъ спустя минуты 1½—2 послѣ начала безпорядковъ. (Всѣ безпорядки закончились въ 3—4 минуты). Прибывъ на мѣсто, Начальникъ тотчасъ распорядился охраной мастерскихъ и всего отдѣленія, а самъ бросился къ мѣсту, гдѣ засѣли злодѣи, изъ которыхъ тутъ-же были смертельно ранены Заря и Мельникъ, а израненный шашкой старшимъ надзирателемъ Рудемъ Косенко притворился мертвымъ, видя что дальше всякое сопротивленіе безсмысленно, тѣмъ болѣе, что у нихъ уже были разстрѣляны всѣ патроны. Въ дѣйствіяхъ надзирателей не замѣчалось ни суеты, ни растерянности, а наоборотъ—всѣ они дѣйствовали съ полнымъ самообладаніемъ и вполнѣ осмысленно. Такъ, надзиратель Гіацинтовъ, находившійся въ портняжной мастерской (здѣсьже во дворѣ), прикрываясь ея дверью, открылъ почти одновременно съ надзирателями изъ караула стрѣльбу изъ револьвера по злодѣямъ и этимъ много способствовалъ тому, что преступники, спасаясь отъ его выстрѣловъ, отодвинулись влѣво и тѣмъ открыли себя. Выполняя свой дерзкій, злодѣйскій замыселъ, стоившій жизни пяти героямъ—мученикамъ долга, арестанты нападали вначалѣ съ отчаянной рѣшимостью, а затѣмъ, видя что дѣло ихъ проиграно, ожесточенно сопротивлялись.

Когда начальникъ убѣдился, что безпорядки кончены, онъ приступилъ къ разборкѣ раненыхъ и труповъ и производству предварительнаго дознанія; въ это-же время начали съѣзжаться оповѣщенные о происшествіи власти.

Жертвами приведенія въ исполненіе этого злодѣйскаго замысла явились три убитыхъ надзирателя (Уколовъ, Сильвончикъ и Булыгинъ), смертельно раненыхъ три (Рудь, умершій въ ту же ночь Евтушенко, умершій 30 ноября въ больницѣ, Ткаченко, умершій 25 декабря) и одинъ слегка контуженый (Гіацинтовъ).

Злодѣи-же Заря и Мельникъ были смертельно ранены и умерли въ тотъ-же день около 8 часовъ вечера, а Косенко, изрубленный Рудемъ поправляется и предается военному суду.

Изъ приводимыхъ ниже біографическихъ данныхъ героевъ—надзирателей, погибшихъ отъ руки злодѣевъ во имя долга, видно, что всѣ они, исключая Сильвончика, были семейные люди (у Рудя 8 человѣкъ дѣтей) и всѣ были способные, полезные надзиратели.

Семьи ихъ получили единовременное пособіе, и кромѣ того начальство ободрило ихъ обѣщаніемъ усиленныхъ пенсій. Похоронены всѣ герои-мученики на городскомъ кладбищѣ. Похороны были очень торжественны, при военномъ оркестрѣ, депутаціяхъ отъ Военнаго Министерства, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Министерства Юстиціи и большомъ стеченіи публики. За гробами героевъ всю дорогу отъ отдѣленія до кладбища шли представители власти, во главѣ съ и.д.губернатора, г.Стерлиговымъ, проявившимъ много души и сердца въ отношеніи какъ жертвъ, такъ и ихъ семействъ.

Старшій надзиратель, **Константинъ Демидовичъ Рудь** происходилъ изъ крестьянъ Харьковской губерніи и уѣзда, Мерефянской волости. На военную службу онъ былъ принятъ Харьковскимъ уѣзднымъ по воинскимъ дѣламъ присутствіемъ 12-го ноября 1879 года; служилъ въ 42-мъ Драгунскомъ Митавскомъ полку и въ запасъ арміи уволенъ ефрейторомъ 21-го декабря 1885 г. Службу по тюремному вѣдомству началъ въ Харьковской губернской тюрьмѣ, куда поступилъ младшимъ надзирателемъ 1-го мая 1886 года. Въ 1904 году онъ былъ переведенъ на службу въ Харьковское исправительное арестантское отдѣленіе. 1-го января 1908 г. Рудь былъ пожалованъ званіемъ личнаго почетнаго граж-

данина, а въ 1909 году былъ назначенъ старшимъ надзирателемъ съ окладомъ 360 руб. въ годъ.

Въ теченіе его службы ему были пожалованы: серебряная медаль „за безпорочную службу въ тюремной стражѣ“,

Константинъ Демидовичъ Рудь.

большая золотая медаль на Анненской лентѣ за 15-ти лѣтнюю службу и медаль для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ.

Рудь за свою почти 25-ти лѣтнюю службу не былъ ни разу оштрафованъ, не смотря на то, что несъ отвѣтственныя обязанности, связанныя съ постоянной опасностью, что указываетъ на его полную благонадежность. Согласно отзывамъ объ немъ начальства онъ отличался большою смѣлостью, самообладаніемъ въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ, распорядительностью, рѣдкой смѣтливостью, энергіей и безупречной честностью.

Всѣ эти качества Рудя, въ связи съ цвѣтущимъ здоровьемъ, великолѣпнымъ знаніемъ службы, многолѣтнимъ

опытомъ, грамотностью, трезвостью и любовью къ дѣлу—даютъ полное основаніе признать, что потеря такого выдающагося надзирателя—незамѣнима.

Послѣ него осталась вдова и 8 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ младшей дочери 6 лѣтъ.

Ѳедоръ Максимовичъ Сильвончикъ, отставной ефрейторъ, надзиратель Харьковскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія—былъ скромный труженикъ, очень религіозный,

Федоръ Максимовичъ Сильвончикъ.

сильный волей и духомъ. Не было случая, чтобы онъ не выполнилъ со всѣмъ стараніемъ возложеннаго на него дѣла.

Двадцатилѣтняя служба по тюремному вѣдомству дала ему навыкъ и опытъ, а умѣнье, благодаря своей серьезности и добросовѣстности, разумно пользоваться и тѣмъ и другимъ еще болѣе дѣлала его полезнымъ служащимъ.

Сильвончикъ былъ причисленный къ обществу крестьянъ деревни Серебрицы, Люшневской волости, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи. На военную службу онъ былъ при-

нять Слонимскимъ уѣзднымъ по воинскимъ дѣламъ присутствіемъ 11-го ноября 1885 года, служилъ въ 62-мъ резервномъ пѣхотномъ кадровомъ батальонѣ. Будучи уволенъ въ запасъ арміи въ чинѣ ефрейтора, въ 1890 г. онъ поступилъ на службу по тюремному вѣдомству въ Харьковскую губернскую тюрьму; въ 1894 г. онъ былъ переведенъ въ Харьковскую пересыльную тюрьму. За службу въ тюремномъ вѣдомствѣ ему пожалованы были: серебряная медаль „за безпорочную службу въ тюремной стражѣ“ для ношенія на груди на Анненской лентѣ и двѣ большихъ серебряныхъ для ношенія на шеѣ—одну на Анненской, а другую на Владимірской лентѣ.

Сильвончикъ былъ холостъ и велъ одинокую жизнь: послѣ него не осталось никакой родни и некому было оплакивать его преждевременную роковую кончину.

Филиппъ Григорьевичъ Уколовъ.

Филиппъ Григорьевичъ Уколовъ, запасной бомбардиръ, происходилъ изъ крестьянъ села Засѣпья, Верхосельской волости, Тимскаго уѣзда, Курской губерніи. На дѣйствительную военную службу онъ былъ принятъ 2-го октября 1896 г.; служилъ во 2-й батареѣ 31-й артиллерійской бри-

гады. Въ 1900 г. онъ былъ уволенъ въ запасъ арміи. По мобилизаціи 1904 г. онъ вновь былъ призванъ на дѣйствительную службу и зачисленъ въ 1-ую батарею 10-й Восточной артиллерійской бригады, участвовалъ въ походахъ во время Русско-Японской войны. Вернувшись съ войны поступилъ 10-го августа 1906 г. въ Харьковское исправительное арестантское отдѣленіе на должность младшаго тюремнаго надзирателя.

Уколовъ всегда исполнялъ всѣ свои обязанности съ полнымъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью, безъ торопливости и суеты. Онъ погибъ 36-ти лѣтъ. Послѣ него осталась вдова и трехлѣтній сынъ.

Аристархъ Никифоровичъ Булыгинъ.

Аристархъ Никифоровъ Булыгинъ, запасный стрѣлокъ, происходилъ изъ крестьянъ Старо-Салтовской волости, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи. На военную службу онъ былъ зачисленъ 14-го октября 1901 г. Отбывъ повинность въ 5-мъ Туркестанскомъ стрѣлковомъ батальонѣ и будучи уволенъ въ запасъ арміи, онъ поступилъ въ 1906 г.

въ Харьковское исправительное арестантское отдѣленіе на должность тюремнаго надзирателя. Ему была пожалована серебряная медаль съ надписью „за усердіе“ для ношенія на груди на Станиславской лентѣ. Булыгинъ погибъ 31 года. Онъ былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ. Согласно отзывамъ тюремнаго начальства Булыгинъ былъ беззавѣтно преданный службѣ, безумно смѣлый, энергичный и неутомимый человѣкъ, охотно исполнявшій свой долгъ и часто, по собственному желанію, въ ущербъ своего досуга, работавшій за другихъ. Хорошій товарищъ, жизнерадостный, здоровый, надежный человѣкъ, онъ былъ, какъ всѣ нервные люди, вспыльчивымъ, самолюбивымъ, но прямымъ и съ непреклонной силой воли. Какъ боевой солдатъ и какъ работникъ онъ былъ незамѣнимымъ. И этому молодому, сильному человѣку суждено было пасть отъ руки озвѣрѣвшаго арестанта.

Кондратъ Филипповичъ Евтушенко

Кондратъ Филипповичъ Евтушенко, запасной старшій унтеръ-офицеръ, происходилъ изъ крестьянъ Харьковской губерніи, Балковскаго уѣзда, Огульчанской волости, села Черемушнаго. На военную службу принятъ былъ въ 1901 г. и отбывалъ повинность въ Сумской конвойной командѣ. По увольненіи въ запасъ арміи онъ поступилъ на должность тюремнаго надзирателя въ Харьковское исправительное арестантское отдѣленіе.

Евтушенко, отъ природы смѣтливый и любознательный, не будучи мастеромъ въ какомъ либо ремеслѣ, былъ, что называется на всѣ руки: столяромъ, портнымъ, сапожникомъ, кузнецомъ. Интересуясь рѣшительно всѣмъ, онъ ко всему всегда присматривался, стараясь пополнять свое знаніе и расширить свой опытъ; такъ онъ легко и скоро ознакомился съ различными таблицами, картограммами, легко и правильно дѣлалъ всякіе расчеты и вычисленія. Однимъ словомъ, это былъ надзиратель, который могъ приносить и приносилъ много пользы и заслужилъ такое къ себѣ довѣріе, что ему давались такія самостоятельныя порученія, какъ, напримѣръ, командировки на сельско-хозяйственныя выставки и не было случая, чтобы онъ далъ поводъ жалѣть за выказанное ему довѣріе.

Послѣ Евтушенко осталась вдова съ двумя малолѣтними дѣтьми: дочерью, 3-хъ лѣтъ, и семимѣсячнымъ сыномъ.

Антонъ Петровичъ Ткаченко, запасной канониръ, происходилъ изъ крестьянъ Бѣловодской волости, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Онъ участвовалъ въ походахъ во время Русско-Японской войны. По возвращеніи съ Дальняго Востока онъ поступилъ на службу на должность младшаго надзирателя Харьковскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія 20-го марта 1910 г.; но въ томъ же году его ожидала мученическая кончина. Въ роковой день 19-го ноября ему нанесенъ былъ злодѣемъ-арестантомъ тяжкій ударъ желѣзомъ по головѣ, который проломалъ ему черепъ. Несчастный страдалецъ промучился болѣе мѣсяца и скончался въ день Рождества Христова, 25-го декабря 1910 года.

Преданный, исполнительный и вѣрный присягѣ солдатъ палъ жертвой иступленной злобы арестанта, желавшаго по трупамъ проложить себѣ путь къ побѣгу. Послѣ Ткаченко осталась вдова съ двумя дѣтьми—дочерью, пяти лѣтъ, и сыномъ, одного года.

Тяжелы воспоминанія, тяжела и обстановка драмы 19-го ноября; но есть утѣшеніе, что за Царемъ служба, какъ за Богомъ молитва не пропадаетъ и примѣръ, преподанный

намъ героями-мучениками данъ не даромъ: онъ насъ утверждаетъ въ нашемъ стремленіи, насколько можемъ такъ же честно, такъ же славно служить Царю и Родинѣ во всемъ согласно святой присягѣ.

Честь и слава безвременно погибшимъ героямъ-мученикамъ.

Дмитрій Ниловичъ Браунъ.

Виндавскій уѣздный начальникъ. Убитъ 20 мая 1906 года.

Виндавскій уѣздный начальникъ, статскій совѣтникъ Дмитрій Ниловичъ Браунъ происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, родился въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губ. 20 октября 1858 года; окончилъ полный курсъ наукъ въ Бѣльскомъ уѣздномъ училищѣ. 9 марта 1876 года причисленъ къ штату Витебскаго губернскаго правленія кандидатомъ на полицейскія должности, 11 января 1877 года

назначенъ помощникомъ пристава г. Витебска. Затѣмъ онъ послѣдовательно занималъ рядъ полицейскихъ должностей въ г. Дриссы и въ мѣстечкѣ Освеи и въ Лепельскомъ уѣздѣ; 28 декабря 1890 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ Курляндскую губ., гдѣ и былъ назначенъ младшимъ помощникомъ Гробино-Розентетскаго уѣзднаго начальника, 21 апрѣля 1892 года назначенъ старшимъ помощникомъ Виндавскаго уѣзднаго начальника, а 13 августа 1905 года Виндавскимъ уѣзднымъ начальникомъ.

Виндавскій уѣздъ весь былъ объятъ революціей и въ концѣ 1905 года самый городъ Виндава занятъ былъ революціонерами.

Вернувшись въ 9 часовъ утра 20 мая 1906 г. изъ поѣздки по уѣзду и пробывъ дома до $10^1/_2$ часовъ утра, Дмитрій Ниловичъ отправился на службу въ уѣздное полицейское управленіе. Пройдя шаговъ сто отъ своей квартиры, онъ былъ встрѣченъ латышемъ, революціонеромъ, который пройдя мимо повернулся и выстрѣлилъ изъ револьвера „Маузеръ“, заряженнаго разрывною пулею, которою попалъ Д. Н. Брауну въ позвоночникъ. Затѣмъ, ранивъ постового городового въ бокъ, бросился бѣжать и скрылся. Тяжело раненый Дмитрій Ниловичъ былъ принесенъ въ квартиру и скончался въ 6 час. 20 мин. вечера того же дня, будучи почти все время въ памяти и страшно страдая. Убійца былъ задержанъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ, какъ соучастникъ въ убійствѣ волостного старшины и волостного писаря въ томъ же уѣздѣ и оказался латышемъ Виндавскаго уѣзда, по фамиліи Дзегуль, 17 лѣтъ. Онъ сознался, что убилъ Д. Н. Брауна и приговоренъ къ 12-лѣтней каторгѣ.

Не ужасно ли все это: 17-ти-лѣтній юноша—негодяй, извращенный революціонной пропагандой до совершенной утраты всякаго нравственнаго чувства, убиваетъ разрывною пулей въ спину почтеннаго человѣка, отца многочисленнаго семейства, ранитъ тутъ же городового, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ принимаетъ участіе въ убійствѣ волостного старшины и волостного писаря! Революція губитъ душу и жизнь тѣхъ, кто ей служитъ..

Тѣло покойнаго Дмитрія Ниловича Брауна было перевезено въ г. Витебскъ и погребено на Воздвиженскомъ кладбищѣ.

Послѣ покойнаго остались въ неутѣшномъ горѣ вдова и пять сыновей. Да будетъ же память объ отцѣ, вѣрно служившемъ родинѣ, священна для сыновей и да слѣдуютъ они неуклонно по пути чести и правды!

Чины полиціи, убитые въ городѣ Маріуполѣ.

Никита Фесенко, Григорій Попазовъ, Афанасій Карніенко и Платонъ Покатиловъ.

Въ тревожное время смуты 1905 года и послѣдующихъ лѣтъ особенно тяжело жилось русскимъ людямъ въ городахъ, гдѣ много было инородцевъ и преимущественно евреевъ. Революціонное броженіе нашло себѣ благопріятную почву въ еврейскомъ населеніи, враждебномъ ко всему русскому. Къ такимъ городамъ принадлежалъ Маріуполь, гдѣ съ момента объявленія Русско-японской войны евреи нагло подняли голову, радуясь нашимъ военнымъ бѣдствіямъ, торжествуя при каждомъ новомъ ударѣ русскому національному самолюбію, открыто выставляя всяческую мелкую оплошность, какъ признакъ полнаго крушенія нашего государственнаго строя въ будущемъ и какъ слѣдствіе его распатанности въ настоящемъ. Не ограничиваясь глумленіемъ надъ всѣмъ, что дорого русскому сердцу, евреи перешли и къ открытымъ выступленіямъ, причемъ чинамъ полиціи пришлось придти въ столкновеніе съ революціонной толпой и нѣкоторые изъ нихъ пали жертвами добросовѣстнаго исполненія своего долга.

Когда 16-го октября 1905 г. въ Маріупольскомъ Соборѣ должно было состояться молебствіе по поводу объявленнаго тогда мира съ Японіей, то утромъ на главной улицѣ города замѣчалось сильное скопленіе еврейской молодежи, пытавшейся, какъ потомъ оказалось, организовать забастовку приказчиковъ. Присутствіе значительной толпы евреевъ около Собора было приписано русскими жителями желанію евреевъ помѣшать богослуженію, а часть простого рабочаго люда стала открыто говорить, будто евреи собираются „взрывать Соборъ". Во время молебна часть евреевъ пыталась зачѣмъ-то приблизиться къ Собору, но была разсѣяна полиціей. Когда затѣмъ эта еврейская толпа сосредоточи-

лась снова на главной улицѣ близъ магазина Адабашева, то одинъ изъ участниковъ ея, еврей Корабельниковъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ городового Покатилова. Корабельниковъ былъ сейчасъ же схваченъ и арестованъ при помощи нѣсколькихъ русскихъ рабочихъ, не смотря на предпринимавшіяся со стороны толпы попытки къ его освобожденію.

Городовой Покатиловъ остался живъ на этотъ разъ,—но ему суждено было пасть отъ руки обійцы въ 1909 году, о чемъ будетъ сказано ниже.

Во весь день 16-го октября на улицахъ продолжались мятежныя сборища, слышались противуправительственныя рѣчи и раздавались револьверные выстрѣлы. Къ вечеру толпа камнями и залпами изъ револьверовъ принудила полицію удалиться съ постовъ и только при помощи вызванной полу-сотни казаковъ удалось къ ночи разогнать эти скопища. На другой день, 17-го октября, толпа евреевъ снова пыталась устроить рядъ политическихъ демонстрацій. Въ этотъ же день на главной улицѣ Маріуполя, городовой 2-й части Никита Фесенко, получивъ приказаніе арестовать двухъ участниковъ оказаннаго наканунѣ сопротивленія полиціи, не обращая вниманіе на революціонное возбужденіе, остановилъ указанныхъ лицъ, но въ эту минуту изъ находившійся по близости толпы раздались выстрѣлы и онъ упалъ мертвый, сраженный пулей. Тутъ же былъ раненъ околоточный надзиратель Бѣлинскій. Хотя виновниковъ убійства и пораненія обнаружить не удалось, но по городу ходили упорные слухи, что эти преступленія были совершены евреями.

Съ объявленіемъ Манифеста 17-го октября возбужденіе въ городѣ достигло крайнихъ предѣловъ, причемъ евреи громко кричали, что они „завоевали“ гражданскую свободу и позволяли себѣ издѣваться надъ Русскимъ Царемъ.

На улицахъ устраивались митинги, на которыхъ произносились возмутительныя рѣчи, оскорбляющія чувства русскаго народа. Наконецъ 19-го октября произведена была крупная революціонная демонстрація: многочисленная толпа манифестантовъ двинулась къ центру города съ пѣніемъ „Марсельезы“ и съ флагами краснымъ и чернымъ: на пер-

вомъ имѣлась надпись „Да здравствуетъ соціализмъ“, а на второмъ—„Смерть тиранамъ!“. Когда эта толпа вышла на Александровскую площадь, къ ней присоединилась другая толпа, состоявшая исключительно изъ молодыхъ евреевъ принадлежавшихъ къ боевой организаціи численностью около ста, построенныхъ въ правильное карре, съ распущеннымъ флагомъ, верхняя часть котораго была красная съ надписью „Долой Самодержавіе“, а нижняя голубая съ надписью на еврейскомъ языкѣ „Пойаленъ Ціонъ“ (названіе націоналистической партіи евреевъ соціалистовъ). Толпа эта, соединившись съ первой подошла къ зданію городского Полицейскаго управленія и насильственно освободила всѣхъ содержавшихся при немъ арестантовъ, причемъ во время своего шествія демонстранты избивали не желавшихъ снять шапки передъ красными тряпками. Затѣмъ толпа съ цѣлью освобожденія арестантовъ подошла къ тюрьмѣ, но казаки преградили ей доступъ къ воротамъ въ тюремный дворъ. Здѣсь повторились тѣ же митинговыя рѣчи, оскорбительныя для имени Государя Императора и для русскаго народа, возгласы: „долой Царя“! и невообразимыя глумленія надъ всѣмъ, что свято для русскаго человѣка. На слѣдующій же день русскій рабочій Владиміръ Огарковъ былъ злодѣйски облитъ сѣрною кислотою съ балкона еврейской аптеки Шапиро и и затѣмъ зарѣзанъ.

Всѣ эти наглыя безчинства и злодѣянія евреевъ переполнили чашу терпѣнія простыхъ русскихъ людей, и у нихъ явилась потребность удовлетворить оскорбленное національное чувство устройствомъ своей народной, патріотической манифестаціи. „Надо показать, что есть еще православныя люди, уважающіе своего Государя“ говорили они.

Послѣ молебна, отслуженнаго утромъ въ Соборѣ толпа русскихъ людей, по преимуществу рабочихъ, съ хоругвями, портретомъ Государя Императора и національнымъ флагомъ двинулась по улицамъ Маріуполя. Однако торжественное и благоговѣйное настроеніе участниковъ шествія моментально перешло въ ужасающій взрывъ народнаго негодованія, когда изъ вооруженной толпы еврейской боевой организаціи стоявшей, не снимая шапокъ передъ патріотиче-

ской манифестаціей и поджидавшей ее на углу около гостиницы „Континенталь“, раздался выстрѣлъ, которымъ былъ раненъ въ ногу одинъ изъ двухъ несшихъ портретъ Государя Императора учениковъ мѣстнаго техническаго училища. Тогда немедленно раздался крикъ „бей жидовъ“!. Въ это время изъ гостиницы „Континенталь“ и изъ сосѣднихъ домовъ открылась стрѣльба не только въ тѣхъ, кто бросился въ рукопашную на евреевъ, но и въ самую патріотическую процессію. Вслѣдъ за этимъ гнѣвъ народный разразился со стихійной силой и, смявъ вооруженную толпу евреевъ, русскіе бросились преслѣдовать и громить еврейскія лавки...

Но также, какъ и въ другихъ городахъ, гдѣ были еврейскіе погромы, жиды живо возмѣстили свои убытки и нѣкоторые даже разбогатѣли послѣ того. Почти всѣ потерпѣвшіе получили пособіе отъ заграничныхъ и иногородныхъ евреевъ, многіе объявили себя несостоятельными, а большинство и безъ такого объявленія по случаю погрома не заплатили по своимъ обязательствамъ, часто большимъ стоимости всего наличнаго въ ихъ магазинахъ товара, нѣкоторые же въ ожиданіи погрома успѣли спрятать болѣе или менѣе цѣнный товаръ у знакомыхъ христіанъ, а нѣкоторые скупили затѣмъ за безцѣнокъ товаръ изъ разгромленныхъ магазиновъ и открыли торговлю имъ въ другихъ городахъ. Поплатились же, за все русскіе люди, которыхъ погромъ привелъ на скамью подсудимыхъ и въ данномъ случаѣ подтвердилось лишній разъ мнѣніе Шмакова, высказанное въ книгѣ. „Свобода и евреи“, что отъ еврейскихъ погромовъ теряютъ только христіане.

Изъ всего вышесказаннаго видно, какое бурное время наступило въ Маріуполѣ съ объявленіемъ „свободъ“, какъ нагло держало себя еврейское населеніе и какъ трудно было служить въ полиціи при такихъ обостренныхъ отношеніяхъ между революціоннымъ еврействомъ и мирнымъ русскимъ рабочимъ населеніемъ.

Прошелъ первый ураганъ освободительнаго движенія, но подпольная дѣятельность революціонеровъ и ихъ месть

чинамъ полиціи все еще давала себя знать. Послѣ убійства городового Никиты Фесенко слѣдовали другія.

Околоточный надзиратель Григорій Попазовъ нѣсколько лѣтъ служилъ, въ гор. Маріуполѣ, а затѣмъ въ Маріупольскомъ Торговомъ порту, добросовѣстно и смѣло выполняя свои обязанности.

Онъ неоднократно получалъ отъ революціонеровъ угрожающія письма, которыми эти послѣдніе тщетно пытались устрашить вѣрныхъ слугъ Родины. Замѣтивъ, что за нимъ постоянно слѣдятъ какія-то темныя личности Попазовъ рѣшилъ переѣхать на жительство въ гор. Маріуполь и попросилъ перевода туда же на службу.

24 іюля 1906 года, собравъ свое имущество, онъ выѣхалъ изъ Порта, но на дорогѣ, не доѣзжая городской больницы, его встрѣтили двое неизвѣстныхъ, которые открыли по немъ стрѣльбу изъ револьверовъ и убили его на мѣстѣ.

22 іюня 1907 года городовой 1-ой части Афанасій Корніенко, стоя ночью на посту на слободкѣ, былъ убитъ извѣстнымъ воромъ Кирданомъ, находившимся въ близкихъ сношеніяхъ съ революціонерами. Какъ выяснилось, причиной убійства было то, что стоя на посту, вблизи квартиры Кирдана, которая служила притономъ для разбойниковъ и революціонеровъ, Афанасій Корніенко наблюдалъ за посѣщеніемъ этой квартиры неизвѣстными личностями и тѣмъ мѣшалъ Кирдану и его товарищамъ выполнять злонамѣренныя цѣли.

Наконецъ въ 1909 году погибъ городовой Платонъ Покатиловъ, въ котораго стрѣлялъ въ 1905 году еврей Корабельниковъ.

20 января приставъ 1-ой части получилъ свѣдѣнія, что въ г. Маріуполь пріѣхали два злоумышленника, намѣтившіе первымъ для ограбленія магазинъ Чернобильскаго. Чтобы предупредить этотъ грабежъ приставъ командировалъ околоточнаго надзирателя Култашева съ пятью лучшими городовыми. Около магазина Чернобильскаго нарядъ полиціи пытался задержать грабителей, но тѣ начали стрѣлять изъ револьверовъ, причемъ ранили городовыхъ Платона Покатилова и Власа Лагутина. Послѣ этого нарядъ

полиціи тоже открылъ стрѣльбу и оба грабителя были убиты. Тяжело раненый городовой Покатиловъ въ мучительныхъ страданіяхъ спустя нѣсколько времени умеръ.

Всѣмъ этимъ чинамъ полиціи 6 ноября 1909 года на Маріупольскомъ кладбищѣ былъ освященъ памятникъ, воздвигнутый на средства собранныя по подпискѣ среди гражданъ города Маріуполя по иниціативѣ мѣстнаго полиціймейстера А. Н. Эпко. Торжество открытія памятника послѣдовало въ присутствіи управляющаго губерніей, всѣхъ мѣстныхъ властей, представителей земства и при многолюдномъ стеченіи народа. Послѣ панихиды по убіеннымъ соборный протоіерей произнесъ прочувственное слово, а рота 59-го пѣхотнаго Люблинскаго полка произвела салютъ изъ ружей. Приводимъ въ заключеніе рѣчь соборнаго протоіерія:

„Сейчасъ мы присутствовали при освященіи и открытіи памятника, безвременно погибшимъ отъ рукъ злодѣевъ чинамъ мѣстной полиціи. Чтобы уяснить себѣ значеніе этого событія, необходимо припомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ погибли и покоятся здѣсь жертвы служебнаго долга.

По вступленіи на престолъ нынѣ царствующій Государь въ манифестѣ возвѣстилъ, что Онъ пріемлетъ священный обѣтъ предъ лицемъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Его вѣрноподданныхъ. Но, возвѣщая о священномъ обѣтѣ предъ лицомъ Всевышняго, Государь изволилъ указать и на то условіе, при которомъ возможно выполненіе сего священнаго обѣта: „Да не забудетъ русскій народъ, что сила и крѣпость Святой Руси—въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности“.

Прошло съ тѣхъ поръ десять лѣтъ, обнаружились слабыя стороны въ государственномъ управленіи и частичныя улучшенія оказались недостаточными.

Наступало время коренного преобразованія и вотъ въ Манифестѣ 17 октября 1905 года возвѣщается „о дарованіи населенію гражданской свободы на началахъ неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ, о призваніи выборныхъ отъ народа къ законодательному строительству и участія ихъ въ надзорѣ за закономѣрностью

дѣйствій поставленныхъ отъ Царя властей". Увы къ чему привели „эти свободы"?..

Услыхавъ о свободѣ и не разумѣя истиннаго ея смысла, народъ заволновался, а мнимые его радѣтели пнородцы и лѣвые общественные дѣятели поспѣшили смутить его разными соблазнительными обѣщаніями, раздѣлить на враждебныя партіи и возбудить къ открытому неповиновенію законнымъ властямъ, хищенію чужого имущества, мятежу, убійствамъ, грабежамъ и разбоямъ. Начались повсюду неслыханныя на святой Руси безпорядки, насилія, ужасы, терроръ. Мирные граждане пришли въ смущеніе и уныніе, они терялись и не знали что дѣлать, каждый боялся за свою жизнь и цѣлость своего имущества. Правительство напрягало свои усилія къ возстановленію порядка и для этого призвало къ усиленной дѣятельности военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Задача была тяжелая и трудная, она требовала отъ исполнителей самоотверженія, отваги и жертвъ. Но это не смутило военныхъ и полицейскихъ чиновъ. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и здѣсь покоющіеся положили свою жизнь въ борьбѣ съ крамолою, но свято исполнили свой служебный долгъ передъ Царемъ и отечествомъ,— въ этомъ ихъ заслуга, честь и слава.

Да будетъ же сей памятникъ постояннымъ напоминаніемъ для потомства, что здѣсь покоится прахъ чиновъ мѣстной полиціи, свято исполнившихъ свой служебный долгъ и положившихъ свою жизнь для блага отечества.

Да будетъ памятникъ сей достойнымъ воздаяніемъ охранителямъ законнаго порядка, мирнаго труда и развитія тишины и спокойствія.

Да будетъ памятникъ сей, по словамъ Божественнаго Учителя свидѣтельствомъ того, что „больше себя любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя".

Иванъ Андреевичъ Дундукъ.

Сынъ помѣщика Сосницкаго уѣза, Черниговской губерніи. Убитъ 27 августа 1908 года.

Иванъ Андреевичъ Дундукъ происходилъ изъ богатой купеческой семьи, окончилъ юридическій факультетъ въ Кіевскомъ университетѣ. Онъ былъ сильный здоровый, энергичный, недюжиннаго ума человѣкъ и горячій патріотъ. Въ бытность вольноопредѣляющимся въ 1903 году онъ принималъ участіе въ усмиреніи бунтовщиковъ въ гор. Батумѣ, былъ раненъ, почему и вышелъ въ запасъ. Послѣ военной службы Иванъ Андреевичъ занимался хозяйствомъ въ имѣніи своего отца—Михайловкѣ.

27 августа 1908 года, вечеромъ, Иванъ Андреевичъ возвращался къ себѣ въ усадьбу. У воротъ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ людей, одинъ изъ которыхъ спросилъ его: не онъ-ли хозяинъ имѣнія? Получивъ утвердительный отвѣтъ, неизвѣстный неожиданно выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ Ивана Андреевича. Раненый, не имѣя при себѣ оружія, ударилъ убійцу по рукѣ палкой. Въ отвѣтъ на это раздались выстрѣлы и раненый упалъ мертвымъ. Бывшіе въ усадьбѣ люди, услышавъ пальбу и увидя нападающихъ, разбѣжались и только братъ убитаго вступилъ съ разбойниками въ перестрѣлку, пока не упалъ израненнымъ. Неизвѣстные вошли въ домъ, забрали деньги и цѣнныя вещи, зажгли всѣ строенія усадьбы, запрягли лошадей и безслѣдно скрылись.

Убитъ помѣщикъ, молодой человѣкъ 30-ти лѣтъ отъ роду, разграблена и сожжена барская усадьба! Не мало родовыхъ помѣщичьихъ гнѣздъ сожжено было въ безумные годы смуты подъ вліяніемъ революціонной агитаціи, не мало уничтожено памятниковъ старины и драгоцѣнныхъ историческихъ документовъ. „Иллюминаціи“ иначе говоря поджоги, поощряемые съ кафедры 1-ой Государственой Думы жидомъ Герценштейномъ, опустошали Русь,

словно при нашествіи дикихъ варваровъ. Великій грѣхъ передъ Россіей лежитъ на тѣхъ русскихъ людяхъ, которые продавъ себя іудеямъ, подстрекали крестьянъ на мятежъ и злодѣйство...

Что касается убійства Ивана Андреевича Дундука, то слѣдуетъ предположить въ данномъ случаѣ революціонную месть. Революціонеры не могли забыть, что Иванъ Андреевичъ участвовалъ въ усмиреніи бунта на Кавказѣ—и они отыскали его въ его имѣніи въ глубинѣ Россіи и предательски умертвили.

Но каждая новая жертва не усиливаетъ силу революціоперовъ, не устрашаетъ оставшихся вѣрныхъ сыновъ родины, а напротивъ обезсиливаетъ крамолу и возстановляетъ противъ нея всю честную и твердую, какъ сталь Русь православную!

Филиппъ Григорьевичъ Ильюкевичъ.

Полицейскій урядникъ Минскаго уѣзда. Убитъ 12 августа 1905 г.

Филиппъ Григорьевичъ Ильюкевичъ родился 1-го іюля 1866 г. въ деревнѣ Паначи Синявской волости, Слуцкаго уѣзда, въ православной крестьянской семьѣ. Во время отбыванія воинской повинности онъ за хорошую грамотность и примѣрное поведеніе былъ назначенъ старшимъ писаремъ 2-й батареи 30-й Артиллерійской бригады, а по выходѣ въ запасъ занялъ мѣсто урядника 5-го участка Минскаго уѣзда и поселился въ мѣстечкѣ Острошицкій-Городокъ.

Въ 1905 г. смута начала проникать и въ это глухое селеніе. Минскій мѣщанинъ Григорій Андреевъ Сороко занялся при помощи своихъ родныхъ дѣятельнымъ распространеніемъ брошюръ и книгъ революціоннаго содержанія, стараясь этимъ способомъ посѣять въ народѣ недовольство, злобу и подбить его на возмущеніе. Понимая, какой страшный вредъ можетъ принести Россіи распространеніе подобныхъ писаній среди темнаго люда и сколько горя могутъ они принести его горячо любимому отечеству, Филиппъ Григорьевичъ сталъ зорко слѣдить за преступными агитаторами и наконецъ арестовалъ ихъ. Этого вѣрнаго стража родины не устрашила мысль, что этимъ онъ навлекаетъ на себя злобу и месть людей, не останавливающихся ни передъ какимъ преступленіемъ. Дѣйствительно, Сороко, по выходѣ изъ тюрьмы, рѣшилъ жестоко отомстить уряднику.

12-го августа 1905 г. въ 11 ч. вечера въ м. Острошицкій Городокъ прибылъ конный нарочный ямщикъ Минской земской почты Яковъ Николаевъ Зепькевичъ съ срочнымъ пакетомъ отъ пристава 1-го стана Минскаго уѣзда на имя урядника Ильюкевича; послѣдній открылъ прибывшему ямщику дверь, впустилъ его въ комнату и, взявъ разносную книгу съ пакетомъ, сѣлъ у окна, чтобы росписаться въ полученіи его. Въ этотъ моментъ Сороко черезъ окно

выстрѣлилъ въ урядника, который моментально скончался. Жена покойнаго и многіе изъ жителей мѣстечка видѣли и узнали убійцу, но не успѣли его задержать; онъ скрылся и вскорѣ бѣжалъ за-границу.

Такъ погибъ еще одинъ вѣрный сынъ нашего отечества, такъ гибнутъ одинъ за другимъ вѣрные слуги Царя и Родины.

Гнусные революціонеры, прикрываясь названіемъ „народниковъ“ (соціалъ-демократовъ), прежде всего вредятъ этому же бѣдному народу, этой меньшей братіи; пользуясь слабымъ нравственнымъ развитіемъ невѣжественной массы, они лживыми и льстивыми обѣщаніями улучшить матеріальное положеніе возмущаютъ народъ, разжигая зависть и злобу. Отнимая у народа величайшее благо—вѣру въ Бога и душевное спокойствіе, эти дикіе коршуны несутъ взамѣнъ смерть, разрушеніе, развратъ и полное раззореніе крестьянства.

Дай Богъ, чтобы примѣръ самоотверженной службы Ильюкевича зажегъ въ сердцѣ русскихъ людей истинную любовь къ родинѣ и сознаніе долга! Въ этомъ—сила государственная и сила народная... Если бы эти чувства охватили все существо русскаго человѣка, то не страшны были бы намъ никакіе враги, никакія войны—ни внѣшнія, ни внутреннія.

Иванъ Кондратьевичъ Атаманенко.

Старшій надзиратель Метехскаго тюремнаго замка. Убитъ 18 января 1908 г.

Со времени освободительнаго движенія рѣдкій день проходилъ на Кавказѣ безъ какого либо преступнаго выступленія грузинскихъ террористовъ, продолжавшихъ убивать русскихъ людей, несмотря на завѣренія мѣстныхъ властей

что „наступило успокоеніе“. Во второй половинѣ января 1908 г. выдалось небольшое затишье, но въ глазахъ всѣхъ слѣдившихъ за дѣятельностью террористовъ это служило предвѣстникомъ какого нибудь новаго выступленія и дѣйствительно новое злодѣяніе не заставило себя долго ждать.

Утромъ 18-го января по обыкновенію чрезвычайно исполнительный служака Иванъ Кондратьевичъ Атаманенко, старшій надзиратель Метехскаго замка, вышелъ изъ дому, чтобы къ 8 часамъ быть уже на службѣ. Путь лежалъ по Песковской улицѣ, которая еще была почти пуста. Ясная погода и утренняя тишина не давали повода предполагать о какой либо опасности.

И. К. Атаманенко неподкупный и не поддававшійся ни на какія увѣщанія и соблазны грузинскихъ революціонеровъ, не допускалъ никакихъ злоупотребленій и послабленій, былъ для грузинскихъ революціонеровъ большой помѣхой. Неоднократно онъ получалъ предостереженія отъ друзей, что революціоперы приговорили его къ смерти.

Но это нисколько не повліяло на отношенія его къ дѣлу и онъ продолжалъ честно и добросовѣстно нести свои обязанности и вотъ выйдя изъ дому и любуясь чуднымъ солнечнымъ днемъ, ревностный служака былъ озабоченъ только однимъ—какъ бы не опоздать на дежурство.

И вдругъ, когда онъ проходилъ мимо переулка на него посыпался градъ выстрѣловъ, но онъ и не слышалъ ихъ, такъ какъ смерть наступила мгновенно и онъ отошелъ въ лучшій міръ совершенно для себя неожиданно.

Совершивъ злодѣяніе, преступники какъ это принято на Кавказѣ, скрылись безслѣдно, для совершенія дальнѣйшихъ убійствъ и преступленій.

Миръ праху твоему честный и самоотверженный исполнитель долга.

Яковъ Никитичъ Барсуковъ.

Полицейскій урядникъ Авдѣевскаго участка, Городнянскаго уѣзда Черниговской губ. Убитъ 25 августа, 1908 г.

25 августа 1908 г. около 8 час. вечера въ с. Авдѣевку явились человѣкъ 8—12 разбойниковъ-революціоперовъ. Зайдя въ лавку мѣщанина Менделя Эстрина, они набросились на конно-полицейскаго урядника Барсукова, связали его и повели въ волостное правленіе, гдѣ разбили портретъ Государя Императора, корону на зерцалѣ, взломали сундуки и похитили изъ нихъ 55 р. Затѣмъ разбойники направились въ домъ Берки Златникова, гдѣ взломали письменный столъ, похитили изъ него 125 р. денегъ и золотыхъ и серебряныхъ вещей на 185 р. Ворвавшись въ казенную винную лавку захватили 30 р., три бутылки водки и ружье, а затѣмъ въ домѣ священника Орловскаго 6 р., золотые и серебряные часы и саблю безъ ножепъ. Наконецъ перешли, ведя за собой связаннаго урядника, въ почтовое отдѣленіе, гдѣ разбили сундуки и похитили 129 р. денегъ, знаковъ почтовой оплаты на 115 р. и марокъ сберегательной кассы на 5044 рубля.

Совершивъ всѣ эти взломы и покражи они тутъ же въ почтовомъ отдѣленіи убили связаннаго урядника Барсукова двумя выстрѣлами изъ револьвера въ голову и грудь и затѣмъ безслѣдно скрылись.

Сколько жестокости и лжи въ дѣйствіяхъ революціоперовъ—разбойниковъ. Проповѣдуя свободу, они совершаютъ рядъ возмутительныхъ насилій! Требуя отмѣны смертной казни, они безъ суда казнятъ невиннаго человѣка!

Они совершаютъ рядъ кражъ до бутылокъ водки включительно, глумятся надъ Царемъ и Самодержавіемъ и истязуютъ нравственно и физически честнаго исполнителя долга, простого русскаго человѣка, оставшагося вѣрнымъ присягѣ, издѣваясь надъ нимъ передъ тѣмъ, чтобы лишить

его жизни. Что долженъ былъ вытерпѣть несчастный Барсуковъ; когда его связаннаго вели эти злодѣи, когда на его глазахъ они совершали преступленія и насмѣхались надъ нимъ! Да будетъ имя его причтено къ сонмику мучениковъ, пострадавшихъ за правое дѣло и да помянемъ имя его въ молитвѣ за убіенныхъ.

Іосифъ Андреевичъ Орловъ.

Приставъ 5-го стана, Вилкомірскаго уѣзда.
Убитъ 8-го мая 1906 года.

Іосифъ Андреевичъ Орловъ началъ свою служебную дѣятельность въ г. Ошмянахъ Виленской губ. секретаремъ у тамошняго предводителя дворянства, графа Татищева. За 5 лѣтъ своей службы въ должности секретаря, Іосифъ Андреевичъ былъ оцѣненъ по заслугамъ. Графъ видѣлъ, что Орловъ — человѣкъ твердыхъ убѣжденій, преданный долгу, самоотверженный, энергичный и распорядительный. Въ 1904 г. графъ Татищевъ получивъ постъ Виленскаго вице-губернатора, тотчасъ же назначаетъ Орлова приставомъ мѣстечка Ошмяны—самаго безпокойнаго и мятежнаго въ тѣ столь памятные каждому, смутные и тяжелые 1904—1906 годы для нашей Россіи! Большинство жителей этого

мѣстечка—еврей. Они-то и развратили мѣстное населеніе, а также и окрестныхъ крестьянъ пропагандою революціонныхъ идей. Службу Орлова въ Оникштахъ поистинѣ можно назвать геройской! Не мало надо было имѣть мужества, чтобы служить при тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ, на новомъ мѣстѣ служенія! Постоянныя письма съ угрозами и требованіями—не преслѣдовать революціонныхъ разбойниковъ и мятежниковъ, неоднократныя покушенія на его жизнь, такъ пугавшія его жену заставляли ее не разъ просить своего мужа оставить опасную службу и пожалѣть дѣтей и ее. На ея просьбы онъ каждый разъ отвѣчалъ ей: „Теперь-то и нельзя бросать, а въ мирное время и всякій можетъ служить! Да ты и не горюй, прибавлялъ онъ, если я буду убитъ—ты будешь обезпечена, о тебѣ позаботятся, а твой долгъ—воспитать сына въ любви и преданности нашему Царю и Отечеству: это моя воля и завѣщаніе“.

Однажды возвращаясь изъ села Андронишекъ, въ 10 верстахъ отъ Оникштъ, на него напали революціонеры, давшіе по немъ цѣлый залпъ выстрѣловъ Ямщикъ былъ убитъ; лошадь ранена, а у Орлова оказались простръленными воротникъ и пола шубы.

За послѣднее время крестьяне отказывались давать подводы для должностныхъ лицъ и солдатъ, поэтому Орлову приходилось не разъ отправляться пѣшкомъ по служебнымъ дѣламъ въ окрестныя села. Онъ принужденъ былъ пѣшкомъ снова отправиться въ село Андропишки, гдѣ буйная толпа мятежниковъ ворвалась въ тамошнее волостное правленіе и стала чинить по своему судъ и расправу. Съ Орловымъ было только 9 чел. солдатъ. Онъ вошелъ одинъ въ правленіе и спокойно спросилъ мятежниковъ, для чего они сюда явились. Собравшаяся, озвѣрѣлая толпа вмѣсто отвѣта, кинулась на пристава и съ дикимъ ревомъ стала его душить! Онъ навѣрное бы погибъ, если бы во время не вошли солдаты и не отняли бы его изъ рукъ злодѣевъ! Солдаты разогнали буйную толпу и заставили всѣхъ разойтись по домамъ.

За все время недолгой, но крайне тяжелой, полной самопожертвованія службы приставъ вѣрный долгу присяги

своему Царю, Орловъ много потрудился для нашего отечества, стараясь по мѣрѣ силъ своихъ, очистить отъ налетѣвшей на нашу родную землю всякой нечести: проповѣдниковъ новыхъ ученій соціалистическо-революціоннаго направленія и всякой подпольной литературы.

Враги нашего Царя и Отечества—исчадія ада, сѣя повсюду злое сѣмя своего ученія, сбили съ толку слабые и неокрѣпшіе умы! И пошла по Руси Святой смута великая: пожары, мятежи, убійства и грабежи! Кровью родныхъ сыновъ своихъ и горькими слезами матерей, женъ и сестръ поливалась наша родная земля! Не мало такихъ сѣятелей раздора, человѣконенавистничества и всякой другой погани изловилъ Іосифъ Андреевичъ и отдалъ ихъ судить по дѣламъ ихъ! Конфисковалъ не мало оружія, приготовленнаго злодѣями для убійства своихъ же братьевъ, а также много темной, грязной, подпольной литературы, отравлявшей умы и сердца русскихъ людей! Въ большинствѣ случаевъ Орлову приходилось бороться съ врагами нашего отечества одному. Войска не было; стражники почти всѣ были убиты, а оставшіеся въ живыхъ, скрывались, переодѣтые въ крестьянское платье. Нерѣдко случалось Іосифу Андреевичу по цѣлымъ недѣлямъ находиться въ пути, не слѣзая съ телѣги, голодному, холодному, промокшему до костей въ ненастную погоду!

Въ 1906 г. графъ Татищевъ, будучи уже Виленскимъ губернаторомъ, назначилъ Орлова къ переводу въ г. Сморгонь; но не удалось перейдти на новое мѣсто вѣрному слугѣ Царя и Отечества: враги постарались покончить съ нимъ! 8-го мая того же года въ 9 ч. утра Іосифъ Андреевичъ возвращался домой изъ Вилкоміра, куда ѣздилъ по служебнымъ обязанностямъ. Онъ былъ уже на полпути всего разстоянія, какъ вдругъ посыпался на него градъ пуль изъ ближайшихъ кустовъ, находившихся внизу горы, мимо которой ему надо было итти. Стражникъ, сопровождавшій его, вооруженный винтовкой, услыхавъ выстрѣлы, бросился бѣжать, оставивъ на произволъ судьбы своего начальника! Злодѣи, числомъ 18 человѣкъ, видя, что ихъ жертва осталась одна и при томъ уже ранена, выскочили изъ своей засады

и постарались загнать несчастнаго въ болото, которое находилось по ту сторону дороги на берегу рѣки Свенты. Орловъ съ трудомъ добрался до рѣки, бросился въ нее, чтобы переплыть на другой берегъ, но разбойники настигли его, вытащили изъ рѣки, убили, и вынувъ сердце и печень, изрубивъ ихъ въ куски, бросили въ рѣку!

Всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ врагами нашего отечества доблестный мужъ и въ послѣднюю минуту своей жизни онъ себѣ не измѣнилъ! Одежда его, положеніе закоченѣвшихъ рукъ, все—носили слѣды жестокой и отчаянной борьбы съ нападавшими! Да приметъ Господь его въ селенья праведныхъ и наградитъ вѣнцомъ святыхъ мучениковъ!

Послѣ покойнаго вдовѣ его съ двумя малолѣтними дѣтьми кромѣ долговъ ничего не осталось! Жалованье почти все уходило на разъѣзды и канцелярію, въ которой работало 5 человѣкъ. Работы было много, и работа была спѣшная. Вдова должна была продать даже самыя необходимыя вещи, чтобы уплатить долги. Многое было продано за безцѣнокъ, ибо пришлось спѣшить, получивъ отъ мѣстныхъ жителей-евреевъ приказъ: въ 24 часа убраться изъ Ониксштъ; въ случаѣ же ея промедленія, евреи обѣщали съ ней расправиться такимъ же способомъ, какъ и съ ея мужемъ!

Вдова уѣхала. А убійцы? Нѣкоторыхъ поймали и посадили въ тюрьму, другіе бѣжали отъ правосудія и скрываются. Но кромѣ земного суда есть Судъ Божій, отъ котораго злодѣи не уйдутъ.

Николай Корниловичъ Бѣлорыбкинъ.

Урядникъ Слободскаго уѣзда, Вятской губ.
Убитъ 13 марта 1906 года.

Запасной старшій вахтеръ, изъ крестьянъ Слободскаго уѣзда Вагинской волости, деревни Аксеновской, Николай Корниловъ Бѣлорыбкинъ, былъ опредѣленъ на службу 1-го марта 1904 года на должность пѣшаго стражника, съ которой, 16-го января 1906 года былъ назначенъ на должность пѣшаго фабричнаго Главнохолуницкаго урядника. Въ Бѣлохолуницкомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, съ первыхъ чиселъ февраля мѣсяца 1906 года происходила забастовка рабочихъ, которые, собираясь въ разныхъ мѣстахъ завода, по большей части въ нетрезвомъ видѣ, производили разнаго рода насилія надъ мирно трудящимися заводскими обывателями. Для предупрежденія безпорядковъ были устано-

влены ночные обходы. Въ одну изъ такихъ ночей, а именно 13 марта, Бѣлорыбкинъ былъ въ обходѣ за старшаго и когда, отпустивъ по окончаніи обхода стражниковъ, возвращался къ себѣ въ квартиру одинъ, неизвѣстные лица напали на него сзади, схватили за руки, отняли его револьверъ и изъ него произвели нѣсколько выстрѣловъ: одинъ изъ которыхъ попалъ ему въ голову около лѣваго глаза. Бѣлорыбкинъ имѣлъ силы придти къ себѣ на квартиру, разбудить спавшую хозяйку и сказать: „отоприте я израненъ“ послѣ чего впалъ въ безсознательное состояніе и былъ отправленъ въ больницу, гдѣ не приходя въ сознаніе, умеръ.

Иванъ Николаевичъ Рукавишниковъ.

Конный стражникъ того-же уѣзда и губерніи.
Убитъ 3 августа 1907 года.

Конный стражникъ Бѣлохолуницкаго № 28 коннаго отдѣленія запасной ефрейторъ-ординарецъ изъ крестьянъ Синеглинской волости, Иванъ Николаевъ Рукавишниковъ, 3 августа 1907 года, былъ командированъ для сопровожденія

изъ города Слободского въ Бѣлохолуницкій заводъ сына кассира этого завода Першакова и служащаго Войцицкаго, везшихъ изъ казначейства 17.000 рублей для расчетовъ съ рабочими завода. Когда они выѣхали изъ города Слободского, на третьей верстѣ, три неизвѣстныхъ злоумышленника выбѣжали изъ-за растущихъ около дороги деревьевъ и открыли стрѣльбу изъ револьверовъ по стражнику Рукавишникову, сидѣвшему на козлахъ и ранили его въ бокъ, животъ и правый високъ. Рукавишниковъ тутъ-же на дорогѣ упалъ и скончался.

Послѣ того, какъ Рукавишниковъ упалъ съ козелъ, злоумышленники стрѣляли въ сѣдоковъ—сына кассира Першакова и Войцицкаго, при чемъ первый изъ нихъ былъ раненъ въ лѣвую руку выше кисти, а послѣдній въ пахъ. Лошади въ это время не управляемыя ямщикомъ, который при самомъ началѣ стрѣльбы соскочилъ съ козелъ и убѣжалъ,—понеслись, свернули въ канаву и вывалили сѣдоковъ; подбѣжавшіе злоумышленники остановили лошадей, взяли сумку съ деньгами и скрылись въ лѣсу, ограбивъ такимъ образомъ рабочихъ, для которыхъ деньги предназначались: и послѣ этого негодяи эти смѣютъ называть себя друзьями народа?

Такъ погибли безвременно отъ руки убійцъ два скромныхъ героя, Бѣлорыбкинъ и Рукавишниковъ, вѣрные своему долгу.

Имена ихъ не должны быть забыты нами и „Книга Русской Скорби“ заноситъ ихъ на свои страницы, а Господь Богъ сотворитъ имъ вѣчную память среди остающихся ихъ единомышленниковъ—вѣрныхъ сыновъ родины.

Левъ Осиповичъ Вартенбургъ.

Начальникъ службы тяги въ Тифлисѣ.
Убитъ въ Тифлисѣ 21 іюня 1906 г.

Левъ (Артуръ) Осиповичъ Вартенбургъ родился въ Петербургѣ 12-го января 1864 года. Свое образованіе онъ началъ во французскомъ пансіонѣ, изъ котораго былъ переведенъ въ Коммерческое училище. По окончаніи курса въ этомъ училищѣ онъ поступилъ въ Техонологическій институтъ, который также отлично кончилъ въ 1888 году. Въ томъ же году онъ изъ католичества перешелъ въ право-

славіе, (съ именемъ Льва) женился и поступилъ на Варшавскую желѣзную дорогу помощникомъ машиниста. Въ январѣ 1889 года онъ перешелъ въ техническую контору Николаевской желѣзной дороги, но въ томъ же году былъ переведенъ на Александровскій механическій заводъ для постройки Императорскаго поѣзда, сначала временного, а затѣмъ и заграничнаго, гдѣ проявилъ много ума, труда и знаній. Въ 1895 году онъ былъ назначенъ на постройку вагоновъ Сибирской жел. дороги и отличился тамъ многими нововведеніями; всѣ чертежи были сдѣланы имъ самимъ. Здѣсь свои работы онъ закончилъ постройкой вагона-церкви. Въ 1896 году Л. О. былъ командированъ на шесть недѣль въ Америку для изученія керосинопровода, послѣ чего самъ построилъ его въ Тифлисѣ. Въ 1899 году былъ назначенъ начальникомъ службы подвижного состава и тяги и оставленъ строителемъ керосинопровода. Въ 1906 году имъ изобрѣтенъ обратный двигатель, которымъ керосинъ въ случаѣ войны или возстанія можетъ быть отведенъ въ м. Кабулетъ. Въ томъ же году онъ былъ убитъ...

За что погибъ молодой, талантливый и умный, безусловно честный и энергичный человѣкъ, прекрасно начавшій службу и горячо любившій свою Родину?

Исключительно за то, что имѣя громадное нравственное вліяніе на рабочихъ мѣшалъ коварнымъ замысламъ революціонеровъ. Безграничная преданность дѣлу, трудолюбіе, неусыпное попеченіе о меньшой братіи и беззавѣтная смѣлость убѣжденій и поступковъ снискали ему уваженіе и любовь всѣхъ его подчиненныхъ.

Соціалистическая партія съ строго опредѣленной программой, при содѣйствіи самыхъ крайнихъ террористовъ возбуждала, народъ склоняла рабочихъ къ бунту обѣщаніями улучшить ихъ матеріальное положеніе и захватила несчастный Кавказъ, управляемый равнодушною рукою слабаго старца.

Наступила неограниченная свобода для людей безнравственныхъ, вредныхъ, сѣющихъ смуту изъ личныхъ выгодъ.

Начались желѣзнодорожныя забастовки. Управленіе За-

кавказской жел. дороги, вслѣдствіе крайней недостаточности войскъ, не могло примѣнить мѣръ строгости и повліять этимъ на улучшеніе положенія дѣла. Рядомъ съ требованіемъ рабочихъ прибавки жалованья и сокращенія рабочихъ часовъ стоялъ пунктъ объ освобожденіи и пріемѣ на службу арестованныхъ по политическимъ дѣламъ. Въ мастерскихъ во множествѣ экземпляровъ революціонерами расклеивались списки приговоренныхъ къ смерти съ угрозой убить и того, кто осмѣлится снять эти объявленія. Никто изъ служащихъ и даже изъ жандармовъ не рѣшался пренебречь этой угрозой, тогда какъ объявленія администраціи дороги срывались и сжигались на глазахъ у всѣхъ.

Все это мало трогало „гуманнаго“ Намѣстника.

Нѣтъ словъ, чтобъ описать ужасъ, охватившій мирныхъ жителей Кавказа.

Въ такое время власти тьмы, личность Л. О. сильно мѣшала анархистамъ, и они рѣшили его устранить.

Въ 1904 году агитаторы добились забастовки рабочихъ Машинисты отказались ѣхать съ пассажирскимъ поѣздомъ. Л. О. и начальникъ депо отправились только вдвоемъ въ депо и вывели оттуда въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ забастовавшихъ рабочихъ паровозъ и подвели его къ поворотному кругу. Нѣкоторые изъ рабочихъ хотѣли помочь имъ, но были забросаны камнями. Тогда Л. О. сошелъ съ паровоза и вмѣстѣ съ начальникомъ депо при безмолвствующей толпѣ повернулъ паровозъ и подалъ его подъ поѣздъ. Этотъ геройскій примѣръ увлекъ одного изъ машинистовъ: онъ вскочилъ на паровозъ, поѣздъ пошелъ, и публикѣ была дана возможность уѣхать изъ бунтующаго города.

Въ 1905 году рабочіе снова забастовали. Поѣзда, пришедшіе изъ Баку и Батума, были остановлены за семафорами, а весь путь до станціи былъ занятъ бунтовщиками. Л. О. прошелъ въ сторону Баку, всталъ на паровозъ и привелъ поѣздъ на станцію. Забастовщики не рѣшились нанести какой бы то ни было вредъ своему любимому начальнику, но не смѣя пти противъ главарей бунта, спустили съ рельсовъ паровозъ другого поѣзда, пришедшаго

изъ Батума, и тѣмъ лишили возможности доставить его на станцію.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ ясно видно, какъ обаятельна въ глазахъ рабочихъ была личность г. Вартенбурга, и какъ подобное отношеніе разбивало планы анархистовъ.

Деморализуя народъ, заглушая въ немъ посредствомъ вина и страстныхъ рѣчей совѣсть, возбуждая злобу и ненависть къ начальству и обѣщая бунтовщикамъ свободную и сытую жизнь, эти гнусные люди пользовались невѣжественной массой, какъ слѣпымъ орудіемъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей.

Во время забастовки 1905 года Л. О. получилъ чрезъ г. Маламу предложеніе Намѣстника или немедленно повліять на своихъ подчиненныхъ въ отношеніи прекращенія ими забастовки, или оставить службу. Л. О. немедленно подалъ прошеніе объ отставкѣ, заканчивая его словами: „ходатайствовать объ этомъ я вынужденъ потому, что всегда дѣлалъ рѣшительно все, что только было въ моихъ силахъ какъ къ устраненію забастовокъ, такъ и вообще къ наилучшему ходу дѣла во ввѣренной мнѣ службѣ".

Его прошеніе объ отставкѣ однако принято не было.

Въ іюнѣ 1906 года Л. О., окончательно измученный борьбой съ революціонерами и возмущенный полнымъ бездѣйствіемъ Намѣстника, рѣшилъ оставить свою службу и уѣхать въ Петербургъ, на что получилъ разрѣшеніе начальства.

21-го іюня, 1906 г. по случаю суда надъ взбунтовавшимися солдатами, рабочіе рѣшили бастовать одинъ день. Тогда Намѣстникъ приказалъ совсѣмъ закрыть мастерскія. Революціонеры обрадовались этому новому поводу для возмущенія рабочихъ. Л. О. былъ уже на вокзалѣ, когда приказомъ Намѣстника его вернули для умиротворенія бунта. Всѣми силами старался онъ уговорить Намѣстника открыть мастерскія. доказывая ему, что это единственное средство успокоить рабочихъ и разрушить гнусный планъ анархистовъ. Наконецъ Намѣстникъ согласился, и 26-го, въ понедѣльникъ, мастерскія были открыты. Когда соціалисты увидѣли, что г. Вартенбургъ угадалъ и разрушилъ ихъ намѣренія, они, боясь, чтобъ въ этой борьбѣ Л. О. не одержалъ верхъ, рѣшили убить его какъ можно скорѣе.

Въ этотъ же день въ 4 ч. 20 мин. пополудни, когда Л. О уже подходилъ къ своему дому, убійцы изъ-за угла нанесли ему 18 ранъ изъ браунинговъ и скрылись. Жена Вартенбурга предупрежденная о готовящемся убійствѣ соціалистомъ, докторомъ Худадовымъ, *) постоянно волновалась въ ожиданіи страшнаго конца. Услышавъ выстрѣлы, она поспѣшно выбѣжала изъ дома и застала мужа еще живымъ. Народъ, собравшійся на мѣсто катастрофы, не тронулся, чтобъ помочь перенести страдальца въ домъ. Сдѣлать это осмѣлилась только преданная ему прислуга. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ истекающаго кровью, полуживого Льва Осиповича положили на постель, къ нему въ домъ явились прилично одѣтый старикъ, совсѣмъ юный студентъ и городовой съ требованіемъ доставить умирающаго въ участокъ, настаивая на томъ, что г-жа Вартенбургъ не имѣла права нести его домой. Внѣ себя отъ негодованія г-жа Вартенбургъ прогнала этихъ безстыдныхъ посѣтителей. Черезъ 20 минутъ Л. О. тихо скончался.

Такъ безвременно погибъ отъ предательской руки вѣрный своему долгу стойкій борецъ, честный труженикъ, заступникъ рабочихъ. Послѣ него осталась вдова и 5 человѣкъ дѣтей (старшему было 15, а младшему 7 лѣтъ). У одной изъ дочерей его моментально отнялись ноги, когда она узнала о смерти горячо любимаго отца.

Страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій человѣческихъ, цѣной которыхъ революціонеры хотѣли купить земныя блага. Но чего стоютъ купленныя цѣною крови выгоды? Русскій народъ заклеймитъ всѣхъ этихъ революціонеровъ-освободителей именемъ убійцъ и разбойниковъ, осиротившихъ много семействъ.

---

*) Д-ръ Худадовъ вмѣстѣ съ женой и сыномъ принадлежалъ къ партіи революціонеровъ. Вскорѣ послѣ убійства г. Вартенбурга, онъ покушался на жизнь священника миссіонерской церкви о. Сергія Городцова, но неудачно: священникъ былъ только раненъ. Худадовъ на другой день самъ былъ убитъ. Несмѣтная толпа революціонеровъ съ красными флагами и громкимъ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ проводила тѣло его и опустила въ землю безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ.

Жертвы крамолы, убитые въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губ.

Петръ Феодоровичъ Помазенковъ.

Старшій городовой Людиновской полицейской команды. Убитъ 30 декабря 1907 года.

30 декабря на Людиновскомъ заводѣ было назначено открытіе благотворительнаго базара. На посту передъ зданіемъ „Москва“, гдѣ происходилъ базаръ, находился городовой Петръ Помазенковъ. И на этомъ то посту онъ былъ убитъ. Объ обстоятельствахъ его смерти мы имѣемъ, къ сожалѣнію, крайне скудныя свѣдѣнія. „Убитъ предательски, при исполненіи служебныхъ обязанностей“, гласитъ оффиціальный отчетъ Людиновской полиціи.

Предательски—значитъ изъ-за угла, внезапно, сзади, какъ убиты многіе и многіе, имена которыхъ наполняютъ страницы Книги Скорби.

Кѣмъ убитъ? Неизвѣстно, т. к. убійца не розысканъ. Но вспомнивъ, что Помазенковъ убитъ въ 1907 году—мы поймемъ кто его убійца.

Онъ былъ городовой, т. е принадлежалъ къ числу людей, охраняющихъ законный порядокъ. Онъ былъ городовой, сознательно исполняющій свое дѣло охраненія этого порядка, въ этомъ была его вина, за это онъ поплатился жизнью.

Ни фотографической карточки, никакихъ либо свѣдѣній о его семейномъ положеніи—мы не имѣемъ. Изъ его послужного списка знаемъ только слѣдующее:

Помазенковъ крестьянинъ деревни Полома, Яровщинской волости. Военную службу онъ отбывалъ въ 23 пѣхотномъ Низовскомъ полку въ городѣ Млавѣ. Въ 1885 году ушелъ со службы въ чинѣ унтеръ-офицера, поступилъ въ полицію

въ Жпздрпнскую команду, гдѣ безпорочно прослужилъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ. Въ 1904 году былъ переведенъ на должность старшаго городового въ Людпновскій заводъ, въ каковой должности и состоялъ до дня своей смерти.

Александръ Петровичъ Преображенскій.

Конторщикъ Людиновскаго завода. Убитъ 30-го декабря 1907 года.

Объ убитомъ въ одинъ и тотъ же день съ Помазенковымъ, Александрѣ Преображенскомъ мы знаемъ немного больше. Знаемъ, что онъ былъ монархистомъ по своимъ убѣжденіямъ и человѣкомъ безупречной нравственности:

Съ 1905 года политическія убѣжденія стали камнемъ преткновенія для отношеній многихъ русскихъ людей между собою. Мы не говоримъ о лицахъ безразличныхъ, которымъ все равно какихъ политическихъ убѣжденій придерживается его сосѣдъ и готовыхъ ладить и съ правымъ сосѣдомъ, и съ лѣвымъ, рѣчь идетъ о людяхъ убѣжденныхъ,

для которыхъ фактъ принадлежности друга къ той, или иной партіи—рѣшаетъ вопросъ о самой дружбѣ.

А. П. Преображенскій былъ человѣкомъ убѣжденнымъ въ правотѣ того, чему служилъ и глубоко честнымъ. Онъ былъ, какъ сказано выше—монархистъ, а вокругъ, его товарищи были въ большинствѣ распропагандированы и, какъ говорятъ, неблагонадежны. Поэтому друзей Преображенскій не имѣлъ среди сослуживцевъ и, сторонясь общенія съ ними, жилъ обособленно, рѣшительно ни съ кѣмъ не сходясь близко.

Жить постоянно въ атмосферѣ недовѣрія и враждебности крайне тяжело. Тяжело жилось молодому конторщику. Онъ былъ преданъ въ душѣ своему Царю и Родинѣ, не скрывалъ этого и готовъ былъ каждую минуту и на дѣлѣ доказать эту свою преданность.

Ему противно было слушать пошлый, преступный вздоръ скрытыхъ и явныхъ „освободителей", омерзительны были взгляды, высказываемые ими. Онъ раздражался и если въ его присутствіи кто-нибудь изъ красныхъ товарищей начиналъ разглагольствовать на „красныя" темы, Преображенскій тотчасъ же вмѣшивался, смѣло и рѣзко нападая на противника, осуждая и разнося его преступныя сужденія.

Мнѣніе о Преображенскомъ, какъ о твердомъ монархистѣ, „черносотенцѣ", который не только на словахъ отпоръ дастъ, но еще, пожалуй, и донесетъ, если замѣтитъ какое нибудь освободительное начинаніе—прочно установилось въ Людиновѣ не только среди конторщиковъ, но и среди сбитой съ толку рабочей молодежи. Его не любили, его боялись и порѣшили, въ концѣ концовъ, „устранить", поджидая только удобнаго случая.

Въ декабрѣ, по распоряженію полиціи, въ Людиновѣ были внезапно арестованы нѣсколько человѣкъ, оказавшихся причастными къ преступнымъ политическимъ организаціямъ.

Эти аресты приписали предполагаемымъ доносамъ А. Преображенскаго и озлобленіе противъ него, среди распропагандированной заводской молодежи еще болѣе обострилось. Кое-кто изъ доброжелателей конторщика-монархиста

предупреждалъ его быть осторожнымъ, т. к. ему грозитъ смерть.

Кто изъ служащихъ всей душой идеѣ, въ которую вѣритъ, убоялся когда нибудь смерти, ради этой идеи, и бросилъ ее, боясь угрозъ? Въ шести томахъ Книги Скорби, на каждой страницѣ можно прочесть какъ многихъ и многихъ людей идеи и долга друзья и родные просили быть „осторожными и поберечься". Послушался ли кто либо изъ этихъ людей подобныхъ просьбъ и уговоровъ? Нѣтъ, потому что „беречься"—значитъ не исполнять того, что они считали своей обязанностью исполнять; „быть осторожнымъ"—значило испугаться и отречься отъ долга, отъ чести. Нѣтъ, никто изъ нихъ не исполнилъ этихъ просьбъ и всѣ они умерли...

Умеръ и А. Преображенскій, онъ благодарилъ своихъ доброжелателей за заботу и предостереженіе и... продолжалъ жить и дѣйствовать какъ и прежде.

30 декабря онъ занимался вечеромъ въ конторѣ. Группа молодыхъ рабочихъ революціонеровъ, подъ предлогомъ какого то дѣла, вызвала Преображенскаго изъ конторы на улицу.

Онъ вышелъ, но не сдѣлалъ отъ порога конторы и десяти шаговъ, какъ откуда то изъ-за угла дома, кто то невидимый выстрѣлилъ въ него изъ револьвера.

Пуля попала въ животъ. Сбѣжавшимися на выстрѣлъ людьми, раненый Преображенскій былъ поднятъ и отнесенъ въ заводскую больницу. Недолго, но тяжко промучившись тамъ, онъ скончался. Убійца его такъ и остался неизвѣстнымъ и неразысканнымъ.

Александръ Петровичъ Преображенскій былъ сыномъ священника, родомъ изъ потомств. почетныхъ гражданъ, родился въ селѣ Маслиховѣ Мещовскаго уѣзда въ 1886 г. Образованіе получилъ въ Калужскомъ духовномъ училищѣ, но по болѣзни курса не кончилъ и до 1904 года жилъ при отцѣ, священникѣ Верхне-заводской церкви. Матери онъ лишился еще въ дѣтствѣ.

Въ 1904 году скончался и его отецъ. Осиротѣвъ совершенно, А. Преображенскій ушелъ въ Пафнутьевскій Боровскій монастырь, гдѣ и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Нужно было какъ нибудь устроиться, средствъ къ жизни не было никакихъ. И вотъ онъ отправился въ Людиновскій заводъ, гдѣ вскорѣ и нашелъ себѣ мѣсто въ канцеляріи полицейскаго надзирателя, въ квартирѣ котораго и поселился.

Черезъ два года, т. е. въ 1906 году онъ поступилъ на должность заводскаго конторщика. Служилъ онъ за совѣсть и чрезвычайно щепетильно, внимательно относился къ своимъ обязанностямъ, ставя ихъ всегда на первое мѣсто.

Сирота, безсемейный, онъ одиноко жилъ и умеръ, никѣмъ изъ близкихъ родныхъ не оплаканный.

Почтимъ же память его мы, русскіе люди, благодарные ему за его вѣрность завѣтамъ общей нашей Родины.

Илья Григорьевичъ Замотаевъ.

Городовой гор. Тамбова. Убитъ при исполненіи служебныхъ обязанностей 4 Іюня 1907 г.

1907-ой годъ. Самое острое время революціи прошло. Мрачная туча, несущая въ себѣ ужасы предательства, смерть и уничтоженіе –уже уходитъ постепенно съ неба много-страдальной нашей родины. Было то время, про которое можно сказать: время ликвидаціи остатковъ революціонныхъ организацій.

Шла такая „ликвидація“ и въ городѣ Тамбовѣ. Мѣстной власти сдѣлались извѣстными тайныя гнѣзда революціонеровъ, т. е. дома и квартиры, гдѣ они собирались. По этому время отъ времени, въ эти гнѣзда внезапно являлась полиція и производила обыски и аресты.

Въ ночь на 4 іюня 1907 года, по распоряженію департамента полиціи, чинами тамбовской полиціи было произведено нѣсколько обысковъ по городу. Между прочими требовалось сдѣлать обыскъ въ флигели дома Кишеневой, гдѣ, какъ было извѣстно полиціи, находилась конспиративная квартира шайки революціонеровъ. Нужно было арестовать хозяина квартиры.

Было 2 часа ночи. Приставъ 3-ей части, взявъ нарядъ полиціи и казаковъ, окружилъ флигель во дворѣ дома и подойдя къ двери постучался, съ требованіемъ отворить. Свѣтъ тотчасъ же погасъ въ окнахъ флигеля, въ квартирѣ послышалось движеніе, но никто не отвѣчалъ.

Тогда приставъ приказалъ взломать двери и черезъ минуту она была сорвана съ крючка, открывъ совершенно темную комнату. Во мракѣ этой комнаты не слышалось ни малѣйшаго шороха, но призракъ смертельной опасности выглянулъ изъ темноты, гдѣ притаились убійцы.

Люди долга никогда не думаютъ о томъ, что имъ грозитъ, а если и видятъ призракъ смерти—идутъ ему на встрѣчу.

Первымъ вошелъ въ темную комнату приставъ, за нимъ, тутъ же, городовой Замотаевъ и другой его товарищъ.

Но не успѣли они сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ изъ мрака гряпуло нѣсколько выстрѣловъ. Пораженный смертельно пулей Илья Замотаевъ упалъ и тутъ же скончался. Слѣдовавшій за нимъ другой городовой былъ раненъ.

По невидимымъ въ темнотѣ злоумышленникамъ полиція дала залпъ и ворвалась въ комнату. Въ эту минуту, въ окнѣ мелькнулъ человѣческій силуэтъ: какъ будто кто то выскочилъ черезъ окно. Одинъ человѣкъ выскочилъ, или двое—неизвѣстно.

Приставъ тотчасъ же распорядился оцѣпить весь кварталъ казаками и пѣхотой и во всѣхъ домахъ оцѣпленной мѣстности начался тщательный обыскъ. Послѣ долгихъ поисковъ, убійца наконецъ былъ найденъ въ одномъ домѣ и схваченъ.

Его жертва—Илья Замотаевъ былъ родомъ изъ крестьянъ деревни Надеждиной, Борисоглѣбскаго уѣзда. Родился онъ въ 1877 году; до поступленія на службу въ солдаты пахалъ землю и кормилъ тяжело добытымъ хлѣбомъ жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей.

Воинскую повинность онъ отбывалъ въ 217-мъ Кромскомъ резервномъ батальонѣ, а затѣмъ поступилъ на службу въ полицію въ Тамбовѣ. Здѣсь онъ прослужилъ только еще одинъ годъ, но и за это короткое время успѣлъ пріобрѣсти

къ себѣ и довѣріе начальства и любовь со стороны товарищей.

Добрый онъ, душевный человѣкъ, — говорили они про Илью Замотаева.

Послѣ его смерти жена его и дѣти остались безъ всякихъ средствъ.

Миръ праху его!

Григорій Викторовичъ Мѣшковскій.

Полицейскій надзиратель г. Глухова, Черниговской губ.
Убитъ 18 мая 1907 г.

Григорій Викторовичъ Мѣшковскій, сынъ чиновника, родился 5 ноября 1880 года; образованіе свое онъ получилъ въ городскомъ училищѣ.

Съ 31 августа 1900 года онъ поступилъ на службу канцелярскимъ служителемъ въ Черниговское губернское правленіе, а затѣмъ былъ откомандированъ въ распоряженіе Черниговскаго полицеймейстера для несенія наружной полицейской службы; 25 февраля 1905 г., произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора. Благодаря свему трудолюбію, усердію и способностямъ, онъ былъ назначенъ помощникомъ пристава, города Чернигова, а 6 ноября 1906 г.—переведенъ на должность полицейскаго надзирателя въ г. Глуховъ.

Состоя въ этой должности и принимая ретивое участіе въ преслѣдованіи преступниковъ, Мѣшковскій обратилъ на себя вниманіе своею расторопностью и неподкупностью, по-

чему былъ командированъ для розыска грабителей, совершившихъ въ ночь на 11 мая 1907 года вооруженное нападеніе въ Глуховскомъ уѣздѣ на Гамалѣевскій женскій монастырь.

18 мая 1907 года, проѣзжая по желѣзной дорогѣ на хуторъ Михайловскаго, Мѣшковскій опытнымъ глазомъ замѣтилъ шедшихъ около полотна желѣзной дороги четырехъ неизвѣстныхъ, подозрительныхъ молодыхъ людей. Желая прослѣдить за ними, онъ со станціи „Глуховъ“ отправился пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги имъ на встрѣчу, пригласивъ съ собою воспитанника Крестовоздвиженскаго трудового братства, Букуса, коему были извѣстны, по примѣтамъ, лица, нападавшія на монастырь.

Сколько надо имѣть отваги, смѣлости и самоувѣренности, чтобы одному, въ сопровожденіи лишь мальчика, итти противъ четырехъ, несомнѣнно вооруженныхъ злоумышленниковъ.

Подойдя къ желѣзнодорожному мосту, Мѣшковскій и Букусъ увидѣли подходившихъ къ тому же мосту съ другой стороны замѣченныхъ ранѣе четырехъ человѣкъ. Признавъ въ нихъ людей, участвовавшихъ въ разбойничьей шайкѣ, Мѣшковскій предложилъ имъ остановиться, угрожая въ противномъ случаѣ стрѣлять. Въ отвѣтъ на это неизвѣстные стали стрѣлять въ Мѣшковскаго и Букуса. Мѣшковскій, отстрѣливаясь, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и упалъ мертвымъ отъ двухъ пуль попавшихъ ему въ грудь и голову. Букусъ же получилъ двѣ раны въ руку и бедро, но не свалился. Послѣ этого разбойники, уронивъ на мѣстѣ два разрывныхъ снаряда, пальто и накидку, убѣжали и скрылись, при чемъ наступившая вскорѣ ночь мѣшала возможности ихъ преслѣдовать.

Такъ незамѣтно погибаютъ наши герои, самоотверженно жертвующіе собою на благо Родины и стремящіеся только къ ея успокоенію, оставляя свои семьи на произволъ судьбы, тогда какъ жалкіе трусы и тунеядцы, прячущіеся за спины другихъ и служащіе и нашимъ и вашимъ, смотря по тому, гдѣ выгодно, благоденствуютъ и живутъ себѣ припѣваючи. И какъ ихъ—много!

Мѣшковскій похороненъ въ г. Глуховѣ. Послѣ его смерти осталась семья: жена — Александра Петровна, дочь—Ольга двухъ лѣтъ и сынъ—Владиміръ двухъ мѣсяцевъ, которые нынѣ живутъ въ г. Черниговѣ и существуютъ на получаемую пенсію 300 р. въ годъ.

Сергѣй Георгіевичъ Карповъ.

Начальникъ С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія.
Погибъ при взрывѣ 8-го декабря 1909 г. въ СПБ.

Въ ночь съ 8-го на 9-ое декабря 1909 года въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 5 по Астраханской улицѣ трагически погибъ жертвой служебнаго долга, начальникъ отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка, полковникъ Отдѣльнаго корпуса жандармовъ Сергѣй Георгіевичъ Карповъ.

Покойный Сергѣй Георгіевичъ, происходилъ изъ дворянъ Полтавской губ., родился 20 октября 1864 года, образованіе получилъ въ 4-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и 3-мъ Александровскомъ военномъ училищѣ. Окончивъ курсъ по I разряду съ чиномъ подпоручика, онъ былъ назначенъ на службу въ 131-й пѣхотный Тираспольскій полкъ, гдѣ и слу-

жилъ до перевода на службу въ Отдѣльный корпусъ жандармовъ, пользуясь въ полку всеобщей любовью.

Служба пѣхотнаго офицера не удовлетворяла его. Обладая неутомимой энергіей и трудолюбіемъ С. Г. съ первыхъ же годовъ своей офицерской службы энергично принялся готовиться къ поступленію въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба и въ 1893 году выдержалъ экзамены, но благодаря большому конкурсу, въ Академію не былъ принятъ. Полгода спустя С. Г. перешелъ на службу въ Отдѣльный корпусъ жандармовъ и здѣсь вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность, какъ весьма опытный офицеръ въ дѣлѣ розыска по государственнымъ преступленіямъ. Онъ послѣдовательно занималъ должности: адъютанта Донского Областного жандармскаго управленія, начальника Екатеринбурго-Челябинскаго отдѣленія жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, начальника Брянскаго отдѣленія Виндавскаго жандармскаго полицейскаго управленія жел. дор., съ 1903 г. помощника начальника Донского областного жандармскаго управленія въ Ростовскомъ округѣ, а съ 1907 года—начальника охраннаго отдѣленія въ г. Ростовѣ на Дону. На этомъ отвѣтственномъ посту С. Г. выказалъ наряду съ беззавѣтнымъ мужествомъ и отвагою, прямо изумительныя способности въ борьбѣ съ революціоннымъ зломъ, ввиду чего пред. положено было назначить его на должность начальника губернскаго управленія въ г. Баку, гдѣ, какъ извѣстно, революція свила себѣ слишкомъ прочное гнѣздо. Но не успѣлъ еще С. Г. собраться къ отъѣзду въ Баку какъ получилъ новое и въ высшей степени лестное предложеніе — принять должность начальника охраннаго отдѣленія въ С.-Петербургѣ. Товарищи и сослуживцы его по Ростову на Дону разсказываютъ, что С. Г. сильно колебался принять ли предложеніе начальства, или отказаться. „Слишкомъ ужъ ты отваженъ", говорили ему товарищи, „смотри, нарвешься на бѣду, убьютъ или искалечатъ тебя революціонеры".

Но служебный долгъ у С. Г. стоялъ на порвомъ планѣ. Предложеніе было имъ принято и 13 апрѣля 1910 года, въ понедѣльникъ, въ тяжелый день, онъ вступилъ въ свою новую должность.

Освоившись съ жизненными условіями столицы, полковникъ Карповъ энергично принялся за борьбу съ революціоннымъ подпольемъ. Какъ извѣстно С. Г. пробылъ въ своей опасной должности лишь около 8-ми мѣсяцевъ и погибъ жертвой самоотверженнаго и ревностнаго отношенія къ службѣ.

Незадолго до рокового конца, до свѣдѣнія его дошло совершенно опредѣленное указаніе, что изъ-за границы пріѣзжаютъ члены боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ для совершенія въ С.-Петербургѣ ряда террористическихъ актовъ.

Еще на кіевскомъ съѣздѣ соціалистовъ-революціонеровъ рѣшено было собраться съ силами и въ ближайшемъ же будущемъ путемъ террора убѣдить правительство и общество въ силѣ революціонныхъ организацій. Задумывался крупный террористическій актъ, задумывался притомъ настолько открыто, что въ заграничныхъ газетахъ стали появляться сообщенія, съ предупрежденіемъ о скоромъ выступленіи партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Въ Петербургѣ всѣ эти приготовленія не могли пройти незамѣченными и полковникъ Карповъ, какъ хранитель общественной безопасности и спокойствія, рѣшилъ не только предупредить преступные замыслы террористовъ и ихъ кровавыя дѣянія, но и захватить „боевиковъ“ въ свои руки.

Слѣдить за дѣйствіями революціонеровъ полиція не можетъ иначе какъ при помощи тайныхъ агентовъ, которые доносили бы ей о томъ, что совершается подъ покровомъ глубокой тайны въ средѣ революціонеровъ. Тайными агентами обыкновенно являются лица, которые, состоя для виду членами революціонныхъ организацій, въ то же время находятся на службѣ въ полиціи и доводятъ до свѣдѣнія охраны о готовящихся злодѣяніяхъ.

Такимъ агентомъ былъ нѣкто Петровъ, именовавшійся Воскресенскимъ, интеллигентъ, іудейскаго происхожденія, состоявшій членомъ партіи соціалъ-демократовъ, приговоренный къ ссылкѣ за участіе въ политическомъ преступленіи, выразившій глубокое раскаяніе въ своихъ прошлыхъ заблужденіяхъ и предложившій полиціи свои услуги въ

дѣлѣ политическаго розыска. Онъ представился крайне разочарованнымъ въ революціи и готовымъ служить борьбѣ съ терроромъ и доказалъ это многими весьма важными разоблаченіями, вслѣдствіе чего его предложеніе работать въ области сыска было принято полиціей и административнымъ порядкомъ онъ былъ освобожденъ отъ наказанія.

Вотъ этотъ то человѣкъ и оказался настоящимъ предателемъ,—сначала въ отношеніи къ своимъ же товарищамъ революціонерамъ, а затѣмъ въ отношеніи къ полковнику Карпову, котораго онъ коварнымъ образомъ заманилъ въ ловушку—и убилъ.

Полковникъ Карповъ имѣлъ основаніе вѣрить Петрову-Воскресенскому вслѣдствіе важныхъ разоблаченій сдѣланныхъ имъ и съ его помощью онъ надѣялся раскрыть планъ террористовъ. Несмотря на всю свою опытность С. Г. былъ ловко обманутъ Петровымъ, работавшимъ на два фронта.

Лица, знавшіе Карпова, характеризуютъ его, какъ человѣка въ высшей степени честнаго, смѣлаго, вносившаго въ дѣло сыска не мало увлеченія. Въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ въ рукахъ нити террористическаго заговора и Петровъ, доносившій ему о приготовленіяхъ революціонеровъ былъ для него необходимъ.

Свиданія служащихъ охраннаго отдѣленія со своими тайными сотрудниками происходятъ обыкновенно на нейтральной почвѣ или въ частныхъ квартирахъ. Для этой цѣли съ разрѣшенія полковника Карпова была нанята Петровымъ небольшая квартира въ домѣ № 25 по Астраханской улицѣ, на Выборгской сторонѣ. Петровъ заявилъ при этомъ дворнику, что онъ недавно пріѣхалъ изъ-за границы и временно живетъ въ меблированныхъ комнатахъ и что квартира эта нужна для его дяди, богатаго помѣщика. Въ этотъ же день онъ явился вторично съ Карповымъ, одѣтымъ въ штатское платье и отрекомендовалъ его дворнику въ качествѣ дяди. На выраженное Петровымъ желаніе провести въ квартирѣ электрическое освѣщеніе, хозяинъ далъ полное согласіе. Петровъ самъ наблюдалъ за работой монтеровъ, дѣлая имъ различныя указанія, касающіяся проведенія электрическихъ проводовъ. 8-го декабря Петровъ явился раньше обыкно-

веннаго и предложилъ монтерамъ немедленно прекратить работу по устройству электрическаго освѣщенія, ссылаясь на то, что лампочекъ въ квартирѣ достаточно и что его дядя не можетъ видѣть безпорядокъ, и заперся въ квартирѣ. Что онъ дѣлалъ тамъ—выяснилось лишь на слѣдующій день послѣ ужаснаго взрыва.

Около 8 часовъ вечера дежурный дворникъ, Архиповъ, замѣтилъ новаго квартиранта, который протягивалъ провода отъ парадной лѣстницы по стѣнѣ дома вдоль Астраханской улицы. На разстояніи 20—25 саженъ отъ парадnаго входа Петровъ-Воскресенскій установилъ нажимную кнопку отъ электрическаго звонка. Дворникъ не придалъ этому значенія, предполагая, что новый квартирантъ устраиваетъ это съ согласія хозяина.

Наканунѣ рокового дня С. Г. Карповъ былъ очень озабоченъ. Онъ говорилъ близкимъ людямъ, что у него въ рукахъ нити заговора, который онъ сумѣетъ раскрыть и что его помощники неотступно наблюдаютъ за всѣмъ происходящимъ, дабы во время арестовать всѣхъ членовъ организаціи. При этомъ С. Г. жаловался на свою усталость и выражалъ желаніе поѣхать за-границу отдохнуть. „У меня на плечахъ очень серьезное дѣло, „сказалъ С. Г.“ и какъ только я его кончу, такъ попрошусь въ отпускъ. Боюсь одного, что дѣло это затянется и что я не въ силахъ буду выѣхать изъ Петербурга“...

Онъ не зналъ, что на слѣдующій день его уже не будетъ въ живыхъ!

Въ два часа ночи пришелъ къ Карпову Петровъ-Воскресенскій и вышелъ отъ него лишь въ 4 часа утра: слѣдуетъ предполагать, что онъ сообщилъ С. Г. чрезвычайно важныя свѣдѣнія, касающіяся готовившагося террористическаго акта.

8-го декабря утромъ, пробывъ нѣкоторое время на службѣ, С. Г. ушелъ не сказавъ никому куда. Долгое отсутствіе его вызвало безпокойство, и подъ вечеръ приняты были мѣры къ обнаруженію его мѣстопребыванія. Поиски за нимъ не имѣли успѣха, вслѣдствіе чего въ охранномъ отдѣленіи составилось убѣжденіе о внезапной поѣздкѣ начальника по какому-нибудь дѣлу.

Между тѣмъ С. Г. Карповъ, взявъ съ собою лакея, служившаго въ охранѣ, отправился съ нимъ вечеромъ въ квартиру Петрова-Воскресенскаго, предупредивъ своего слугу, что они проведутъ тамъ нѣсколько дней. Для чего это было нужно, полковникъ не сказалъ лакею. Будучи отвѣтственнымъ лицомъ, въ дѣлѣ требовавшемъ величайшей осторожности и глубокой тайны, С. Г. Карповъ ни съ кѣмъ не дѣлился своими планами, не довѣряя въ этомъ даже самымъ близкимъ людямъ. Изъ выяснившихся ужасныхъ обстоятельствъ дѣла, можно думать, что Карповъ, желая самъ прослѣдить, готовившійся заговоръ, рѣшилъ пріѣхать къ Петрову-Воскресенскому и подъ видомъ дяди его, ознакомиться съ участниками террористической организаціи. Какимъ образомъ полковникъ Карповъ при всей своей опытности и осторожности рѣшилъ подвергнуть себя величайшей опасности и что побудило его рисковать собою—остается тайной, которая съ нимъ унесена въ могилу.

Въ 9 ч. 20 м. вечера полковникъ Карповъ въ сопровожденіи лакея пріѣхалъ въ квартиру Петрова-Воскресенскаго на Астраханской улицѣ. Когда, вслѣдъ за этимъ дворникъ Архиповъ вошелъ за прибывшими въ квартиру, Петровъ съ веселымъ видомъ заявилъ ему, что къ нему пріѣхалъ его дядя и лакей и что паспортъ для прописки онъ дастъ на слѣдующій день утромъ. Дворникъ вышелъ, а лакея Петровъ послалъ за провизіей для ужина. Вернувшись съ покупками, лакей занялся самоваромъ, который былъ имъ поставленъ въ кухнѣ.

Около 11 час. Петровъ-Воскресенскій вышелъ изъ квартиры по парадному ходу и подошелъ къ мѣсту, гдѣ имъ была устроена вечеромъ кнопка, соединенная съ вращающимся рычажкомъ, играющимъ роль коммутатора, отъ котораго шли провода къ электрической батареѣ, проложенные вдоль коридора, черезъ спальню, затѣмъ по стѣнѣ гостинной, опускавшіеся тамъ подъ подоконникомъ и закачивающіеся въ диванѣ. Въ 11 час. 4 мин., что видно по остановившимся часамъ, въ то время, когда Карповъ сидѣлъ на диванѣ, Петровъ нажалъ кнопку, результатомъ чего былъ страшный взрывъ...

Послышался оглушительный шумъ и гулъ, напоминавшій обвалъ, изъ оконъ громаднаго сосѣдняго дома посыпались стекла... Изъ квартиры № 5, показался густой дымъ. Дворникъ Архиповъ вбѣжалъ на парадную лѣстницу и, схвативъ съ собой лампу поднялся во второй этажъ. Двери въ квартиру № 5 были открыты настежъ. Страшная картина полнаго разрушенія представилась его глазамъ: во всѣхъ трехъ комнатахъ разрушены были перегородки, съ потолка обвалилась штукатурка, вся мебель была разбита въ щепки и имѣлся обширный, воронкообразный проломъ пола... Дворникъ остановился. Въ это время онъ увидѣлъ въ кухнѣ у плиты лакея, съ лица котораго струилась крупными потеками кровь. „Здѣсь человѣкъ'ушибленный лежитъ“ сказалъ раненый слабымъ голосомъ и затѣмъ, вмѣстѣ съ, дворникомъ вошелъ въ гостинную. Они увидѣли у обломковъ стола лежащаго С. Г. Карпова и взяли его за руки. Карповъ былъ мертвъ. „Да у него ногъ нѣтъ“, закричалъ лакей, и въ ужасѣ бросился на лѣстницу... Слѣдомъ за нимъ выбѣжалъ изъ квартиры и дворникъ; отъ потери крови лакей не могъ оставаться на ногахъ и свалился на ступеняхъ.

Между тѣмъ на улицѣ происходило слѣдующее: нажавъ кнопку Петровъ-Воскресенскій бросился бѣжать по направленію къ Оренбургской улицѣ, но его уже преслѣдовали дворники сосѣдняго дома и бывшій городовой Палѣевъ. Послѣдній преградилъ дорогу бѣглецу. Прочь съ дороги, убѣгая, закричалъ Петровъ и направилъ въ Палѣева браунингъ, но бывшій городовой ловкимъ движеніемъ схватилъ за руку злодѣя и при помощи другихъ дворниковъ обезоружилъ его.

У преступника были найдены два паспорта, причемъ оказалось, что онъ въ то же время былъ прописанъ въ одной изъ гостинницъ, на Петербургской сторонѣ, гдѣ при обыскѣ былъ найденъ большой сундукъ съ вещами и между ними жилетъ съ ушитымъ въ немъ электрическимъ акумуляторомъ, приспособленнымъ для взрыва.

Трупъ убитаго полковника Карпова былъ найденъ обезображеннымъ до неузнаваемости, съ окровавленною, раненою во многихъ мѣстахъ головою, и безъ ногъ.

Ноги были найдены въ нижней квартирѣ, куда ихъ силою взрыва снесло, сквозь пробитую въ полу брешь. Обезображенное туловище несчастнаго было покрыто обсыпавшеюся съ потолка и стѣнъ известью, обломками, щепами и пр.

Судебныя и полицейскія власти, явившіяся въ часъ ночи на мѣсто происшествія не сразу опознали трупъ. Лишь находка въ разрушенной квартирѣ серебрянаго портсигара покойнаго полковника Карпова дало первое указаніе, которое затѣмъ подтвердилось.

Осмотръ помѣщенія обнаружилъ, что взрывъ былъ произведенъ при помощи адской машины. Подробности ужаснаго происшествія выяснились на другой день, когда оправившійся послѣ сильнаго потрясенія и поранепія лакей разсказалъ о томъ, что было ему извѣстно.

Тѣло покойнаго С. Г. Карпова 9-го декабря было перенесено въ часовню покойницкой клиническаго военнаго госпиталя.

На панихиду прибыли вдова и дѣти покойнаго, начальникъ шефа жандармовъ г.-м. Гершельманъ, градоначальникъ свиты Его Величества г.-м. Д. В. Драчевскій, чины полиціи и родственники убитаго.

На гробъ было возложено множество вѣнковъ: отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, отъ градоначальника, отъ сослуживцевъ изъ разныхъ городовъ Россіи, отъ правыхъ членовъ Госуд. Думы, чудный вѣнокъ отъ союза Михаила Архангела, изображающій скрещенную серебряную пальму и шашку, скрѣпленныя значкомъ союза съ надписью: „Злодѣйской рукой загашенному свѣточу долга", и много др.

12 декабря состоялись торжественныя похороны С. Г. Карпова.

Въ 9 часовъ утра, послѣ краткой литіи, совершенной священникомъ Свято-Николаевской церкви управленія спб. градоначальства, от. Н. І. Подосеновымъ, гробъ съ тѣломъ покойнаго былъ вынесенъ изъ часовни-покойницкой клиническаго военнаго госпиталя и установленъ на погребальную колесницу среди груды вѣнковъ.

Къ этому времени около часовни были построены: сборная команда нижнихъ чиновъ с.-петербургскаго жандармско-

полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ и наряды околоточныхъ надзирателей и городовыхъ а на Нижегородской ул., противъ зданія госпиталя, находились оркестръ пожарной команды, рота лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка съ хоромъ музыки и эскадронъ с.-петербургскаго жандармскаго дивизіона.

Въ часовню прибыли: вдова, дѣти и родственники покойнаго, а также начальствующія лица, чины Отдѣльнаго корпуса жандармовъ и полиціи и множество сослуживцевъ.

Когда процессія вышла на Нижегородскую улицу, войска взяли „на караулъ“, а музыка заиграла „Коль Славенъ Нашъ Господь“.

Печальное шествіе по Нижегородской ул., черезъ Александровскій мостъ и по Литейному и Невскому проспектамъ направилось въ Александро-Невскую лавру.

Заупокойная литургія и отпѣваніе тѣла С. Г. были совершены въ Исидоровской церкви лавры, при чемъ во главѣ духовенства, совершавшаго отпѣваніе, вышелъ намѣстникъ лавры архимандритъ о. Ѳеофанъ. Пѣли послушники лавры и пѣвчіе церкви управленія градоначальства, прошедшіе во главѣ процессіи всю дорогу.

По окончаніи отпѣванія гробъ съ тѣломъ С. Г. вынесенъ былъ на рукахъ градоначальникомъ и другими начальствующими лицами и перенесенъ къ могилѣ на Никольскомъ кладбищѣ, гдѣ тѣло и было предано землѣ.

Передъ открытою могилой произнесъ горячее, сердечное слово, посвященное памяти покойнаго, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-маіоръ П. Г. Курловъ.

„Мы потеряли дорогого товарища, человѣка кристаллически чистаго, и высокочестнаго, запечатлѣвшаго своею смерью служеніе Престолу и Отечеству. Отдѣльный корпусъ жандармовъ будетъ всегда гордиться такимъ беззавѣтнымъ исполнителемъ долга. Земной поклонъ безвременно погибшему полковнику Сергѣю Георгіевичу Карпову, котораго всѣ искренно любили и глубоко уважали“.

Всѣ чины С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія видѣли въ С. Г. не только своего начальника, но и друга. „Въ единеніи сила“ не рѣдко говорится въ революціонныхъ прокла-

маціяхъ, призывающихъ на борьбу съ правительствомъ. Очень часто повторялъ эту фразу Сергѣй Георгіевичъ Карповъ въ обращеніи къ своимъ подчиненнымъ, призывая ихъ къ единенію не только въ служебной работѣ, но и въ личныхъ отношеніяхъ. И трудная, тяжелая работа послѣ такихъ ободряющихъ словъ становилась легче.

Въ его лицѣ Россія потеряла достойнаго и вѣрнаго слугу, непоколебимо преданнаго своему долгу, до самозабвенія, что онъ доказалъ, какъ своею жизнью, полной трудовъ и опасности, такъ и своей безвременной смертью, жертвой революціоннаго предательства.

Послѣ него осталась вдова и 5 человѣкъ дѣтей.

Миръ праху его и вѣчная ему память!

Пименъ Андреевичъ Надточей.

Жандармскій унтеръ-офицеръ Люблинскаго жандармскаго управленія ж. д. Убитъ въ г. Люблинѣ 3 августа 1906 г.

Пименъ Андреевичъ Надточей родился въ 1860 году въ въ селѣ Малюкахъ, Бѣлокопадецкой волости, Назыбковскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

На службу поступилъ онъ по призыву въ 5-й стрѣлковый баталіонъ 1-го января 1882 года, уволился въ запасъ, послѣ года сверхсрочной службы старшимъ унтеръ офицеромъ, затѣмъ въ 1887 году, поступилъ вновь на службу въ Варшавское жандармско полицейское управленіе. Онъ прослужилъ въ Привислинскомъ краѣ жандармомъ 19 лѣтъ на разныхъ станціяхъ. Послѣднее его мѣсто было на станціи Люблинъ, куда онъ былъ назначенъ въ 1904 г.

За все время службы онъ отличался примѣрнымъ, исполненіемъ своихъ обязанностей. Когда наступило освободительное движеніе, террористы разослали жандармамъ анонимныя письма, требуя отъ нихъ, чтобы они оставили службу,

угрожая смертью тѣмъ, кто не подчится ихъ требованіямъ.

Дѣйствительно въ Люблинѣ начались съ тѣхъ поръ убійства стражниковъ, жандармовъ; такихъ убійствъ насчитывалось въ иной день до пяти. Незадолго до кончины Надточея, былъ убитъ, на станціи Люблинъ, жандармъ Григорій Крюковъ. Надточей не испугался угрозъ „освободителей“: сознавая свои обязанности передъ Царемъ и родиной, онъ продолжалъ безстрашно служить, не обращая вниманія на просьбы жены и семерыхъ дѣтей, умолявшихъ его бросить опасное мѣсто. Жена и сынъ Надточея, зная что ему каждый день грозитъ опасность быть убитымъ, сопровождали его на службу и обратно домой, и находились на платформѣ всегда готовыми защитить его отъ опасности, если таковая будетъ ему угрожать.

Когда же Надточей находился въ канцеляріи, которая выходила на платформу, эта предалная охрана занимала постъ у окна снаружи, что бы помѣшать убійцамъ выстрѣломъ черезъ окно привести свой злодѣйскій, гнусный умыселъ въ исполненіе.

3 августа, въ роковой день, Надточей отправился на желѣзнодорожную станцію на дежурство, гдѣ пробылъ цѣлый день безотлучно. Вечеромъ, съ наступленіемъ сумерокъ, жена Надточея со старшимъ сыномъ отправилась на станцію, чтобы, послѣ смѣны съ дежурства, проводить его домой.

Передъ приходомъ пассажирскаго поѣзда, жена обратила вниманіе на необыкновенную задумчивость мужа и спросила его о причинѣ такой задумчивости. Надточей разсердился и отвѣтилъ ей: „Что же я по твоему долженъ танцовать, что-ли?“.

Тутъ подошелъ поѣздъ. Послѣ его отхода Надточей въ сопровожденіи жены и сына отправился въ канцелярію находившуюся, тутъ же, на станціи, въ особой комнатѣ.

Убравъ всѣ бумаги и собираясь идти домой, онъ снялъ винтовку, револьверъ и остался только при шашкѣ. Жена начала просить взять съ собой револьверъ, но Надточей отвѣтилъ ей, что револьверомъ ему, въ случаѣ опасности, не придется воспользоваться, такъ какъ если его убьютъ, то

убьютъ сзади, а лицомъ къ лицу даже и съ безоружнымъ побояться встрѣтиться. Не думалъ онъ говоря это, что ему суждено пасть отъ руки крамольника такъ скоро!

Послѣ этого разговора Надточей отправился домой; сзади него, въ нѣсколькихъ шагахъ шла жена, а за женой сынъ. Они постоянно оглядывались, боясь не настигаетъ ли ихъ кто нибудь сзади. Выйдя изъ станціоннаго зданія, они въ такомъ же порядкѣ пошли по тротуару вокзальной улицы. Лишь только подошли они къ первому фонарю, какъ изъ темноты выныриулъ какой то блондинъ выше средняго роста, по виду полякъ, и быстро пробѣжавъ между женою и мужемъ, выстрѣлилъ послѣднему въ спину.

Надточей, не произнося ни слова, упалъ на тротуаръ.

Услыша выстрѣлъ и видя мужа падающимъ, несчастная женщина бросилась было за убійцей, но тутъ какой то другой человѣкъ, брюнетъ, высокаго роста, схватилъ ее за руку и удержалъ со словами на польскомъ языкѣ: „Куда вы, чего кричите?“.

За убійцей бросился сынъ, но тотъ, перебѣжавъ улицу съ браунингомъ въ рукѣ, скрылся въ воротахъ дома.

Сторожъ же, который стоялъ у воротъ безпрепятственно его пропустилъ.

Прибывшіе на мѣсто убійства чины полиціи и казаки произвели обыскъ въ домѣ, гдѣ скрылся убійца, но его не нашли.

Въ самый моментъ убійства при свѣтѣ фонаря, сынъ узналъ въ убійцѣ мѣстнаго рабочаго Войцеховскаго, котораго часто видѣлъ на станціи и за которымъ неоднократно наблюдалъ.

Надточей въ безсознательномъ состояніи былъ доставленъ въ больницу, гдѣ пришелъ въ себя только на утро слѣдующаго дня и умеръ въ полномъ сознаніи, промучавшись 22 часа. Несчастная семья собралась у постели умирающаго. Надточей чувствовалъ, что умираетъ. Жаль ему было оставлять свою семью; онъ страшно плакалъ, прощаясь съ дѣтьми и женой.

Картина была потрясающая, больничный персоналъ и всѣ, окружавшіе больного, не могли удержаться отъ слезъ, при

видѣ раздирающаго душу прощанія отца и мужа со своей семьей. Всѣ горько оплакивали эту безвременно угасающую, полную силъ и здоровья, жизнь.

День похоронъ Надточея омрачился еще новымъ преступленіемъ.

Жандармскій унтеръ-офицеръ, Шпакъ, проводивъ своего любимаго товарища до мѣста вѣчнаго упокоенія, вернулся домой. Надѣвъ револьверъ и винтовку, онъ собрался идти, на службу для встрѣчи поѣзда.

Передъ выходомъ изъ дому онъ подошелъ къ своимъ малюткамъ, сидѣвшимъ у окна и сталъ съ ними прощаться, но едва успѣлъ наклониться, чтобы ихъ поцѣловать, какъ за окнами прогремѣли два выстрѣла, которыми Шпакъ былъ раненъ въ грудь, немного выше сердца, и въ лѣвую руку.

Не обращая вниманія на струившуюся кровь, онъ выбѣжалъ на улицу, и передъ крыльцомъ замѣтилъ трехъ человѣкъ, которые собирались его разстрѣлять. Собравшись, съ силами, онъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ, но безуспѣшно.

Гнусные убійцы, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, стали разстрѣливать Шпака и его жену, которая поддерживала своего мужа, терявшаго сознаніе.

Но Богъ не допустилъ свершиться новому злодѣянію надъ однимъ изъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ и уберегъ Шпака и его жену отъ пуль злодѣевъ: всѣ они непопали по назначенію. Послѣ долгаго лѣченія, раны Шпака зажили и онъ снова сталъ грудью для защиты престола Самодерца и дорогой ему Родины отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Шпакъ поступилъ на сверхсрочную службу въ одинъ изъ полковъ.

Когда, послѣ убійства Надточея, сынъ объявилъ, что узналъ убійцу, то революціонеры не замедлили ему прислать смертный приговоръ.

Мать, боясь за жизнь своего сына, послала его на годъ въ Варшаву.

Черезъ годъ сынъ Надточея возвратился въ Люблинъ и опять увидѣлъ убійцу своего отца, Войцеховскаго, который

вернулся изъ за-границы, куда онъ бѣжалъ послѣ убійства Надточея. Сынъ тотчасъ же объявилъ полиціи, что узналъ убійцу. Войцеховскаго арестовали, потомъ судили въ Варшавѣ, но за недостаточностью уликъ онъ былъ оправданъ, такъ какъ показанія несовершеннолѣтняго сына, не были приняты во вниманіе.

Изъ числа семерыхъ дѣтей Надточея, сынъ Алексѣй, принятъ въ Пріютъ Св. Вѣры, на ст. Каминскъ.

Спи-же спокойно въ могилѣ, страдалецъ, герой, память о тебѣ останется на вѣки въ сердцахъ истинныхъ сыновъ Россіи.

Иванъ Николаевичъ Стефановскій.

Директоръ Азовской гимназіи.

Убитъ 13 сентября 1906 г.

13 сентября 1906 года палъ жертвою своего служебнаго долга директоръ Азовской гимназіи (обл. Войска Донского) Пв. Ник. Стефановскій, погибшій отъ руки наемнаго убійцы.

Пв. Ник. Стефановскій происходилъ изъ духовнаго званія; образованіе получилъ въ Каменецъ-Подольской духовной семинаріи и въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1879 году; 11-го августа того же года Пв. Ник. назначенъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Бѣлгородскую Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго гимназію. Здѣсь онъ пробылъ 20 слиш-

комъ лѣтъ, одновременно преподавая и въ женской гимназіи. Затѣмъ г. Стефановскій былъ назначенъ инспекторомъ Лебедянской 4-хъ классной прогимназіи Тамбовской губерніи, откуда былъ переведенъ въ Азовскую прогимназію.* Трудами г. Стефановскаго Азовская прогимназія была преобразована сначала въ 6-ти классную прогимназію, а затѣмъ и въ гимназію. Будучи директоромъ гимназіи и предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи Пв. Ник. принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ собственныхъ зданій для мужской и женской гимназій, помѣщавшихся раньше въ наемныхъ, мало приспособленныхъ для учебныхъ цѣлей, домахъ. Собравъ по частной подпискѣ значительный капиталъ и исходатайствовавъ субсидію отъ правительства, г. Стефановскій своими заботами и стараніемъ много содѣйствовалъ успѣшному окончанію постройки собственныхъ зданій для названныхъ заведеній.

Необыкновенно мягкій и довѣрчивый по природѣ г. Стефановскій умѣлъ внушить всѣмъ любовь и уваженіе къ себѣ. Мѣстное общество и родители учениковъ относились къ нему, какъ къ опытному администратору, для котораго на первомъ планѣ было честное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей. Такимъ же расположеніемъ онъ пользовался и со стороны учащихся, которые видѣли въ немъ благожелательнаго начальника, добраго наставника и прекрасно знающаго свой предметъ (русскую словесность) учителя. Его перу принадлежитъ между прочимъ учебникъ по теоріи русской словесности, выдержавшій нѣсколько изданій. Вездѣ, гдѣ суждено было проходить свою службу покойному Пв. Ник., онъ оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Отзывчивый на всякое горе ближняго, религіозно настроенный и искренно преданный исконнымъ началамъ нашей государственности, Иванъ Николаевичъ Стефановскій несомнѣнно былъ достойнѣйшимъ гражданиномъ своего отечества. Его отношенія къ сослуживцамъ были всегда удивительно деликатны и благородны. Даже будучи директоромъ, онъ никогда не позволялъ себѣ принять строгаго, начальственнаго тона, стараясь всякое замѣчаніе облечь въ мягкую, необидную форму. И казалось, что ува-

жаемый Иванъ Николаевичъ благодаря счастливымъ задаткамъ своего ума и характера, ни въ частной жизни, ни на служебномъ поприщѣ не будетъ имѣть враговъ. Но эти надежды не оправдались. Смутная пора, пагубно отразившаяся на многихъ сторонахъ общественной и государственной жизни, и въ средѣ учебно-воспитательной породила новыя вѣянія, испортившія судьбу не только многихъ юныхъ учащихся, но и стоившія жизни нѣкоторымъ лицамъ педагогическаго персонала, по совѣсти и присягѣ исполнявшимъ свой служебный долгъ. Къ числу потерпѣвшихъ относится и Ив. Никол. Стефановскій, убитый наемнымъ злоумышленникомъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ посадѣ Азовѣ въ 1905 году началось освободительное движеніе, которое не замедлило распространиться какъ на учениковъ, такъ и на учительскую среду. Среди учителей нашлись лица, которыя, поощряемыя общественными теченіями и изъ за личныхъ выгодъ, начали возбуждать своихъ товарищей по службѣ къ неповиновенію распоряженіямъ начальства и, потворствуя самымъ нелѣпымъ требованіямъ революціонированной молодежи, возымѣли намѣреніе захватить бразды правленія въ свои руки. Когда же это не удалось и дѣло могло принять непріятный для нихъ оборотъ, былъ подосланъ къ директору наемный убійца, который и исполнилъ данное ему порученіе самымъ наглымъ образомъ.

13 сентября вечеромъ долженъ былъ состояться педагогическій совѣтъ для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ. Передъ самымъ засѣданіемъ вошелъ въ залъ гимназіи неизвѣстный директору человѣкъ, плохо одѣтый, который вступилъ съ директоромъ въ разговоръ по поводу принимаемыхъ имъ мѣръ къ успокоенію молодежи. Когда же директоръ замѣтилъ крайне возбужденное, ничѣмъ не вызванное съ его стороны поведеніе неизвѣстнаго лица и направился въ свой кабинетъ, въ это время злоумышленникомъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ въ директора изъ револьвера. Выстрѣлъ былъ смертельнымъ. Иванъ Николаевичъ Стефановскій упалъ со словами „Боже! За что же“?..

Подбѣжавшіе служителя гимназіи схватили преступника,

намѣревавшагося броситься въ окно въ собравшуюся возлѣ гимназіи толпу, обезоружили его и отдали въ руки полиціи. По разслѣдованіи дѣла, учителя Азовской гимназіи были раскассированы по другимъ учебнымъ заведеніямъ, а преступникъ былъ судимъ Палатой и приговоренъ къ смертной казни.

Всего на службѣ покойный Иванъ Николаевичъ пробылъ 27 лѣтъ. Скончался 50 лѣтъ отъ роду. Похороненъ въ посадѣ Азовѣ. Послѣ Ивана Николаевича осталась жена и много бѣдныхъ родственниковъ, которымъ онъ никогда не отказывалъ ни въ матеріальной, ни въ нравственной поддержкѣ.

Иванъ Васильевичъ Захаровъ.

Членъ Хасавъ-Юртскаго отдѣла С. Р. Н.

Убитъ 7 ноября 1910 года.

Убитъ... За что? И какъ всегда почти предательски—подло, изъ-за угла, крадучись, воровски.

Какая мрачная душа наемнаго убійцы, презрѣннаго разбойника, подстерегающаго неповинную жертву — за рубль, за стаканъ алкоголя.

Спокойный и жизнерадостный Иванъ Васильевичъ Захаровъ весело дѣлился съ домашними о дѣлахъ и за нѣсколько минутъ до смерти жилъ и вѣрилъ въ скорое выздоровленіе изнемогающей отъ крови, братоубійства и грабежей, дошедшихъ до невѣроятныхъ размѣровъ на окраинахъ, единой и нераздѣльной Великой Россіи.

Кавказъ, гдѣ жилъ и работалъ на благо Россіи покойный, подобно Польшѣ и Прибалтики, будетъ всегда служить намъ русскимъ православнымъ людямъ хорошимъ урокомъ на будущее.

Наружное спокойствіе окраинъ—бываетъ иногда признакомъ затишья передъ новыми, быть можетъ, еще сильнѣйшими вспышками рѣзни предателей.

Въ эти періоды русскіе люди на окраинахъ Россіи еще съ большей энергіей должны работать и наблюдать за врагами, измѣнниками и предателями.

Врагъ успокоился. Но это не значитъ, что онъ отказался отъ безумныхъ мечтаній и жажды крови... Онъ спрятавъ оружіе смирился передъ мощью великаго Русскаго народа, но не раскаялся, покорно сознавъ свою вину.

Иванъ Васильевичъ Захаровъ своей простой душой чуялъ это и, будучи Хасавъ-Юртовскимъ старшиной, призывалъ русскій элементъ къ единенію подъ однимъ знаменемъ Союза Русскаго Народа.

На окраинахъ Россіи крамольники, создавая кружки и преступныя сообщничества, идутъ по пути измѣны Царю и Русскому народу, но стоитъ имъ встрѣтить отпоръ со стороны тѣхъ, противъ которыхъ мобилизуются ихъ банды, какъ они кричатъ о притѣсненіяхъ и безправіи, объ угнетеніи ихъ русскимъ народомъ.

Нѣтъ ничего для „успокоенныхъ" варваровъ страшнѣе чѣмъ національно-правое движеніе среди русскихъ людей на окраинахъ Россіи.

Къ сожалѣнію разбросанные по глухимъ уголкамъ эти русскіе люди до сихъ поръ живутъ разрозненно.

Этому виновато, конечно, не нежеланіе объединяться, а наша халатность и отсутствіе энергичныхъ работниковъ, организаторовъ—въ которыхъ до сихъ поръ нуждаются окраины.

Наша матушка—лѣнь, которой мы такъ усердно поклоняемся, живетъ и будетъ жить на Святой Руси.

„Я готовъ присоединиться... Начинай, а я поддержу". Это вѣдь такъ родственно духу русскаго человѣка.

А стоитъ начать одному, разбудить, подтянуть и въ нѣсколько дней создаются кружки, союзы, отдѣлы и палаты.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ и покойный Иванъ Васильевичъ Захаровъ и такихъ людей страшаться наши

враги, враги всего, что близко и дорого русскому сердцу— Православія, Самодержавія и Русской народности.

Его „вывели изъ строя". Такъ обыкновенно выражаются убійцы отъ революціи въ своихъ подпольныхъ листкахъ.

Но, слава Богу, между русскимъ народомъ возродился „строй".

Ряды этого строя ежедневно крѣпнутъ и множатся. Идея растетъ и вширь и вглубь, вдохновляя великихъ и малыхъ борцовъ за Правду, за нашу Русскую Святую Правду, за Русскій народъ.

И каждый подлый ударъ, „выводящій изъ нашего праваго строя" того или иного вѣрнаго сына своей Родины и слуги Вѣнценоснаго Монарха, покрываетъ голову доблестныхъ нашихъ борцовъ неувядаемымъ вѣнкомъ славы, удѣлъ героевъ, павшихъ за честь великаго народа Русскаго.

Иванъ Васильевичъ Захаровъ, такъ много поработавшій для русскаго дѣла, такъ много помогавшій и обездоленнымъ и бѣднымъ, умеръ сраженный пулею наемнаго убійцы 7 ноября 1910 года въ своей квартирѣ позднимъ вечеромъ. Но личность его не можетъ въ Хасавъ-Юртовѣ такъ скоро изгладиться изъ памяти. Нѣтъ, онъ будетъ еще жить, вмѣстѣ съ тѣмъ святымъ дѣломъ Русскаго народа, за которое онъ отдалъ свою жизнь.

Жилъ-ли Иванъ Васильевичъ личной жизнью, для себя?.. Покойный былъ первоначально избранъ помощникомъ старшины и въ этой должности прослужилъ три года, затѣмъ былъ избранъ на три года старшиною, послѣ чего онъ принялъ должность довѣреннаго и вершителя общественныхъ суммъ, а въ послѣднее время покойный былъ избранъ ходатаемъ отъ общества предъ Донскимъ поземельнымъ банкомъ, въ полученіи ссуды подъ залогъ садовъ земель и недвижимыхъ имуществъ всего общества, а также Иванъ Васильевичъ былъ избранъ депутатомъ отъ Хасавъ-Юртовскаго отдѣла С. Р. Н. въ Петербургъ для ходатайства чрезъ Главный Совѣтъ С. Р. Н. въ Совѣтѣ Министровъ о принятіи мѣръ къ прекращенію разбоевъ и грабежей на Кавказѣ вообще и въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ, въ частности. Однимъ словомъ покойный прибѣгалъ на помощь

своимъ братьямъ не только совѣтомъ и дѣломъ, но и матеріально.

Убійца, конечно, какъ всегда, скрылся, но, говорятъ, что онъ туземецъ. Передъ смертью, тяжело раненый, успѣлъ еще сказать нѣсколько словъ. На вопросъ, кого онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ, послѣдній отвѣтилъ, что убилъ меня Свиридовъ, состоящій слободскимъ старшиной въ Хасавъ-Юртовѣ, человѣкъ по политическимъ убѣжденіямъ, принадлежащій къ лѣвому лагерю, не признающій ничего святого и великаго. Словамъ покойнаго не придали никакого значенія и Свиридовъ продолжаетъ здравствовать въ роли слободского Хасавъ-Юртовскаго старшины.

Послѣ покойнаго осталось 6 человѣкъ дѣтей. Двоихъ изъ нихъ предполагается принять въ Пріютъ Св. Вѣры, такъ какъ вдова покойнаго осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Миръ твоей душѣ, вѣрный рабъ и мученикъ долга, вѣчная тебѣ память.

Иванъ Алексѣевичъ Костюковъ.

Жандармскій унтеръ-офицеръ на станціи Кизиль-Арватъ.

Убитъ 11 ноября 1907 года.

Жандармскій или полицейскій мундиръ для крамольниковъ—мишень, въ которую они стрѣляютъ. Имъ дѣла нѣтъ, что подъ этимъ мундиромъ бьется живое человѣческое сердце, что убивая должностное лицо, они лишаютъ семью горячо любимаго отца, мужа, что своимъ злодѣйствомъ они приносятъ горе и нищету...

Дыша завистью и злобой, губя ни въ чемъ не повинныхъ, мирныхъ людей, они имѣютъ наглость и лицемѣріе прикрываться громкими словами о благѣ человѣчества. Но кровь и слезы пролитыя въ Россіи за послѣдніе смутные годы несмываемымъ пятномъ ложатся на душу „освободителей"—революціоперовъ.

Вотъ примѣръ того, какъ цѣнятъ эти злодѣи человѣческую жизнь. 11 Ноября 1907 года въ 7 часовъ вечера на станціи Кизилъ Арватъ Средне-Азіатской желѣзной дороги, въ дежурной жандармской комнатѣ находился при исполненіи дежурства жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Алексѣевичъ Костюковъ. Находившіеся въ сосѣдней кондукторской комнатѣ жандармы вдругъ услышали глухой выстрѣлъ. Вбѣжавъ въ дежурную комнату они увидѣли Костюкова, лежащаго мертвымъ на полу: онъ былъ убитъ наповалъ выстрѣломъ черезъ закрытое окно при опущенной шторѣ, произведеннымъ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ. Преступникъ скрылся.

Что же это такое? Движимый ненавистью злодѣй стрѣлялъ въ дежурную жандармскую комнату. Сквозь опущенную штору онъ даже не могъ знать, кто именно изъ жандармовъ въ ней находится, но для него достаточно было, что тутъ дежуритъ жандармъ и онъ послалъ въ окно пулю, унесшую человѣческую жизнь....

Кого же убилъ неизвѣстный злодѣй? Простого православнаго русскаго человѣка честно, исполнявшаго свой долгъ,

уважаемаго товарищами, образцоваго семьянина, оставившаго послѣ себя въ неутѣшномъ горѣ вдову съ 5-ю дѣтьми.

Иванъ Алексѣевичъ Костюковъ родился въ 1862 году; къ отбыванію воинской повинности онъ былъ призванъ въ 1883 году и вступилъ рядовымъ въ 1-ый Кавказскій саперный батальонъ, гдѣ прошелъ курсъ сапернаго класса батальонной школы. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Закаспійское областное Генеральное Управленіе, въ старшій разрядъ, затѣмъ уволенъ въ запасъ арміи, по пожеланію зачисленъ на сверхсрочную службу унтеръ-офицеромъ въ жандармское полицейское управленіе Средне-Азіатской желѣзной дороги, гдѣ служилъ до самой смерти. За исправную службу онъ былъ награжденъ серебрянымъ и золотымъ узкими шевронами для ношенія на лѣвомъ рукавѣ мундира и шинели, серебряною медалью съ надписью „за усердіе“. Эмиромъ Бухарскимъ пожалована была ему большая серебряная медаль для ношенія на груди.

Ревностно и честно относясь къ службѣ, смѣло преслѣдуя крамольниковъ, какъ вѣрный слуга Царя и Отечества, Иванъ Алексѣевичъ Костюковъ палъ отъ руки подлаго убійцы при исполненіи своего долга.

Похороны Костюкова происходили при соблюденіи воинскихъ почестей; сослуживцы торжественно проводили любимаго товарища къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

Воздадимъ и мы, русскіе люди, должную честь вѣрному сыну нашей общей Родины.

Александръ Ѳедоровичъ Посохинъ.

Приставъ I-го стана Кунгурскаго уѣзда Пермской губ. Убитъ 6-го ноября 1906 г.

Пермская губернія издавна служившая мѣстомъ ссылки политически неблагонадежныхъ лицъ, въ печальные годы нашей смуты представляла собою благопріятную почву для революціонныхъ выступленій, причемъ жертвами являлись преимущественно городовые, стражники, и другіе полицейскіе чины, добросовѣстно, согласно присягѣ, исполнявшіе свой долгъ.

Къ числу погибшихъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей принадлежитъ Александръ Ѳедоровичъ Посохинъ, приставъ 1 стана Кунгурскаго уѣзда.

Въ ночь на 2-ое октября 1906 года „освободителями“ было совершено ограбленіе со взломомъ Усть-Кишертскаго

динамитнаго склада Кунгурскаго уѣзда вновь строющейся Пермь-Екатеринбургской желѣзной дороги, причемъ злодѣями были звѣрски убиты полицейскій стражникъ Возжаевъ и и сторожъ Салтыковъ; рты убитыхъ оказались завязанными обрывками скатерти и заткнуты тряпками, руки связанными. По этому дѣлу было наряжено слѣдствіе, причемъ Александру Ѳедоровичу Посохину поручено было произвести рядъ обысковъ.

Заподозрѣнный въ совершеніи злодѣйства, жидъ, Гирша Конторовичъ, указалъ на соучастниковъ преступленія, числомъ около 12-ти человѣкъ, среди которыхъ онъ назвалъ въ качествѣ руководителя, сына Кунгурскаго уѣзднаго воинскаго начальника, Виктора Коновалова, участвовавшаго также въ ограбленіи казенной почты на трактѣ въ Романовскомъ логу, близъ Кунгура.

6-го ноября Посохинъ, взявъ съ собою полицейскаго надзирателя 2-й части г. Кунгура, Безенковича, стражника и арестованнаго Коновалова, поѣхалъ для обыска въ г. Кунгуръ въ домъ Коновалова.

Не доѣзжая саженъ 10-ти до дома, Коноваловъ спросилъ Посохина: „почему не ѣдетъ самъ исправникъ для обыска?“ Посохинъ отвѣтилъ, что исправникъ поручилъ ему, Посохину, произвести обыскъ. „А если я васъ до этого не допущу?“ вызывающе, дерзко, спросилъ Коноваловъ. „Нельзя не допустить, разъ мнѣ довѣрилъ произвести обыскъ исправникъ“.—„А если не пущу?“ возразилъ опять Коноваловъ, но Посохинъ оставилъ его безъ отвѣта, и, подъѣхавъ къ дому, вошелъ въ квартиру Коновалова. Вслѣдъ за этимъ послышался рядъ выстрѣловъ, изъ дому выбѣжалъ надзиратель Безенковичъ и вскочивъ въ дрожки закричалъ кучеру: „убирайся скорѣе, а то и насъ убьютъ!“

Посохинъ былъ убитъ Коноваловымъ 5 выстрѣлами изъ револьвера.

Убійца Коноваловъ былъ задержанъ, преданъ суду и приговоренъ къ къ смертной казни, но по ходатайству отца его и другихъ лицъ, смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой.

Посохинъ похороненъ былъ 8-го ноября въ Кунгурѣ. Послѣ него осталась вдова; дѣтей у него не было.

Покойный оставилъ по себѣ добрую память: онъ былъ уважаемъ всѣми, кто его зналъ за свою честность и добросовѣстность и любимъ начальствомъ за ревностную службу. Онъ служилъ въ полиціи 28 лѣтъ и прошелъ цѣлый рядъ должностей. Первоначально онъ былъ полицейскимъ урядникомъ въ селѣ Крылосовѣ, Кунгурскаго уѣзда и прослужилъ въ этой должности 5 лѣтъ; затѣмъ 3 года занималъ должность смотрителя Кунгурской земской больницы; послѣ того былъ полицейскимъ надзирателемъ 2 ой части г. Кунгура, приставомъ 4-го стана Красноуфимскаго уѣзда въ Артинскомъ заводѣ, приставомъ 3-го стана Кунгурскаго уѣзда въ Косковскомъ заводѣ, приставомъ 2 го стана Кунгурскаго уѣзда въ селѣ Березовскомъ (8 лѣтъ), и наконецъ приставомъ 1-го стана въ г. Кунгурѣ, одновременно исполняя обязанности пристава 2-го стана, состоя въ чинѣ губернскаго секретаря.

Пройдя всю свою службу въ Кунгурскомъ уѣздѣ, онъ прекрасно зналъ мѣстное населеніе и пріобрѣлъ большой опытъ въ розыскѣ преступниковъ. Благодаря его неутомимой дѣятельности было раскрыто множество уголовныхъ, а за послѣднее время также и политическихъ преступленій.

Мѣстные революціонные, подпольные дѣятели видѣли въ немъ стойкаго и неподкупнаго исполнителя долга, вѣрнаго Царскаго слугу. Посохинъ боролся съ крамолой и въ революціонномъ подпольѣ рѣшено было его убить. Одно за другимъ онъ получалъ анонимныя письма съ угрозами смерти, но не страшился ихъ, продолжая свято исполнять свой долгъ, пока наконецъ рука убійцы не лишила его жизни.

Почтимъ же память этого скромнаго неутомимаго труженика, стойкаго борца за правое дѣло! Миръ праху его!

Евгеній Николаевичъ Голиковъ.

Капитанъ I-го ранга. Убитъ 14 іюня 1905 г. во время бунта на броненосцѣ «Князь Потемкинъ Таврическій».

Ужасный по своей звѣрской жестокости и вмѣстѣ съ тѣмъ безсмысленный бунтъ на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“ унесъ и погубилъ много жизней. Видя въ арміи и флотѣ оплотъ могущества Россіи, враги русской

государственности направили всѣ свои усилія, чтобы возбудить къ мятежу солдатъ и матросовъ. Радуясь нашимъ военнымъ бѣдствіямъ на Дальнемъ Востокѣ, они пользовались этимъ случаемъ, чтобы сѣять недовольство среди нижнихъ чиновъ, натравливать ихъ на своихъ начальниковъ и всякими лживыми посулами свободъ и правъ старались склонить ихъ на свою сторону. Для этой цѣли среди матросовъ Черноморскаго флота шла усиленная революціонная пропаганда, на корабляхъ и въ казармахъ переодѣтыми въ матросское платье агитаторами разбрасывались прокламаціи За Малаховымъ Курганомъ и въ Ишкерманѣ происходили сходки, на которыхъ присутствовали частныя лица и нижніе чины. Злоумышленники приготовляли бунтъ.

Въ началѣ іюня 1905 года вышелъ приказъ броненосцу „Князь Потемкинъ Таврическій“ подъ командой капитана 1 ранга Е. Н. Голикова и миноносцу № 267 идти въ бухту Тендеръ (недалеко отъ Одессы) для производства въ присутствіи прибывшей изъ Петербурга комиссіи опытной артиллерійской стрѣльбы.

Въ составъ 763 человѣкъ команды броненосца входили матросы молодые и старослужащіе, а также портовые мастеровые; среди нихъ было много революціонно настроенныхъ бунтарей. Накануне отъѣзда команда волновалась, не хотѣла грузить уголь, о чемъ капитанъ Голиковъ доносилъ по начальству. Е. Н. Голиковъ сознавалъ трудность плаванія съ подобной командой. Прощаясь съ близкими онъ нѣсколько разъ возвращался: видно было, что ему тяжело разставаться съ семьей, но только онъ не высказывалъ своихъ опасеній и скорбнаго предчувствія, сжимавшаго его грудь.

12 іюня броненосецъ „Князь Потемкинъ“ въ сопровожденіи миноносца № 267 вышелъ въ море изъ Севастополя и на слѣдующій день прибылъ въ Тендеръ. Послѣ отдыха ревизоръ броненосца, мичманъ Макаровъ, вмѣстѣ съ баталеромъ Гращенко, съ двумя артельщиками изъ матросовъ и двумя коками (такъ называются на большихъ судахъ кашевары) былъ посланъ на миноносцѣ въ Одессу для закупки провизіи для команды. Въ Одессѣ однако изъ-за за-

бастовки рабочихъ, свѣжаго мяса они найти не могли и пришлось принять мясо привозное, отъ крестьянскаго скота, убоя срока 11-го или 12-го іюня; тѣмъ не менѣе, сопровождавшіе Макарова нижніе чины и въ томъ числѣ артельщикъ Григорашъ признали его вполнѣ годнымъ къ употребленію. По возвращеніи миноносца въ ночь на 14 іюня въ Тендеръ часть этого мяса была отпущена на дневную варку борща для команды, а остальное было подвѣшено въ мѣшкахъ на спардекѣ.

Революціонно настроенные матросы, находившіеся среди команды, рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поднять бунтъ, задуманный еще ранѣе, на сходкахъ въ Севастополѣ.

14-го іюня, незадолго до обѣда, стоявшему за шканечнаго квартирмейстера матросу Луцаеву кѣмъ-то изъ команды было замѣчено, что борщъ сваренъ изъ плохого мяса, что вслѣдъ за этимъ подтвердилъ Луцаеву и артельщикъ Григорашъ, самъ одобрившій мясо наканунѣ, при покупкѣ. Луцаевъ доложилъ объ этомъ заявленіи на вахту, послѣ чего висѣвшее на спардекѣ мясо было освидѣтельствовано въ присутствіи мичмана Макарова старшимъ судовымъ врачемъ Смирновымъ, который нашелъ его достаточно свѣжимъ, нуждавшемся лишь въ промывкѣ разсоломъ для удаленія замѣченныхъ на немъ личинокъ мухи, въ жаркое время года легко появляющихся на мясѣ. О результатахъ этого освидѣтельствованія доложено было старшему офицеру, по распоряженію котораго командѣ своевременно былъ данъ обѣдъ, но лишь только началась въ камбузѣ раздача борща по бакамъ, какъ туда вошелъ минно-машинный квартирмейстеръ Матюшенко, зачинщикъ бунта, съ нѣсколькими нижними чинами, которые не позволяли командѣ разбирать борщъ, говоря, что ѣсть его не слѣдуетъ, потому что мясо было съ червями и затѣмъ, тѣ же нижніе чины, войдя въ батарейную палубу не позволили садящейся за обѣдъ командѣ спускать обѣденные столы и стали выгонять матросовъ изъ батарейной палубы. Это рѣшеніе не ѣсть борща передавалось среди команды еще задолго до обѣда и нѣкоторые изъ команды, находя борщъ въ этотъ день по вкусу

ничѣмъ не отличающимся отъ обычнаго, даже совѣтовались другъ съ другомъ подчиняться этому подстрекательству или нѣтъ, но когда Матюшенко со своими сообщниками сталъ открыто гнать всѣхъ изъ камбуза и батарейной палубы, то изъ страха передъ нимъ часть команды, разбирая одинъ хлѣбъ, стала расходиться на бакъ, другіе же стали пытаться пообѣдать украдкой. Въ то же время къ вахтенному Луцаеву вновь явился артельщикъ Григорашъ и заявилъ ему, что будто бы команда жалуется на недоброкачественность борща, брать его не хочетъ, а вслѣдъ за Григорашемъ къ Луцаеву подошелъ Матюшенко съ нѣсколькими сообщниками и, подтвердивъ заявленіе Григораша, сталъ требовать, чтобы Луцаевъ доложилъ объ этомъ вахтенному начальнику, что и было исполнено. Это заявленіе черезъ старшого офицера, капитана 2 ранга Гилляровскаго, было доведено до свѣдѣнія командира, капитана 1 ранга Е. Н. Голикова, который сейчасъ же вышелъ на шканцы, приказалъ играть сборъ и вызвалъ на шканцы врача Смирнова, а затѣмъ, когда команда выстроилась по вахтенно обратился къ ней съ разъясненіемъ неосновательности выраженной претензіи, послѣ чего приказалъ желающимъ идти обѣдать выйти изъ фронта. Громадное большинство матросовъ отправилось обѣдать, во фронтѣ же осталось человѣкъ 30—40. Вызвавъ караулъ, командиръ приказалъ старшему офицеру арестовать всѣхъ, оставшихся во фронтѣ, но лишь только приказаніе это было отдано, какъ всѣ эти нижніе чины безпорядочной толпой съ крикомъ „ура!“ бросились въ батарейную палубу, гдѣ стали ломать пирамиды и разбирать стоявшія въ нихъ винтовки, требуя патроновъ. Часть стоявшей внѣ фронта команды также устремилась за бунтовщиками въ батарейную палубу и тогда капитанъ Голиковъ, видя что дѣло принимаетъ угрожающій оборотъ, приказалъ караулу зарядить ружья, а находившимся на шканцахъ офицерамъ велѣлъ переписать бунтовавшую команду, но лишь только они приступили къ выполненію этого приказанія, какъ изъ батарейной палубы выбѣжалъ Матюшенко и съ крикомъ „что вы, братцы, неужъ-ли въ своихъ стрѣлять будете?“ разбилъ о палубу имѣвшуюся

у него въ рукахъ винтовку и, бросивъ ее въ сторону командира, прокричалъ: „Смотри, Голиковъ, будешь завтра висѣть на покѣ!“ и затѣмъ скрылся. Капитанъ Голиковъ приказалъ старшему офицеру взять часть караула и войти въ батарейную палубу, куда скрылся Матюшенко, но вслѣдъ за этимъ со спардека раздались ружейные выстрѣлы мятежниковъ, которыми были убиты лейтенантъ Неупокоевъ и часовой у кормового флага. Всѣ находившіеся на шканцахъ, охваченные паникой, бросились къ люку адмиральскаго помѣщенія, куда спустился и капитанъ Голиковъ, другіе же стали бросаться за бортъ броненосца, ища вплавь спасенія на стоявшемъ за кормой миноносцѣ 267 и невдалекѣ разставленныхъ артиллерійскихъ щитахъ, но со спардека и съ батарейной палубы по плавающимъ была открыта учащенная стрѣльба, во время которой были убиты находившіеся въ водѣ лейтенантъ Григорьевъ, прапорщикъ Ливенцовъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Оставшіеся на шканцахъ кап. 2 ранга Гилляровскій съ тремя нижними чинами изъ состава караула, заслоняясь, отъ открытой со спардека по шканцамъ стрѣльбы, стали подъ прикрытіемъ башни, но въ это время изъ батарейной палубы выбѣжалъ комендоръ Вакуленчукъ и съ винтовкой въ рукахъ направился къ кап. Гилляровскому, который, замѣтивъ его, выхватилъ изъ рукъ одного изъ караульныхъ винтовку, выстрѣлилъ и ранилъ Вакуленчука, который послѣ этого отбѣжалъ къ борту и, пошатнувшись, упалъ въ воду; со спардека же раздался новый залпъ, которымъ былъ убитъ капитанъ 2 ранга Гилляровскій.

Послѣ этого на шканцахъ собралась значительная часть бунтующихъ нижнихъ чиновъ съ винтовками въ рукахъ, причемъ главари бунта старались ободрить товарищей, указывая на то, что начато хорошее дѣло и что его надо довести до конца.

Толпа эта стала требовать къ себѣ командира Голикова, который на ихъ вызовъ не явился. Тогда Матюшенко вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами бросились въ адмиральское помѣщеніе и грубо схвативъ командира, вывели его наверхъ силой. Капитанъ Голиковъ хотѣлъ что то сказать окружав-

шей его толпѣ, но Матюшенко не далъ ему говорить и крикнувъ,—„разступись!“ выстрѣлилъ въ него одновременно съ другими бунтовщиками, послѣ чего тѣло командира Голикова было выброшено за бортъ.

Капитанъ 1 ранга Евгеній Николаевичъ Голиковъ былъ человѣкъ добрый, гуманный, отстаивавшій всегда интересы матросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ добросовѣстный исполнитель долга, былъ требователенъ и строгъ. Убійство этого уважаемаго всѣми командира было совершено матросами въ порывѣ безумнаго революціоннаго бреда, подъ преступнымъ вліяніемъ Матюшенко.

Совершивъ уже нѣсколько убійствъ, озвѣрѣвшіе бунтовщики вывели на шканцы лейтенанта Тона, къ которому Матюшенко обратился съ наглымъ требованіемъ снять погоны, когда же лейтенантъ Тонъ отвѣтилъ ему „дуракъ, не ты ихъ мнѣ надѣлъ, не тебѣ ихъ съ меня снимать!“, Матюшенко ткнулъ лейтенанта Тона въ погоны и кокарду и проговорилъ: „напились крови, а вотъ и вамъ пришелъ конецъ“, послѣ чего, отступивъ на нѣсколько шаговъ, крикнулъ: „разойдись!“ и выстрѣлилъ въ лейтенанта изъ винтовки. Тонъ, упавъ навзничъ, выронилъ револьверъ и, лежа на палубѣ, сталъ пытаться достать его, но близъ стоявшіе бунтовщики сдѣлали по немъ еще нѣсколько выстрѣловъ, послѣ чего тѣло лейтенанта Тона, равно какъ и тѣла кап. 2 ранга Гилляровскаго, и лейтенанта Неупокоева, добитаго Матюшенкой ружейнымъ прикладомъ—были выброшены за бортъ.

Вслѣдъ за этимъ бунтовщики бросились въ офицерскія каюты и разграбили, какъ ихъ, такъ и вещи убитыхъ нижнихъ чиновъ.

Въ каютъ-кампаніи ими былъ найденъ мичманъ Вахтинъ, который былъ избитъ обломками стульевъ и затѣмъ отправленъ въ безсознательномъ состояніи въ судовой лазаретъ; тутъ же былъ раненъ и судовой священникъ о. Парменъ, котораго одинъ изъ бунтовщиковъ ударилъ прикладомъ по лицу. Раненый въ животъ старшій врачъ Смирновъ ушелъ въ свою каюту и легъ на койку, куда для перевязки къ нему пришелъ судовой фельдшеръ Бринкъ, но, замѣтившіе это бунтовщики потребовали, чтобы фельдшеръ ушелъ, послѣ

чего они ворвались въ каюту Смирнова, и одинъ изъ нихъ спросилъ: „Ну что, мясо-то хорошо было? вотъ мы тебя на котлеты изрубимъ!“, а затѣмъ вынесли его на верхнюю палубу и съ крикомъ: „разъ, два, три!“ выбросили его живого въ море, гдѣ онъ погибъ.

Всѣ оставшіеся затѣмъ на суднѣ въ живыхъ офицеры и всѣ кондуктора были арестованы бунтовщиками и отведены въ каютъ-кампанію съ приставленіемъ часовыхъ...

Овладѣвъ броненосцемъ „Князь Потемкинъ Таврическій“, а вслѣдъ за этимъ и миноносцемъ № 267, мятежники отправились въ Одессу въ расчетѣ, что происходящее тамъ броженіе среди рабочаго населенія позволитъ имъ легче пополнить запасы угля и провизіи. На этомъ переходѣ мятежники выбрали изъ своей среды комиссію, на которую возложили управленіе всѣми судовыми дѣлами: командиромъ былъ избранъ прапорщикъ Алексѣевъ, постыдно перешедшій на сторону бунтовщиковъ.

По прибытіи въ Одессу, броненосецъ всталъ на внѣшнемъ рейдѣ. Всѣ выбранные въ комиссію нижніе чины собрались въ адмиральскомъ помѣщеніи и было рѣшено послать на берегъ депутацію для установленія сношеній съ рабочей партіей. На другой день на берегъ былъ свезенъ трупъ убитаго матроса Вакуленчука, который, покрытый военнымъ флагомъ, былъ положенъ на набережной Новаго мола. На трупъ положена была прокломація революціоннаго содержанія. Нижніе чины съ миноносца, катера и шлюпки, обращаясь къ собравшейся на берегу толпѣ, возбуждали ее воззваніями къ возстанію противъ правительства, угрожая въ противномъ случаѣ бомбардировать городъ.

Частныя шлюпки доставили на броненосецъ многочисленныхъ постороннихъ лицъ, среди которыхъ многіе были одѣты въ форму студентовъ. Въ числѣ прибывшихъ находился членъ комитета революціонной рабочей партіи гор. Одессы, именовавшійся Кирилломъ и мѣщанинъ Константинъ Фельдманъ, называвшій себя студентомъ Ивановымъ, которые, переодѣвшись въ матросское платье остались на броненосцѣ и руководили дальнѣйшими дѣйствіями.

Бунтовщики силою взяли купеческій пароходъ „Эмеранъ“

и воспользовались находившимися на немъ запасами угля, а затѣмъ завладѣли также портовымъ судномъ „Вѣха“.

Произведя рядъ политическихъ демонстрацій на берегу при похоронахъ Вакуленчука и встрѣтивъ рѣшительный отпоръ со стороны властей города, бунтовщики рѣшили бомбардировать городъ и сдѣлали изъ 47 миллиметровыхъ орудій три холостыхъ и два боевыхъ выстрѣла, причемъ одинъ—разрывнымъ снарядомъ. Но, ввиду подходившей къ Одессѣ эскадры вице-адмирала, Кригера, броненосецъ „Князь Потемкинъ“ снялся съ якоря и, пробивъ боевую тревогу, пошелъ навстрѣчу эскадрѣ, прорѣзавъ линію судовъ, причемъ на одномъ изъ броненосцевъ эскадры, „Георгій Побѣдоносецъ“, также вспыхнуло возстаніе и онъ вышелъ изъ строя, но впослѣдствіе большая часть команды образумилась и, не смотря на сигналъ съ „Потемкина“: „я буду стрѣлять!“, „Георгій Побѣдоносецъ прошелъ въ Одесскую гавань, гдѣ сдался законнымъ властямъ.

Воспользовавшись наступившей мглой „Вѣха“ тоже отдѣлилась отъ „Потемкина“ и направилось въ Очаковъ, а оттуда въ Николаевъ, гдѣ отдалась въ распоряженіе командира порта.

Потерпѣвъ такимъ образомъ рядъ неудачъ, броненосецъ „Потемкинъ“ въ сопровожденіи миноносца 267 прошелъ въ Румынскій портъ Кюстенджи, гдѣ старался склонить къ бунту русскій транспортъ «Псезуапе», съ намѣреніемъ потопить его въ случаѣ несогласія; миноносецъ 267 для этой цѣли сдѣлалъ попытку почью войти въ гавань вслѣдъ за транспортомъ, но былъ остановленъ выстрѣломъ съ румынскаго крейсера „Елизавета“.

Бунтовщики отпечатали и разослали заявленіе, обращенное ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, въ которомъ оповѣщали о начатой ими борьбѣ съ Русскимъ Самодержавіемъ и о даруемой ими гарантіи неприкосновенности всѣмъ иностраннымъ судамъ, плавающимъ по Черному морю. Вслѣдъ затѣмъ броненосецъ „Потемкинъ“ и миноносецъ 267 опять вышли въ море и остановились противъ Ѳеодосіи, вступивъ въ переговоры съ городомъ, требуя доставить имъ провизію и уголь и угрожая бомбардировкой, чѣмъ вызвали панику

среди жителей, которые въ страхѣ начали покидать городъ.

Переговоры съ городомъ не привели къ желательнымъ для бунтовщиковъ результатамъ, среди команды поднялось волненіе и хотя находившіеся на броненосцѣ агитаторы подстрекали бомбардировать городъ, однако большинство на это не согласилось и потребовало идти въ Румынію, чтобы высадиться на берегъ, т. к. долѣе плавать по морю безъ провизіи и угля не представлялось возможнымъ, а высадиться въ Россіи они не могли, зная, что, какъ преступники, они подлежатъ суду.

Прибывъ въ Румынію бунтовщики сдались румынскимъ властямъ.

Броненосецъ былъ введенъ въ гавань, команда его свезена на берегъ, а на мѣсто ея вступило румынское войско, которое, спустивъ Русскій флагъ, вымпелъ и гюйсъ, подняла таковые же Румынскіе.

Такимъ образомъ русскіе мятежники не только оказали сопротивленіе своему правительству, но и измѣнили Россіи, отдавшись иностранцамъ.

Не пожелавшіе возвратиться въ Россію бунтовщики были румынскими властями раздѣлены на партіи и немедленно отправлены въ назначенныя имъ для жительства мѣста.

26-го іюня на рейдъ Кюстенджи пришелъ русскій отрядъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Писаревскаго, который принялъ отъ румынскихъ властей сданный мятежниками броненосецъ „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Желавшіе вернуться на родину 48 чел. изъ числа команды съ разрѣшенія адмирала Писаревскаго были посажены на броненосецъ, который былъ отведенъ въ Севастополь, куда прибылъ ранѣе миноносецъ № 267, не согласившійся сдаться румынскимъ властямъ.

Затѣмъ въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ возвратились въ Севастополь еще 62 человѣка той же команды, раскаявшіеся въ совершенныхъ преступленіяхъ.

Такимъ образомъ изъ числа 763 человѣкъ команды броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ вернулось лишь 110, которые всѣ были отданы подъ судъ.

Такъ окончился этотъ безобразный и ужасный бунтъ, наложившій позорное пятно на славный Черноморскій флотъ.

Тѣла убитыхъ офицеровъ и врача Смирнова, волною прибитые къ берегу, были найдены въ разное время. Тѣло командира кап. 1 ранга Голикова нашли черезъ 6 недѣль недалеко отъ Евпаторіи; его узнали по вещамъ, бывшимъ при немъ: въ петличкѣ кителя былъ орденъ св. Владиміра, на шеѣ крестъ, обручальное кольцо на рукѣ, записная книжка въ карманѣ...

29-го іюля состоялись въ Севастополѣ торжественныя похороны кап. 1 ранга Е. Н. Голикова при громадномъ стеченіи народа. Обрядъ погребенія совершенъ былъ епископомъ Алексіемъ Таврическимъ, прибывшимъ для этого изъ Симферополя. Покойному оказаны были большія почести и на гробъ возложено было множество вѣнковъ.

Евгеній Николаевичъ Голиковъ, сынъ дворянина, родился въ Бессарабіи въ 1858 году. Воспитывался онъ въ морскомъ корпусѣ и вышелъ въ офицеры въ Балтійскій флотъ. Состоя въ Гвардейскомъ экипажѣ, онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Въ Петербургѣ онъ слушалъ лекціи въ Академіи Генеральнаго штаба. Затѣмъ онъ переведенъ былъ въ Черноморскій флотъ,—сначала адъютантомъ главнаго командира Пещурова, а потомъ командовалъ капонерской лодкой „Эрикликъ“, судномъ „Уралецъ“ (совершившимъ заграничное плаваніе и пробывшимъ годъ въ Греціи), учебнымъ судномъ „Березань“ и наконецъ броненосцемъ „Князь Потемкинъ Таврическій“, на которомъ онъ такъ трагически погибъ.

Послѣ покойнаго осталась вдова, — дѣтей онъ не имѣлъ.

Въ заключеніе приводимъ слово, сказанное епископомъ Таврическимъ Алексіемъ при погребеніи Е. Н. Голикова.

Рѣчь, сказанная 29 іюля епископомъ Алексіемъ Таврическимъ въ Митрофаніевской церкви г. Севастополя при погребеніи капитана 1-го ранга Е. Н. Голикова.

Хотя, по ученію слова Божія, всякая смерть есть *обрящь грѣха*, но по своему значенію, по своему, если можно такъ выразиться, величію, а иногда и безславію, смерть бываетъ

различная. Есть смерть лютая—это смерть грѣшника. Есть кончина безболѣзненная, непостыдная, мирная—это христіанская кончина. Есть смерть насильственная, которою прекращаютъ жизнь преступную, опасную для общества и благополучія частныхъ лицъ, которою казнятъ и, такъ сказать, по достоинству отмѣчаютъ людей, наиболѣе преступныхъ. Это — смерть безславная, постыдная кончина. Есть смерть тоже насильственная, которою люди правды и служебнаго долга, люди идеи и чести умираютъ отъ преступныхъ рукъ разнаго рода злодѣевъ и убійцъ—крамольниковъ, которыми, въ великой скорби нашей, кишитъ земля русская, особенно за послѣднее время, для которыхъ люди правды и порядка, люди вѣрные Богу, Царю и Отечеству столь ненавистны, что ихъ невинною кровію едва ли не ежедневно обагряется уже слишкомъ виновная наша земля русская. Смерть всѣхъ этихъ героевъ вѣры и чести, любви и правды настолько славна и поучительна, что мы до тѣхъ поръ спокойно и съ надеждою можемъ взирать на будущее, пока въ Отечествѣ нашемъ не оскудѣетъ это *сѣмя святое — стояніе его*, пока оно будетъ имѣть самоотверженныхъ слугъ, готовыхъ скорѣе положить душу свою за честь и славу своей родины, чѣмъ продать себя за красную чечевичную похлебку, или малодушно убояться страха тамъ, гдѣ для такихъ людей въ сущности нѣтъ страха. Такою именно славною и почетною смертію и скончался рабъ Божій Евгеній съ своими вѣрными товарищами по служебному долгу и мученической долѣ.

Можетъ быть, скажутъ, что все-же смерть почившаго раба Божія Евгенія есть смерть *насильственная*. Но вѣдь и Христосъ умеръ на крестѣ отъ преступныхъ рукъ палачей—богоубійцъ. Св. мученики, жизнь и смерть которыхъ составляетъ предметъ благоговѣйнаго удивленія и молитвеннаго почитанія всего христіанскаго міра, тоже всѣ скончались въ такихъ страшныхъ мукахъ, что очевидцы—современники отказывались говорить о нихъ, не находили достаточно сильныхъ словъ для изображенія ихъ. И все же честна предъ Господомъ смерть всѣхъ этихъ преподобныхъ людей.

Но она не только честна, но и поучительна. Въ нашъ вѣкъ самаго открытаго и беззастѣнчиваго нахальства извѣ-

стнаго сорта людей и вмѣстѣ самой позорной трусости ихъ, мужественное пріятіе мучительной смерти людьми идеи и святого долга является высокимъ, достойнымъ подражанія, примѣромъ. Вѣдь всѣ наиболѣе преступные виновники смерти капитана Голикова и самоотверженныхъ его сподвижниковъ постыдно укрыли себя въ чужихъ земляхъ, дабы избѣжать справедливаго суда и заслуженнаго возмездія. Вѣдь даже нѣкоторые сослуживцы капитана Голикова, которымъ, въ случаѣ ихъ вѣрности присягѣ и служебному долгу, угрожала та же участь капитана Голикова и его достойныхъ друзей, не пожелали, отказались отъ чести умереть геройскою смертію за Царя и Отечество, но предались безмолвно на сторону смутьяновъ и бунтовщиковъ. Вѣдь нашлись же среди русскихъ поддапныхъ изверги, утверждавшіе, что матросы „Потемкина"—эти современные пугачевцы — достойны всякой похвалы и удивленія. Правда, это говорилось въ преступныхъ прокламаціяхъ, печатавшихся въ Севастополѣ, но вѣдь говорилось, печаталось и распространялось... Значитъ, возможно же было создать, или допустить, а затѣмъ и терпѣть такія условія, при которыхъ могла быть задумана, созрѣть и разыграться эта печальная потемкинская эпопея. И вотъ, среди этой позорной трусости однихъ и преступной измѣны и попустительства другихъ, какою величавою, какою высоко-назидательною является праведная геройская кончина капитана Голикова и всѣхъ его вѣрныхъ сослуживцевъ, не захотѣвшихъ вмѣстѣ съ своимъ доблестнымъ начальникомъ измѣнить присягѣ и долгу! Вѣчная память рабамъ Божіимъ и вѣрнымъ слугамъ Царя русскаго: Евгенію, Николаю, Леониду, Сергію и другимъ, почившимъ въ морѣ, ихъ славнымъ сподвижникамъ.

Наконецъ, смерть капитана Голикова можетъ быть принята будетъ Праведнымъ Судіею и какъ искупительная жертва за опозоренную низкими измѣнниками честь и славу флота Черноморскаго. Братья—черноморцы, что сказали бы вамъ великіе адмиралы Нахимовъ, Корниловъ, Лазаревъ и другіе славные ихъ сподвижники, если бы они встали изъ своихъ мрачныхъ могилъ и посмотрѣли на васъ въ тѣ печальные дни, когда преступные измѣнники Черноморскаго

флота—матросы убивали и бросали въ море своихъ храбрыхъ и честныхъ начальниковъ и затѣмъ, какъ морскіе разбойники, съ огнемъ и мечомъ нападали на свои же мирные города русскіе и разоряли ихъ? Такого позорнаго событія, кажется, не бывало еще нигдѣ отъ созданія міра. Плакать нужно тебѣ, земля русская, плакать многими слезами, чтобы смыть этотъ позоръ братоубійства. Плакать и каяться нужно вамъ, черноморцы, чтобы загладить свой великій грѣхъ предъ Богомъ и Родиной, грѣхъ братоубійцы Каина, грѣхъ Святополка Окаяннаго. Молитесь, просите Бога, чтобы пролитая вами праведная кровь раба Божія Евгенія и его вѣрныхъ сподвижниковъ не вопіяла къ Богу объ отмщеніи, но была бы принята Имъ, какъ очистительная жертва, за вашъ грѣхъ тяжелый. Молитесь всѣ вы, братья и сестры, здѣ предстоящіе у этихъ знакомыхъ и дорогихъ для всѣхъ васъ гробовъ, молитесь всѣ русскіе люди, чтобы какъ можно скорѣе прекратились эти дни скорби всероссійской, чтобы перестала литься кровь ни въ чемъ неповинныхъ вѣрныхъ и честныхъ сыновъ земли русской, чтобы какъ можно скорѣе была задавлена, задушена эта многоголовая гидра—крамола русская.

Доколѣ, Господи, будешь забывать насъ въ конецъ, доколѣ будешь скрывать лице Твое отъ насъ? Доколѣ намъ слагать скорбь въ сердцахъ нашихъ день и ночь? Доколѣ врагъ нашъ будетъ возноситься надъ нами? Призри, услышь насъ, Господи, Боже нашъ! Да не скажутъ враги наши „мы одолѣли ихъ“. Да не возрадуются гонители наши, если мы иногда и колеблемся, шатаемся туда и сюда. Будемъ всѣ уповать на милость Господню, въ чаяніи, что рано или поздно сердце наше все же возрадуется о спасеніи нашей земли родной отъ нечестивыхъ и погибельныхъ сыновъ беззаконія и нечадій діавола (Псал. XII). Аминь.

ОТЪ ИНЖЕНЕРЪ
СТАРОМУ ДРУГУ

Никита Прокофьевичъ Середа.

Полицейскій стражникъ Слуцкаго уѣзда, Минской губ.

Убитъ 18 сентября 1907 года.

17 сентября 1907 года конный стражникъ Клецкаго отряда Середа и пѣшій стражникъ того же отряда Бѣлькевичъ были назначены приставомъ 2 стана Слуцкаго уѣзда сопровождать изъ мѣстечка Клецка въ городъ Слуцкъ для сдачи въ полицейское управленіе, а затѣмъ въ тюрьму, четырехъ арестантовъ, трое изъ коихъ задержаны были за безпаспортность, а четвертый слѣдственный уголовный Александръ Гизмундъ. Гизмундъ служилъ почталіономъ въ Русиновичскомъ почтовомъ отдѣленіи и обвинялся въ растратѣ денегъ и почтовыхъ посылокъ. Будучи въ командировкахъ въ Русиновичахъ, стражникъ Середа познакомился съ Гизмундомъ и былъ съ нимъ въ товарищескихъ отношеніяхъ. По этому для удобства Гизмунда при слѣдованіи въ гор. Слуцкъ, Середа предоставилъ ему свою подводу, не подозрѣвая, что его знакомый готовитъ ему смерть. Усадивъ рядомъ съ собой конвоируемаго Гизмунда, стражникъ выѣхалъ изъ Клецка подъ вечеръ 17 сентября. На слѣдующее утро, проѣхавъ мѣстечко Тимковичи, Гизмундъ попросился у Середы для естественной надобности, слѣзъ съ повозки, отошелъ на нѣсколько шаговъ и въ это время предательски послалъ изъ браунинга два выстрѣла сзади, въ спину стражника Середы, а самъ бросился бѣжать и скрылся на поджидавшей его подводѣ Виктора Лейко. На выстрѣлы примчался находившійся на значительномъ разстояніи отъ подводы Середы другой конвоиръ, стражникъ Бѣлькевичъ, который доставилъ раненаго въ м. Тимкевичи, гдѣ тотъ черезъ нѣсколько часовъ и скончался.

Гизмундъ вскорѣ былъ задержанъ и по приговору военнаго суда казненъ, а Викторъ Лейко, содѣйствовавшій побѣгу, осужденъ въ арестантскія роты на 4 года.

Стражникъ Никита Прокофьевъ Середа былъ православный русскій человѣкъ, имѣлъ отъ роду 31 годъ, происходилъ изъ крестьянъ Слуцкаго уѣзда, Романовской волости, деревни Сѣвково, прошелъ военную службу и въ стражники поступилъ 27 декабря 1905 года. Послѣ своей смерти оставилъ молодую жену, которая получаетъ пенсію въ размѣрѣ 120 рублей въ годъ.

Михаилъ Петровичъ Барабашъ.

Помощникъ Миргородскаго уѣзднаго исправника.

Убитъ 19 декабря 1905 года.

Воспѣтый Гоголемъ мирный уголокъ Малороссіи, Сорочинецъ, обратился въ смутный 1905 годъ въ арену буйнаго мятежа, обагрившаго землю кровью невинныхъ жертвъ. Не пестрая веселая толпа „Сорочинской ярмарки“ беззаботно шумѣла на базарной площади, а вооруженная вилами, косами и граблями мрачная толпа мятежниковъ, собравшаяся около волостного правленія, звѣрски расправлялась съ представителями мѣстной власти и вступала въ бой съ казаками.

Во время этого мятежа, возникшаго подъ вліяніемъ преступной іудейской революціонной агитаціи былъ убитъ помощникъ Миргородскаго уѣзднаго исправника, надворный совѣтникъ Михаилъ Петровичъ Барабашъ.

Подробности этого ужаснаго событія помѣщены ниже, въ біографіи Ф. В. Филонова *).

Михаилъ Петровичъ Барабашъ происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Службу онъ началъ съ 1873 года, поступивъ первоначально столоначальникомъ Полтавскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, затѣмъ послѣдовательно занималъ должности полицейскаго надзирателя г. Переяслава, пристава 3 части г. Полтавы, пристава 3-го стана Миргородскаго уѣзда, гдѣ прослужилъ 15 лѣтъ, помощника Зѣньковскаго уѣзднаго исправника и наконецъ съ 1895 года—помощника Миргородскаго уѣзднаго исправника, въ каковой должности состоялъ по день смерти.

Покойный Барабашъ былъ добросовѣстнымъ, усерднымъ служакой, добрымъ и отзывчивымъ человѣкомъ, и пользовался уваженіемъ и любовью жителей города.

Вѣчная ему память!

*) См. стр. 188

Сергѣй Никифоровичъ Никифоровъ.

Жандармскій унтеръ-офицеръ.

Убитъ 27 августа 1906 года.

27 августа 1906 года въ 6 час. вечера на станціи „Кокандъ“ Средне-Азіатской желѣзной дороги жандармскій унтеръ-офицеръ Сергѣй Никифоровъ понесъ на квартиру своему товарищу и сослуживцу, унтеръ-офицеру Ужвѣ жалованье. Напившись чаю и просидѣвъ у него до 9 час., онъ отправился домой вмѣстѣ съ сожительницей своей, Александрой Булгиной. Отойдя отъ квартиры Ужвы шаговъ 270, Никифоровъ былъ встрѣченъ нѣсколькими выстрѣлами изъ револьверовъ, произведенными спрятавшимися за заборомъ тремя злоумышленниками. Одна изъ пуль попала въ грудь, проникла до лѣвой лопатки, гдѣ она застряла и сплющилась.

Упавъ отъ неожиданнаго выстрѣла, смертельно поранившаго его, Никифоровъ при помощи Булгиной поднялся и имѣлъ еще силы добѣжать до квартиры унтеръ-офицера Ужвы. Въ это время убійцы продолжали стрѣлять, причемъ Булгина, бѣжавшая за Никифоровымъ защищала его своимъ тѣломъ. У несчастной женщины платье оказалось прострѣленнымъ въ 9 мѣстахъ, пробита косынка и задѣтъ чувякъ, но по какой-то необъяснимой случайности ни одна пуля не ранила ее.

Спустя не болѣе часа Никифоровъ скончался.

Злодѣи бѣжали и скрылись...

Сергѣй Никифоровичъ Никифоровъ былъ православный русскій человѣкъ. Родился онъ 23 сентября 1875 года. Будучи призванъ къ отбыванію воинской повинности въ 1896 году, онъ былъ зачисленъ во 2-ой Закаспійскій стрѣлковый батальонъ. Успѣшно окончивъ курсъ учебной команды, онъ былъ послѣдовательно произведенъ въ ефрейторы, въ младшіе, а затѣмъ старшіе унтеръ-офицеры и награжденъ

знакомъ за отличную стрѣльбу. Въ 1900 году онъ былъ уволенъ въ запасъ арміи, но, согласно желанію зачисленъ на сверхсрочную службу въ жандармское полицейское управленіе Средне-Азіатской желѣзной дороги съ награжденіемъ серебрянымъ узкимъ шеврономъ для ношенія на лѣвомъ рукавѣ мундира и шинели. Службу свою онъ несъ ревностно, смѣло и честно исполняя свой долгъ до самой смерти послѣдовавшей отъ руки злодѣя на почвѣ „освободительнаго“ движенія.

Никифоровъ былъ холостъ; ему было 32 года, онъ былъ полонъ силъ и жизнерадостности. Товарищи любили его за его добродушный, веселый нравъ.

Преждевременная смерть пресѣкла эту молодую жизнь.

Убитъ достойный и вѣрный слуга Родины,—но на смѣну ему становится другой и не оскудѣетъ Русская земля своими богатырями!

Георгій Александровичъ Егуповъ.

Ротмистръ жандармскаго полицейскаго управленія.

Убитъ 10 октября въ Чарджуѣ.

10 октября 1907 года былъ убитъ начальникъ Чарджуйскаго отдѣленія жандармскаго полицейскаго управленія, ротмистръ Егуповъ. Въ этотъ день онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ младшему врачу Чарджуйскаго мѣстнаго лазарета Дагаеву. Во время обѣда было открыто окно вблизи котораго за столомъ сидѣлъ ротмистръ Егуповъ. Въ 6½ часовъ вечера въ полуоткрытое окно раздался выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ ротмистръ былъ раненъ въ правую руку ниже плеча. Пуля прошла черезъ грудь, задѣла кровеносную вену и вышла лѣвѣе и выше лѣваго соска.

По оказаніи ротмистру Егупову на мѣстѣ медицинской помощи онъ былъ отправленъ въ лазаретъ, гдѣ черезъ 2 минуты скончался. Убійца не былъ обнаруженъ.

Похороны покойнаго состоялись 14 октября при соблюденіи военныхъ почестей.

Георгій Александровичъ Егуповъ родился въ 1860 году въ православной семьѣ; отецъ его былъ коллежскимъ ассесоромъ и проживалъ въ Курской губерніи. Пройдя 6 классовъ Карогайской прогимназіи, онъ поступилъ въ Кіевское пѣхотное училище, курсъ котораго окончилъ по 2-му разряду.

На службу поступилъ вольноопредѣляющимся въ 121 пѣхотный Пензенскій полкъ. Будучи уволенъ въ запасъ арміи въ 1881 году, поступилъ на службу въ 130 пѣхотный Херсонскій полкъ, а въ 1884 году произведенъ въ подпрапорщики и на слѣдующій годъ переведенъ въ 22 пѣхотный Нижегородскій Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Вѣры Константиновны полкъ, гдѣ прослужилъ 14 лѣтъ и занималъ должность адъютанта 2-го батальона и жалованнаго офицера. Въ 1898 году онъ былъ переведенъ по выраженному имъ желанію въ штабъ Отдѣльнаго Корпуса

жандармовъ и прикомандированъ къ Нижегородскому губернскому управленію, назначенъ адъютантомъ и произведенъ въ ротмистры. За безпорочную службу онъ награжденъ былъ орденомъ Станислава, 3-ей степени, а эмиромъ Бухарскимъ пожалованъ былъ ему орденъ золотой звѣзды 3-ей степени. Въ 1900 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Чарджуйскаго отдѣленія жандармскаго полицейскаго управленія Средне-Азіатской желѣзной дороги и состоялъ въ этой должности на далекой окраинѣ до дня своей смерти, ревностно и честно относясь къ службѣ. Во время смуты онъ стойко исполнялъ свой долгъ, смѣло преслѣдуя крамольниковъ, какъ вѣрный слуга Царя и Родины.

Этого простить не могли ему революціонеры и предательски убили его.

Георгій Александровичъ Егуповъ былъ прекраснымъ товарищемъ и образцовымъ семьяниномъ. Послѣ смерти его осталась вдова и два сына изъ которыхъ младшему было 3 года. Честь и слава вѣрному исполнителю долга!

Григорій Алексѣевичъ Грищенко.

Урядникъ Городнянской уѣздной полиціи Черниговской губ.

Иванъ Филипповичъ Савенко и **Семенъ Пименовичъ Моляренко.**

Стражники той же полиціи. Убиты 7-го іюля 1907 года.

Въ селѣ Великомъ Листвинѣ Городнянскаго уѣзда Черниговской губерніи 17-го августа 1907 года убиты были при исполненіи служебныхъ обязанностей урядникъ Григорій Грищенко и стражники Иванъ Савенко и Семенъ Моляренко. Убійство произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Бѣжавшій изъ Городнянской тюрьмы 7 іюля 1907 года, лишенный всѣхъ правъ состоянія, за участіе въ погромахъ и разгромѣ казенной винной лавки, крестьянинъ села Тупичева, Городнянскаго уѣзда Петръ Ивановичъ Здоровецъ, примкнувъ къ партіи анархистовъ, сорганизовалъ въ г. Екатеринославѣ шайку и, именуя себя главаремъ партизанскаго, летучаго, боевого отряда анархистовъ коммунистовъ, прибылъ въ Городнянскій уѣздъ, видимо съ цѣлью совершенія ряда преступленій и скрывался въ селахъ Пекуровкѣ, Тупичевѣ и Великомъ Лиственѣ съ какими то неизвѣстными лицами, возбуждая мѣстное населеніе про-

тивъ властей. Урядникъ Тупичевскаго участка, Григорій Грищенко, получивъ секретныя свѣдѣнія 15 августа 1907 г., что Здоровецъ съ шайкой желаетъ убить во время обозрѣнія уѣзда г. губернатора Родіонова, находившагося въ то время въ хуторѣ Перерость, Тупичевской волости, тотчасъ же далъ знать исправнику о готовящемся преступленіи. Самъ же урядникъ, былъ командированъ сопровождать по епархіи Преосвященнаго, по исполненіи чего отправился на розыски преступниковъ. Въ селѣ Тупичевѣ 17 числа утромъ онъ узналъ отъ нѣкоторыхъ родныхъ Здоровца, что послѣдній при возвращеніи исправника съ проводовъ губернатора черезъ лѣса дачъ Тупичева, желалъ убить его, но такъ какъ это ему не удалось, въ виду присутствія стражи, возвратясь въ Тупичевъ объявилъ: „Ну не удалось убить старшихъ—пойдемъ убьемъ урядника и стражниковъ". Между тѣмъ уряднику Грищенкѣ было приказано розыскать Здоровца и его шайку и принять мѣры къ ихъ задержанію. Взявъ съ собою стражниковъ Савенко и Моляренко, урядникъ Грищенко отправился въ село Великій Лиственъ, гдѣ узналъ, что Здоровецъ и его товарищи находятся у Ивана Бабинца, у отца коего всегда останавливался Грищенко. Въѣхавъ во дворъ Бабинца, Грищенко и оба стражника спѣшились и, поручивъ Моляренкѣ лошадей,—урядникъ и стражникъ Савенко двинулись къ амбару, гдѣ проживалъ въ лѣтнее время Иванъ Бабинецъ, но въ ту же минуту оттуда выскочили Здоровецъ и его два товарища (какъ впослѣдствіи оказалось: уроженецъ села Великаго Листвена, всегда проживавшій въ г. Екатеринославѣ, Козьма Блажко и неизвѣстный, именовавшій себя Топорковымъ), и побѣжали за огороды. Грищенко со стражникомъ погнался за ними и приказалъ остановиться, но вмѣсто отвѣта злодѣи открыли стрѣльбу по стражѣ изъ револьверовъ. Видя это Грищенко и Савенко также принялись стрѣлять въ преступниковъ которые попрятались по огородамъ за клуни и оттуда производили учащенную стрѣльбу. Грищенко и Савенко въ свою очередь искали защиты за копами. На огородахъ и клуняхъ было много людей, но никто не помогалъ чинамъ полиціи, которые самоотверженно

преслѣдовали преступниковъ около часу. Чинамъ полиціи приходилось дѣйствовать осторожно, чтобы не поранить находившихся тутъ крестьянъ: этимъ обстоятельствомъ пользовались преступники. Одна женщина спросила Савенку: „что ты не стрѣляешь?"—онъ отвѣтилъ: „бабка, много народу на околицѣ, боюсь поранить". Затѣмъ разбойники видя упорство и отчаянную неустрашимость Грищенко и Савенко, не зная, что у Савенко нѣтъ больше револьверныхъ патроновъ, а у Грищенко осталась одна или двѣ пули въ браунингѣ—побѣжали изъ огорода и спрятались въ сараѣ. Стражникъ Моляренко видя бѣгущихъ преступниковъ, бросилъ лошадей и кинулся на встрѣчу, чтобы задержать ихъ причемъ, пробѣгая между избой и сараемъ, столкнулся съ разбойникомъ Блажко, который собрался было выстрѣлить въ него въ упоръ, но Моляренко выбилъ револьверъ изъ рукъ негодяя и схватилъ его, а въ это время къ нему подбѣжали Грищенко и Савенко и, не желая убивать задержаннаго преступника, начали вязать его. Въ это время скрывшіеся тутъ-же въ сараѣ, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, Здоровецъ и Топорковъ залпами ранили смертельно Савенко, Моляренко и Грищенко, изъ коихъ Грищенко побѣжалъ на огородъ, но злодѣи его догнали и начали разстрѣливать залпами. Изнемогая отъ ранъ, стоя на грядахъ огорода и держась за колъ, Грищенко говорилъ спокойно „бросьте я уже умираю, ваше взяло!!.. а народъ стоящій тутъ же злорадно хохоталъ и приговаривалъ: „такъ, такъ его, ишъ лобуряка, ни якъ не повалитъ его, ще колъ ломаетъ", но ни одинъ изъ нихъ не бросился къ нему на помощь и герой палъ жертвой крамольниковъ. Когда онъ свалился на землю народъ волочилъ его по грядамъ, пока онъ совсѣмъ не испустилъ духъ. Смертельно-раненый Савенко доползъ до улицы отстоящей отъ мѣста происшествія въ 30—40 шагахъ и скончался лежа на винтовкѣ и револьверѣ, а раненый Моляренко, пытавшійся ползкомъ спрятаться куда нибудь, наткнулся на умершаго Савенко и взявъ его винтовку и револьверъ заползъ во дворъ Евдокіи Александровны Кравцевой, гдѣ сердобольная Марія Артюкова не смотря на страхъ, который внушали мирнымъ жителямъ крамольники,

спрятала Моляренко, который ложась, положилъ оружіе подъ себя, усердно прося Артюкову доложить исправнику, если онъ умретъ, что оружіе имъ спасено. Какъ велико было сознаніе долга и присутствіе духа этого стражника, если передъ смертью онъ озаботился не о личныхъ своихъ дѣлахъ,—а о томъ, чтобы оружіе не было сдано въ преступныя руки! Злодѣи, Здоровецъ и Топорковъ, послѣ совершенныхъ ими убійствъ, взявъ шинеля бывшія при сѣдлахъ, скрылись на лошадяхъ стражниковъ по направленію къ желѣзно-дорожной станціи Хоробичи, а третій злодѣй, Блажко, остался въ Лиственѣ.

Объ убійствѣ урядника Грищенко и стражника Савенко и раненіи стражника Моляренко дано было знать исправнику сельскимъ старостой села Великаго Листвена лишь въ 12 часовъ ночи того дня, хотя чины полиціи были убиты въ 5 часовъ вечера. Исправникъ выѣхалъ сейчасъ же съ драгунами, стражей и уѣзднымъ врачемъ въ село Великій Лиственъ и, по прибытіи на мѣсто происшествія на разсвѣтѣ, засталъ убитыхъ Грищенко и Савенко и ранепаго Моляренко, который все время мучился отъ раны. Моляренко былъ немедленно освидѣтельствованъ врачемъ, который призналъ его положеніе безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ допрошенъ и далъ подробное показаніе, послѣ чего убитые Грищенко и Савенко и раненый Моляренко были отправлены въ г. Городню въ больницу, но по дорогѣ Моляренко скончался.

Произведеннымъ на мѣстѣ происшествія дознаніемъ было установлено, что населеніе было возбуждено агитаторами противъ чиновъ полиціи и когда исправникъ, проѣзжая по селу спрашивалъ встрѣчаемыхъ о томъ, что случилось въ ихъ селѣ, то всѣ отговаривались незнаніемъ.

Доставленныя въ г. Городню въ земскую больницу убитыя Грищенко, Савенко и Моляренко были подвергнуты судебно-медицинскому вскрытію, коимъ установлено, что Грищенкѣ было нанесено выстрѣлами изъ револьвера 9 ранъ въ голову и животъ, Савенкѣ 3 раны въ грудь и животъ и Моляренкѣ одна рана въ правый бокъ.

Во время торжественнаго перенесенія гробовъ съ уби-

тыми картина была для всѣхъ потрясающая. Семьи убитыхъ съ раздирающими душу рыданіями и многочисленная толпа народа, собравшаяся отдать послѣднюю почесть героямъ безвременно погибшимъ отъ рукъ злодѣевъ,—сопровождали покрытыя вѣнками гробы до кладбища.

Убитые погребены 19 августа въ братской могилѣ на кладбищѣ при Св. Николаевской церкви г. Городни, при чемъ на могилѣ ихъ сооруженъ на средства чиновъ полиціи памятникъ съ надписью: „За Вѣру Царя и Отечество. Безвременно погибшимъ отъ рукъ злодѣевъ 17 августа 1907 года въ селѣ Великомъ Листвепѣ урядniку Грищенкѣ и стражникамъ Савенко и Моляренко".

Убійца Здоровецъ былъ розысканъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кіевѣ и приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковой приговоръ и былъ исполненъ. Убійца Блажко при задержаніи его пытался бѣжать, но былъ убитъ выстрѣломъ изъ винтовки однимъ изъ стражниковъ.

Третій же преступникъ Топорковъ скрылся безслѣдно.

Геройски погибшіе при исполненіи своего долга чины полиціи всѣ трое были семейные люди и происходили изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Григорій Алексѣевичъ Грищенко былъ родомъ изъ крестьянъ села Ильмовки, Дроздовской волости Городнянскаго уѣзда. Онъ поступилъ на службу стражникомъ 12 іюля 1903 года, а въ 1906 г. за исправное, ревностное исполненіе обязанностей былъ назначенъ урядникомъ. Покойному было всего 29 лѣтъ. Послѣ него осталась молодая жена и трехлѣтняя дочь.

Иванъ Филипповичъ Савенко былъ родомъ изъ крестьянъ деревни Позняпалы, Ярыловичской волости того же уѣзда.

Онъ поступилъ на службу стражникомъ въ одинъ и тотъ же день, какъ и Грищенко и въ одинъ и тотъ же день съ нимъ убитъ. Онъ былъ значительно старше Грищенки, — ему былъ 41 годъ. Послѣ него осталась жена и трое дѣтей: дочь 10 лѣтъ и два сына, изъ коихъ старшій воспитывается на счетъ казны въ С.-Петербургской ремес-

ленной мастерской и обучается сапожному ремеслу. Дочь и малолѣтній сынъ живутъ при матери въ деревнѣ Позно-палахъ.

Семенъ Ипмеповичъ Моляренко, былъ односельчанинъ Грищенки, годомъ его моложе. На службу стражникомъ онъ поступилъ въ 1907 году, 22-го января, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ убитъ крамольникамп. Послѣ него осталась жена и двѣ дочери, изъ которыхъ одна воспитывается въ С.-Петербургѣ въ сиротскомъ домѣ на казенный счетъ, другая же живетъ при матери въ селѣ Ильмовкѣ.

Всѣ эти честные, православные люди полные силъ и здоровья могли бы еще долго служить на благо Родины, но безжалостная крамола вырвала ихъ изъ среды живыхъ и лишила семьи ихъ единственной опоры. Отошедшіе въ міръ иной, гдѣ нѣтъ болѣзни печали и воздыханія, герои-мученики получатъ у Бога, заслуженный ими вѣнецъ!

Федоръ Васильевичъ Филоновъ.

Совѣтникъ Полтавскаго губернскаго правленія. Убитъ 18 января 1906 года.

Кровавая смута 1905—1906 годовъ, пронесшаяся изъ конца въ конецъ по Россіи, всколыхнула и маленькій міръ въ мѣстечкѣ Сорочинцы, Полтавской губерніи. Подъ вліяніемъ революціонной пропаганды мирное населеніе совершенно озвѣрѣло и, когда наступили декабрьскіе дни 1905 года, то здѣсь произошли событія, которыя повлекли за собою гибель Федора Васильевича Филонова, помощника исправника Михаила Петровича Барабаша *) и нѣсколькихъ десятковъ простодушныхъ людей, поднятыхъ въ свое время благоразумно ускользнувшими агитаторами. Два-три дня,— а сколько крови, горя и несчастья!

Эпизодъ, связанный съ гибелью несчастнаго Ф. В. Филонова, пріобрѣтаетъ особый интересъ потому, что въ это дѣло впутался писатель Короленко и явился тѣмъ подстрекателемъ, который направилъ на Филонова всю злобу революціонно настроенныхъ людей и былъ причиной преждевременной смерти этого смѣлаго исполнителя своего долга.

Общій ходъ событій былъ слѣдующій: 16 декабря 1905 года прибылъ въ мѣстечко Сорочинцы *неизвѣстный* (?) человѣкъ, который при содѣйствіи крестьянина Николая Козеленко собралъ на площади возлѣ волостного правленія болѣе 1000 человѣкъ крестьянъ и такъ ихъ возбудилъ, что почти все населеніе Сорочинецъ примкнуло къ революціонному движенію. На слѣдующій день, 17 декабря, въ 2 часа состоялось второе собраніе численностью уже до 2000 человѣкъ, на которомъ агитаторъ предложилъ населенію обычную вещь: не платить податей, не давать новобранцевъ, устроить шествіе съ краснымъ флагомъ, оставить одну церковь, а остальныя разрушить, а при появленіи казаковъ и полиціи—вооружиться поголовно и по набатному звону собираться около волостного правленія. Затѣмъ, устроивъ

*) См. біографію М. П. Барабаша на стр. 176.

сборъ на пользу революціи и собравши довольно обильную жатву, агитаторъ исчезъ, оставивъ въ качествѣ своего замѣстителя мѣстнаго жителя занимавшагося подпольной адвокатурой Григорія Безвиконнаго. Предоставимъ слово прежде всего тѣмъ лицамъ, которыя были живыми свидѣтелями разыгравшейся кровавой страницы въ исторіи нашей революціи. Вотъ что говоритъ о послѣдующихъ событіяхъ непосредственный участникъ и свидѣтель, приставъ Якубовичъ.

„17-го декабря 1905 г., около 9 часовъ вечера, я получилъ предписаніе Миргородскаго исправника, арестовать жителя м. Сорочинецъ, Гр. Андр. Безвиконнаго, по обвиненію въ преступной агитаціи въ м. Ковалевкѣ, Зеньковскаго уѣзда. Безвиконный былъ немедленно арестованъ и, въ сопровожденіи коннаго урядника, отправленъ въ г. Миргородъ. На слѣдующій день, 18-го декабря, около 9 часовъ утра, во время чая, когда въ квартирѣ моей, кромѣ меня, никого не было, я замѣтилъ чрезъ окно, что во дворъ сбѣгается народъ. Чрезъ нѣсколько минутъ дворъ наполнился— собралось около 1000 человѣкъ. Вскочивъ изъ-за стола, я выбѣжалъ на крыльцо и обратился къ народу — что вамъ нужно? Не получая опредѣленнаго отвѣта, изъ шумѣвшей толпы я, однако, могъ разслышать возгласы: „мы теперь знаемъ, для чего полиція существуетъ, для того, чтобы красть людей!“ Скоро изъ толпы выбѣжалъ нѣкто Бузиновскій, онъ же Вольченко, и съ яростью, съ поднятыми кулаками, закричалъ: „гдѣ дѣвалъ Безвиконнаго?“ Я объяснилъ, что Безвиконный арестованъ и отправленъ въ Миргородъ. Бузиновскій продолжалъ кричать: „если не будетъ освобожденъ Безвиконный, то и тебя не будетъ—мы тебя заберемъ“. Я вошелъ въ квартиру и сообщилъ по телефону о происшедшемъ помощнику миргородскаго исправника Барабашу, а затѣмъ вышелъ и сталъ просить толпу разойтись. На просьбу, однако, не обращали вниманія. Толпа не двигалась съ мѣста, шумѣла, при чемъ категорически заявлено было, что разойдутся только тогда, когда Безвиконный будетъ освобожденъ.

Не имѣя возможности съ толпой резонно разговаривать,

я предложилъ избрать уполномоченныхъ, съ которыми можно спокойнѣе вести переговоры. Съ моимъ предложеніемъ согласились и избрали трехъ уполномоченныхъ: Г. Муху, Бузиновскаго и Н. Козиченко (онъ же Козило). Послѣдній, какъ главный уполномоченный, просилъ зайти въ мою квартиру, чтобы тамъ вести переговоры. Уполномоченнымъ я объяснилъ, что Безвиконный не можетъ быть освобожденъ не только мною, но и исправникомъ, такъ какъ арестованъ по распоряженію губернатора. Козиченко по телефону обратился къ Барабашу съ тою-же просьбой объ освобожденіи Безвиконнаго, но получилъ тотъ-же отвѣтъ, т. е., что онъ не въ правѣ освободить, и обѣщалъ немедленно телеграфировать объ этомъ губернатору. Вмѣстѣ съ тѣмъ Барабашъ по телефону, въ разговорѣ со мной, распорядился, чтобы я объявилъ народу, что отвѣтъ отъ губернатора будетъ не раньше 5-ти часовъ вечера. Этимъ переговоры съ уполномоченными, продолжавшіеся около часу, окончились и народъ сталъ расходиться.

Часовъ въ 12 дня, ко мнѣ явился начальникъ Сорочинскаго почтового отдѣленія Гармашевъ и предупредилъ, что насколько ему извѣстно, чрезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ должна явиться большая толпа, чтобы арестовать меня. Дѣйствительно, не прошло минутъ 10, какъ я увидѣлъ изъ окна своей квартиры, двигавшуюся по улицѣ, по направленію къ моей квартирѣ, громадную толпу, тысячи въ три. Надъ толпой развѣвался красный флагъ. Чуя не доброе и не желая допустить толпу въ квартиру, я поспѣшилъ выйти на встрѣчу и обратился съ вопросомъ — что имъ нужно?.. Въ отвѣтъ послышалось нѣсколько голосовъ: „мы васъ арестуемъ при волости и будемъ держать, пока не освободятъ Безвиконнаго“. Въ это время, изъ толпы выдѣлился молодой человѣкъ, лѣтъ 20—24, и громко обратился къ народу съ такими словами: „Товарищи! согласны арестовать пристава?“—Согласны!!. загудѣла толпа. Дѣло было ясное—приговоръ на лицо и мнѣ ничего не оставалось, какъ безропотно повиноваться. Ждать пощады или защиты не откуда было и я уже приготовился подчиниться своей участи, какъ въ это время увидѣлъ бѣгущаго къ толпѣ священника, съ

крестомъ въ рукахъ. То былъ мѣстный священникъ о. Владиміръ Греченко. На минуту мелькнула у меня надежда, что быть можетъ появленіе служителя алтаря и святой крестъ образумятъ не отдающую отчета въ своихъ дѣйствіяхъ толпу и остановятъ ее на пути къ преступленію. Священникъ смѣло вошелъ въ толпу и сталъ уговаривать народъ не приводить въ исполненіе приговора, т. е. не арестовывать меня. Онъ убѣждалъ отказаться отъ преступнаго намѣренія и предупреждалъ, какая грозитъ отвѣтственность за такія дѣянія. На мгновеніе толпа оцѣпенѣла и, казалось, готова была внять голосу пастыря, но изъ толпы вновь выступилъ тотъ-же молодой человѣкъ и закричалъ: „Товарищи! согласны удалить попа?“ и вновь толпа загудѣла „согласны!“... И священникъ, съ крестомъ въ рукахъ, съ поникшей головой, со слезами на глазахъ, повиновался приговору и сталъ тихо отдаляться отъ толпы... А толпа шумѣла, кричала и, окруживъ меня, подъ краснымъ флагомъ, направилась къ волостному правленію. Сердце учащенно билось; я шелъ въ ожиданіи рѣшенія моей участи и мысленно задавалъ вопросъ:—за что же? Меня заключили подъ стражу избранныхъ отъ общества лицъ въ телефонной комнатѣ, воспретивъ вести переговоры съ кѣмъ бы то ни было.

Наступили уже сумерки, было около 5-ти часовъ вечера, когда изъ Миргорода возвратился урядникъ Котляревскій и явился въ волость, чтобы разъяснить народу, что я арестовалъ Безвиконнаго по предписанію высшаго начальства, слѣдовательно, не виновать. Его не хотѣли слушать и арестовали, помѣстивъ обоихъ насъ въ библіотечной комнатѣ, подъ стражей двухъ крестьянъ. Часовъ въ 6—7 вечера я просилъ допустить меня къ телефону переговорить съ исправникомъ и доложить объ арестѣ урядника, но просьбы моей не уважали, когда-же я объяснилъ, что переговоры мои съ начальствомъ послужатъ имъ въ пользу, т.-е. что исправникъ, узнавъ, что я съ урядникомъ арестованы и окружены толпой, поспѣшитъ освободить Безвиконнаго—согласились. По телефону я сообщилъ Барабашу о положеніи дѣла, указавъ, что насъ заключенныхъ окружаетъ толпа тысячи въ три, при чемъ получилъ такой отвѣтъ: „не безпокойтесь,

ѣду освобождать". Кромѣ того Барабашъ сообщилъ, что отъ губернатора полученъ отвѣтъ—ни въ коемъ случаѣ не освобождать Безвинновнаго, впредь до особаго распоряженія, о чемъ я передалъ обществу. Послѣднее сообщеніе, а особенно слова „ѣду освобождать", которыя, по моему предположенію, были подслушаны, сильно взволновали народъ.

Изъ залы волостного правленія я слышалъ шумъ и крикъ. Тамъ былъ народъ и произносились рѣчи. Ораторствовалъ какой-то „товарищъ Николай". Онъ говорилъ „Товарищи! такимъ образомъ, какъ намъ стало извѣстнымъ, товарищъ Безвинновный не можетъ быть освобожденъ и ѣдутъ къ намъ казаки вмѣстѣ съ исправникомъ. Цѣль ихъ пріѣзда освободить пристава и урядника изъ подъ ареста, а потому, товарищи, не поддадимся казакамъ и дадимъ имъ отпоръ. Пристава и урядника ни подъ какимъ предлогомъ не освобождать, а чтобы намъ одолѣть казаковъ, то, товарищи, не медля сдѣлаемъ распоряженіе, чтобы все время до пріѣзда казаковъ звонили во всѣхъ церквяхъ набатъ для сбора людей къ волости и чтобы всѣ люди собирались не съ пустыми руками, а шли кто съ чѣмъ попало—съ косами, вилами, лопатами, граблями, ломами и т. п.". Не успѣлъ кончить ораторъ своей рѣчи, какъ во всѣхъ церквяхъ загудѣли колокола били набатъ и народъ повалилъ къ волости. Мнѣ въ окно было видно, что собрались, дѣйствительно, всѣ—мужчины и женщины, старики и дѣти, и не съ пустыми руками—у каждаго было „оружіе". Была ужасная ночь: тревожный набатъ колоколовъ, расходившіяся стихіи,—завывалъ вѣтеръ и бушевала мятель—дѣйствовали ошеломляюще. Что мы, узники, пережили за эту ночь—одному Богу извѣстно.

Но вотъ наступилъ разсвѣтъ. Вооруженное дреколіемъ почтище передъ волостью представляло внушительную силу—толпа достигла тысячъ 5—6. Ждали врага—прибытія казаковъ. Временами ораторъ обращался къ народу съ рѣчью. Между прочимъ онъ дѣлалъ такія распоряженія: „когда подъѣдутъ къ волости казаки и будутъ стрѣлять, то первымъ дѣломъ убить пристава и урядника, и вообще „всякую власть", а если не будутъ стрѣлять, то никого не трогать.

Было замѣтно настроеніе толпы въ высшей степени возбужденное, слова оратора схватывались на лету и дѣйствовали, какъ электрическій токъ.

Наконецъ, часовъ въ 12 дня, 19-го декабря, показались казаки и Барабашъ. Послѣдній, какъ я замѣтилъ изъ окна училища, остановился возлѣ женскаго училища, шагахъ въ 150-ти отъ волости. Встрѣча была грубо-торжественная— толпа хлынула къ прибывшимъ съ крикомъ и свистомъ. Наблюдая происходящее, я замѣтилъ своимъ стражамъ, что напрасно народъ такъ поступаетъ. Лучше-бы бросили свое вооруженіе, освободили насъ безъ кровопролитія; казаки народъ мирный и безъ вызова стрѣлять не будутъ. Черезъ нѣкоторое время, въ корридорѣ волостного правленія появился Барабашъ и мы услыхали вопросъ: „гдѣ арестованные?“ Насъ выпустили въ корридоръ. Поздоровавшись, Барабашъ освѣдомился, —ѣли-ли мы, —затѣмъ обратился къ народу, убѣждая одуматься, освободить насъ и не доводить дѣло до болѣе серьознаго положенія. Находившійся вблизи Барабаша „товарищъ“, ораторствовавшій молодой человѣкъ, все время перебивалъ его, со своей стороны убѣждая народъ не слушать „начальства“ и т. д. „не тратить даромъ времени“. Лично обратившись къ Барабашу, „товарищъ“ настаивалъ чтобы онъ немедленно удалился, грозя въ противномъ случаѣ арестовать и его вмѣстѣ съ приставомъ и урядникомъ. Выйдя изъ волостного правленія, Барабашъ продолжалъ уговаривать народъ на площади, но успѣха не имѣлъ— ему не давали говорить, послѣ чего онъ сѣлъ въ сани и въ сопровожденіи казаковъ двинулся обратно,—насъ же опять заключили подъ стражу.

Не прошло, однако, минутъ 10—15, какъ Барабашъ съ казаками вернулся. Толпа бросилась на встрѣчу имъ—и мы услыхали выстрѣлы, и увидѣли, какъ нѣкоторые упали... Пришелъ, значитъ и нашъ конецъ, подумалъ я. Мы перекрестились и стали ждать своей участи. Въ нашу дверь раздался страшный стукъ. Душа замерла. Мы помнили распоряженіе „товарища“, если казаки будутъ стрѣлять—убить пристава и урядника: очевидно его рѣшили исполнить. Стражи въ это время уже не было, при первыхъ выстрѣ-

лахъ, оба стражника убѣжали. Стукъ въ дверь повторился; замѣтно было присутствіе нѣсколькихъ человѣкъ, — но мы, со своей стороны, приняли возможныя мѣры безопасности:—находившейся въ комнатѣ деревянной лопатой мы заперли извнутри дверь, черезъ ручку, и, благодаря этому, спаслись. Но это было не полное спасеніе—насъ пощадили стучавшіе, но на площади происходилъ бой и каждую минуту мы рисковали жизнью. Когда замѣтили, что народъ разбѣгается, мы выбѣжали изъ „арестантской“ и бросились къ казакамъ, прося ихъ защиты. Узнавъ, что мы „плѣнники“, офицеръ предложилъ не отставать отъ казаковъ, такъ какъ опасность еще не миновала и насъ могутъ убить. По дорогѣ отъ волости, когда мы бѣжали, за нами бросились два крестьянина съ вилами и крикомъ „бѣгутъ, бѣгутъ! перейми“. Мы были тогда въ такомъ состояніи, что не могли ихъ узнать. Придя немного въ себя, я первымъ дѣломъ спросилъ: гдѣ-же Барабашъ?—но вмѣсто отвѣта мнѣ указали на его трупъ. Сжалось отъ боли сердце и слезы полились изъ глазъ.

— Вотъ гдѣ мой защитникъ! Какой дорогой цѣной обошлась моя жизнь! Не горячее рукопожатіе ты принялъ отъ меня за спасеніе, а прощальный поцѣлуй...

Бросился я къ трупу, возлѣ котораго находился казачій фельдшеръ и два казака, припалъ лицомъ къ груди—еще теплая. Подумалъ, можетъ Богъ дастъ очнется и будетъ жить... Но напрасны были надежды, въ сознаніе онъ не приходилъ и черезъ нѣсколько минутъ отдалъ Правосудному Богу свою душу. При какихъ обстоятельствахъ покойный былъ убитъ, я не видѣлъ. Онъ былъ сильно раненъ въ голову, черепъ оказался разбитымъ. Удары, какъ видно, нанесены были нѣсколькими десятками человѣкъ и разнымъ орудіемъ; кожа на головѣ порѣзана, повидимому, косой. Находясь подъ арестомъ, я былъ невольнымъ слушателемъ приговоровъ, какіе ставились народомъ подъ вліяніемъ рѣчей „товарища Николая“. Между прочимъ, рѣшено было арестовать помѣщиковъ: Малинку и Чернуша и переодѣть ихъ въ простую крестьянскую одежду; отправиться въ м. Ковалевку, Зеньковскаго уѣзда, арестовать и уничтожить имущество священника Бо-

гаевскаго. Но приговорамъ этимъ не суждено было осуществиться, такъ какъ послѣ происшедшаго народъ очнулся, понялъ, кто наставлялъ его на путь и куда таковой путь ведетъ".

Этотъ разсказъ дополняется слѣдующими свѣдѣніями сообщенными начальникомъ команды казаковъ 3-ей батареи 1-го Оренбургскаго казачьяго артиллерійскаго дивизіона, полковникомъ Бородинымъ, командированнымъ 19-го декабря въ мѣстечко Сорочинцы для освобожденія пристава и урядника арестованныхъ жителями мѣстечка.

„При въѣздѣ въ Сорочинцы, пишетъ полковникъ Бородинъ, насъ встрѣтилъ набатъ въ церковные колокола. Площадь передъ волостнымъ правленіемъ, переулокъ, ведущій на нее, и дворы вблизи ихъ были запружены толпой вооруженной косами, вилами, цѣпами и проч. На волостномъ правленіи развѣвались два красныхъ флага; одинъ съ надписью: „Свобода и хлѣбъ". Видя такой пріемъ, я приказалъ вынуть изъ кабуръ заряженные револьверы, взять на изготовку, стрѣлять только въ вооруженныхъ, и остановилъ команду, войдя немного въ переулокъ, а въ это время помощникъ исправника Барабашъ впереди, подъѣхавъ на саняхъ къ толпѣ, сначала съ саней уговаривалъ толпу разойтись и выпустить арестованныхъ, а потомъ пошелъ въ помѣщеніе заключенныхъ, гдѣ просилъ допустить его къ телефону, чтобы переговорить съ Полтавскимъ губернаторомъ.

Выйдя и сѣвъ въ сани, Барабашъ сказалъ мнѣ, что надо отложить до завтра и дѣйствовать оружіемъ онъ не даетъ права и чтобы я съ командой возвратился въ Миргородъ. Я повернулъ команду и, поручивъ офицеру вести, самъ сѣлъ въ сани, чтобы распросить Барабаша подробно о переговорахъ его въ правленіи. Изъ разговора я узналъ, что его не допустили до телефона, и что онъ самъ рѣшилъ отложить до завтра, полагая, что могутъ сдѣлать 80 человѣкъ противъ 6 тысячной толпы? Тогда я остановилъ команду и сказалъ при офицерахъ Барабашу, что разъ онъ не переговорилъ съ губернаторомъ, откладывать нельзя, а необходимо выполнить приказъ начальства—освободить арестованныхъ. Я

предложилъ г. Барабашу вновь начать переговоры и, если онъ получитъ отказъ, дальнѣйшее дѣйствіе передать въ мое распоряженіе, на что онъ согласился и поѣхалъ къ толпѣ. Увидѣвъ наше возвращеніе, бунтовщики снова забили въ набатъ. Доѣхавъ до переулка, Барабашъ свернулъ по болѣе широкой улицѣ, а я, оставивъ при входѣ въ переулокъ взводъ подъ командой подъ—эсаула Опчокова, приказалъ открыть огонь послѣ третьяго сигнала, самъ-же съ двумя взводами при двухъ офицерахъ, сотникѣ Щепихинѣ и хорунжемъ Меньковѣ, двинулся за Барабашемъ, найдя возможнымъ, по докладу вахмистра, которому я приказалъ раньше осмотрѣть эту улицу, развернуть на ней передъ входомъ на площадь 50 человѣкъ. Достигнувъ площади я, выстроилъ фронтъ въ одну шеренгу и остановился передъ толпой, стоящей у волостного правленія лицомъ ко мнѣ, а Барабашъ, ставъ около саней передъ толпой саженяхъ въ 30-ти, уговаривалъ толпу разойтись, не доводить до стрѣльбы и освободить арестованныхъ. Онъ получилъ вновь отказъ, выраженный въ словахъ: „у насъ есть свои совѣтчики, не выпустимъ“. Тогда онъ, обращаясь снова къ толпѣ, сказалъ: „въ такомъ случаѣ я передаю дальнѣйшее дѣйствіе полковнику“, и обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „можете дѣйствовать оружіемъ“. Я просилъ Барабаша сѣсть въ сани и заѣхать за казаковъ, а самъ обратился къ толпѣ со словами: „прошу выпустить арестованныхъ, иначе прикажу трубачу сыграть три сигнала и, если послѣ этого толпа не разойдется и не выпустить арестованныхъ, то я прикажу стрѣлять“. На это получилъ отвѣтъ: „не выпустимъ, стрѣляйте, бей его!“. Послѣ отданнаго мною приказанія стрѣлять, буйная толпа сразу хлынула на насъ, стараясь поранить лошадей косами, вилами и стрѣляя изъ револьверовъ. Послѣ первыхъ выстрѣловъ толпа продолжала наступать, бросала палками и другимъ дрекольемъ въ казаковъ. Оберегая лошадей, чтобы выиграть мѣсто, я, отойдя сажень 10—12 назадъ по улицѣ, продолжалъ отстрѣливаться. Затѣмъ повернулъ команду и пошелъ въ наступленіе. Толпа, видя убитыхъ и раненыхъ, начала разстраиваться и люди разбѣгаться въ улицы и подворамъ, подбирая убитыхъ и раненыхъ, а нѣкоторые опять

собирались въ группы, оставаясь вооруженными, почему и въ нихъ стрѣляли. При описанныхъ условіяхъ стрѣльбы съ поля, при морозѣ въ 10°, при рѣзкомъ и перемѣнчивомъ вѣтрѣ (шелъ снѣгъ и крупа, которые попадали въ лицо и глаза, и мѣшали стрѣльбѣ), руки застыли отъ холода, такъ какъ пришлось держать долго револьверы голыми руками; могли быть неправильные выстрѣлы и пули могли залетѣть въ улицы и огороды. На площади я увидѣлъ нѣсколько тѣлъ и въ числѣ ихъ раненаго Барабаша въ голову; я приказалъ фельдшеру подать помощь и сдѣлать перевязку подъ присмотромъ сотника Щепихина, и ему-же поручилъ, давъ 20 человѣкъ казаковъ, охрану Барабаша и, явившихся въ это время арестованныхъ — пристава и урядника, выбѣжавшихъ во время стрѣльбы изъ заключенія, прося защиты. Оказывается, что Барабашъ не сѣлъ въ сани, а ушелъ за лѣвый флангъ казаковъ, пройдя сзади, вѣроятно, остался у праваго флапга, и, какъ тяжело одѣтый при своей полнотѣ, отсталъ отъ команды, когда она отходила и въ это время, вѣроятно, на него набросилась толпа. Все совершилось такъ быстро, что никто изъ казаковъ не замѣтилъ момента убійства Барабаша. Послѣ перевязки его перевезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ.

Оставивъ 20 человѣкъ при офицерѣ, я, собравъ остальныхъ, поѣхалъ изъ мѣстечка, присоединивъ и взводъ, не участвовавшій въ стрѣльбѣ и стоявшій въ отдѣльности.

Доѣхавъ до околицы, я услышалъ, какъ будто, звукъ выстрѣла; желая разяснить, я вернулся и встрѣтился съ 5 казаками изъ оставшихся 20. На вопросъ: „кто стрѣлялъ и гдѣ сотникъ Щепихинъ“? мнѣ отвѣтилъ одинъ изъ казаковъ, что не знаетъ, а его благородіе должно быть на площади. Я поѣхалъ рысью, но попалъ въ другую улицу. Замѣтивъ ошибку, я вернулся на площадь. Сотника Щепхина съ командой не оказалось: они перевозили Барабаша въ больницу. Тогда я приказалъ сорвать красные флаги съ волостного правленія, вновь выѣхалъ за околицу и началъ поджидать команду сотника Щепихина, который вскорѣ явился и на саняхъ привезъ пристава и раненаго казака, а полицейскій урядникъ остался въ Сорочинцахъ.

Сотникъ Щепихинъ, на вопросъ о выстрѣлѣ, отвѣтилъ, что онъ не слыхалъ, а что въ виду вторичныхъ сборищъ крестьянъ въ улицахъ и дворахъ, онъ послалъ 5 казаковъ подъ командой урядника Лопатина разогнать ихъ.

Въ виду враждебныхъ отношеній крестьянъ и, имѣя приказаніе командира дивизіона—не оставаться на ночлегъ, я счелъ лучшимъ не занимать домовъ для отдыха, а засвѣтло добраться до Миргорода, такъ какъ въ такую погоду въ темнотѣ по дорогѣ, засыпанной буграми снѣга, былъ-бы походъ крайне трудный, почему я, выступилъ въ 2 часа, и къ 5½ час. вечера былъ въ городѣ.

Въ статьѣ газеты «Полтавщина» была напечатана масса лжи наглой и клеветы: напримѣръ, въ словахъ: 1) „одинъ отрядъ былъ задержанъ толпой".—когда я самъ ему опредѣлилъ мѣсто 2) „другой отрядъ наѣхалъ съ тылу, врѣзался въ нее съ крикомъ разойдись!" Вѣроятно, послѣднее слово было сказано Барабашемъ раньше команды, какъ совѣтъ, а отрядъ подъѣхалъ не съ тылу и не врѣзался въ толпу; 3) „помощникъ исправника скомандовалъ казакомъ—стрѣлять". Скомандовалъ я, а не онъ. 4) „Казаки, сбивая съ ногъ крестьянъ, топтали ихъ, наѣзжая лошадьми; освирѣпѣвшіе крестьяне стащили Барабаша съ саней". Ничего этого не было, такъ какъ мы отступили въ это время, слѣдовательно, не могли наѣзжать и топтать крестьянъ лошадьми. Барабашъ оставался на мѣстѣ до того времени, пока его замѣтили, а затѣмъ тотчасъ-же подали помощь; 5) «казаки гонялись за отдѣльными лицами, совершенно не причастными къ этому дѣлу и дѣйствовали только оружіемъ: они стрѣляли даже въ тѣхъ, кто въ это время занимался мирнымъ трудомъ во дворахъ». По этому пункту могу сказать, что всѣ почти въ толпѣ и по дворамъ отъ мало до велика; мужчины. парни и женщины были вооружены; непричастныхъ навѣрно не было, разъ устроена была такая встрѣча войскамъ съ набатнымъ звономъ, съ красными флагами. Всякій слышалъ и видѣлъ это. А не причастнымъ не слѣдовало выходить изъ хатъ. Казаки были предупреждены, что крестьяне могли быть вооружены револьверами, что на

розыскѣ и оказались. Кучеръ Барабаша мнѣ говорилъ, что изъ толпы стрѣляли въ насъ изъ револьверовъ, а на площади нашли убитаго съ револьверомъ въ рукахъ, слѣдовательно, всякое движеніе рукой человѣка, будто даже невооруженнымъ дреколіемъ, могло показаться казаку подозрительнымъ, а вооруженнаго длиннымъ дреколіемъ и озвѣрѣвшаго человѣка, шашкой и нагайкой не возьмешь, почему пришлось употреблять сразу револьверъ. 3 заключительныя, подчеркнутыя слова статьи: ужасъ объемлетъ душу при видѣ жертвъ, павшихъ отъ „произвола и насилія", показываютъ, что авторъ-крестьянинъ, написалъ ихъ, не подумавъ; такъ какъ произволъ и насиліе надъ арестованными было дѣломъ агитаторовъ и крестьянъ, а черезъ это — открытый бунтъ, за который слѣдовало-бы наказать сильнѣе. Со стороны же казаковъ было только исполненіе приказа начальства — употребить крайнія мѣры для освобожденія арестованныхъ.

Само собой разумѣется, что въ мѣстныхъ газетахъ, находившихся въ рукахъ революціоперовъ, вся эта драма изложена совершенно иначе и въ превратномъ освѣщеніи. Вотъ какъ описываетъ его газета „Полтавщина" № 310.

„Событія въ м. Сорочинцахъ до такой степени говорятъ сами за себя, что ни въ какихъ поясненіяхъ не нуждаются: изложимъ ихъ только въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Въ ночь на 18-ое арестуютъ г. Безвиконнаго по дѣлу о митингѣ въ м. Ковалевкѣ. Утромъ народъ на собраніяхъ постановляетъ арестовать пристава и оставить въ качествѣ заложника, пока не выпустятъ г. Б. Также постановлено закрыть винныя лавки (до учредительнаго собранія) и прекратить на два часа торговлю во избѣжаніе грабежа и безпорядка.

Все это приводится въ исполненіе.

Ночью ждутъ казаковъ и бьютъ въ набатъ до утра. 19-го утромъ пріѣзжаютъ казаки, пом. испр. Барабашъ. Происшедшее затѣмъ описано уже у насъ.

20-е. Больница полна. Пріѣзжаютъ врачи изъ Миргорода. Нѣсколько тяжело раненыхъ умираютъ.

21-е. Вступаютъ опять казаки съ двумя пушками и г. Филоновымъ.

Вечеромъ аресты, сопровождающіеся избіеніемъ арестованныхъ. Арестуются между прочимъ студ. Романовскій, девять крестьянъ.

22-е. Стражники сзываютъ сходъ, угрожая за неявку репрессіями.

Толпу г. Филоновъ ставитъ на колѣни и послѣ потока отборной ругани вызываетъ по составленному полиціей списку и нѣкоторыхъ бьетъ въ лицо, а затѣмъ передаетъ казакамъ.

Евреевъ, созванныхъ почти поголовно (за исключеніемъ 3—4-хъ) ставятъ отдѣльной кучкой на колѣни и жестоко избиваютъ нагайками.

Для студ.-техн. Романовскаго дѣлается исключеніе: чиновникъ его не бьетъ собственноручно, а представляетъ казакамъ.

„Бей по головѣ, бей по головѣ!“—собственныя слова.

Студентъ стоитъ, закрывши глаза руками.

Одинъ священникъ проситъ, нельзя ли прекратить расправу.

„А вы туда не хотите?“—собственныя слова.

Экзекуція продолжается. Одного изъ арестованныхъ почью три раза приводятъ въ чувство и бьютъ опять. Кой-кто изъ „зрителей“ проситъ уволить домой, но безуспѣшно.

Бьютъ дальше. Толпа на колѣняхъ. Кругомъ казаки и двѣ пушки.

Итакъ шесть часовъ.

Почью казаки грабятъ еврейскія лавки. У еврея Р. забираютъ все до нитки. (Фамиліи не называю, потому что его обѣщали „зарѣзать“, если онъ будетъ разсказывать).

Шесть казаковъ заходятъ почью въ одну русскую лавку, извиняются тѣмъ, что они думали, что онъ еврей и ограничиваются рублемъ на водку, табакомъ и папиросами.

23-е. Г. Филоновъ утомленъ и бьетъ только трехъ или четырехъ. Обстановка та же—казаки и пушки. Послѣ этого

рѣчь, смыслъ которой тотъ, что „я отецъ, а вы дѣти, наказываю васъ люба, а все виноваты жиды".

„Дѣти" стоятъ на колѣняхъ и слушаютъ. А что думаютъ— неизвѣстно.

Подписывается приговоръ относительно выдачи агитаторовъ и исключенія изъ общества арестованныхъ.

Подписи даются добровольно, а кругомъ казаки и двѣ пушки.

Чиновникъ уѣзжаетъ въ м. Устивицу съ казаками и на сходѣ бьетъ старшину при знакѣ и еще кого-то изъ крестьянъ.

Исправникъ въ Сорочинцахъ дѣлаетъ дознанія".

Этими сообщеніями вдохновился писатель Короленко и въ номерѣ отъ 12 января въ той же газетѣ „Полтавщина" помѣстилъ слѣдующее „открытое письмо статскому совѣтнику Филонову, которое мы помѣщаемъ цѣликомъ въ виду его историческаго значенія, характеризующаго какую преступную роль сыгралъ этотъ писатель, извративъ все событіе и растравивъ страсти до послѣдней степени.

„Г. статскій совѣтникъ Филоновъ! Лично я васъ совсѣмъ не знаю, и вы меня также. Но вы чиновникъ, стяжавшій широкую извѣстность въ нашемъ краѣ походами противъ соотечественниковъ. А я писатель, предлагающій вамъ оглянуться на краткую лѣтопись вашихъ подвиговъ

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ происходили собранія и говорились рѣчи. Жители Сорочинецъ, очевидно, полагали, что манифестъ 17 октября далъ имъ право собраній и слова. Да оно, пожалуй, такъ и было: манифестъ дѣйствительно далъ эти права и прибавилъ къ этому, что никто изъ русскихъ гражданъ не можетъ подлежать отвѣтственности иначе, какъ по суду. Онъ провозгласилъ еще участіе народа въ законодательствѣ и управленіи страной и назвалъ все это „незыблемыми основами" новаго строя русской жизни.

Итакъ, въ этомъ отношеніи жители Сорочинецъ не ошибались. Они не знали только, что, наряду съ новыми началами, оставлены старыя „временныя правила" и „усиленъ-

ныя охраны", которыя во всякую данную минуту предоставляютъ администраціи возможность опутать новыя права русскаго народа цѣлою сѣтью разрѣшеній и запрещеній, свести ихъ къ нулю и даже объявить безпорядкомъ и бунтомъ, требующимъ вмѣшательства военной силы. Правда, администрація приглашалась сообразовать свои дѣйствія съ духомъ новаго основнаго закона, но... у нея были и старые циркуляры и новыя внушенія въ духѣ прежняго произвола.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ высшая Полтавская администрація колебалась между этими противоположными началами. Въ городѣ и въ губерніи происходили собранія, и народъ жадно ловилъ разъясненія происходящихъ событій. Конечно, были при этомъ и рѣзкости, быть можетъ излишнія, среди разныхъ мнѣній и заявленій были и неосновательныя. Но мы привыкли оцѣнивать явленія по широкимъ результатамъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что самые бурные дни, когда отовсюду неслись вѣсти о погромахъ, убійствахъ усмиреніяхъ, — въ Полтавѣ ничего подобнаго не было. Не было также тѣхъ рѣзкихъ формъ аграрнаго движенія, которыя вспыхивали въ другихъ мѣстахъ. Многіе, и не безъ основанія, приписывали, это между прочимъ, и сравнительной терпимости, которую проявила высшая Полтавская администрація къ свободѣ собраній и слова. Подъ ихъ вліяніемъ стихійныя страсти народа умѣрялись, сознаніе росло, ожиданія вводились въ закономѣрное русло, надежды обращались къ будущимъ свободнымъ учрежденіямъ страны. Казалось, еще немного, и народное мнѣніе сложится и прояснится, какъ проясняется вино послѣ шумнаго и мутнаго, броженія. А затѣмъ ему предстояла окончательная переработка въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны...

Теперь это уже только прошлое. Съ 13 декабря Полтавской администраціи угодно было перемѣнить свой образъ дѣйствій. Результаты тоже на лицо: въ городѣ дикій казачій погромъ, въ деревнѣ—потоки крови. Вѣра въ значеніе манифеста подорвана, созпательныя стремленія сбиты, стихійныя страсти рвутся наружу или, что гораздо хуже—временно вгоняются внутрь, въ видѣ подавленной злобы и мести...

Зачѣмъ, я говорю вамъ, все это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ? Я, конечно, хорошо знаю, что всѣ великія начала, провозглашенныя (къ сожалѣнію лишь на словахъ) манифестомъ 17 октября 1905 года, вамъ и непонятны, и органически враждебны. Тѣмъ не менѣе это уже *основной законъ русскаго государства*, его „незыблемыя основы“... Понимаете ли вы, въ какомъ чудовищно преступномъ видѣ предстали бы всѣ ваши дѣянія передъ судомъ этихъ началъ?..

Но я буду „умѣренъ“. Я буду болѣе чѣмъ умѣренъ, я буду до галлюшества уступчивъ... Поэтому, г-нъ статскій совѣтникъ Филоновъ, я примѣню къ вамъ лишь обычныя нормы старыхъ русскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ до 17 октября.

Факты.

Въ Сорочинцахъ и сосѣдней Устивицѣ происходили собранія безъ формальнаго разрѣшенія. На нихъ говорились рѣчи,—принимались резолюціи. Между прочимъ, постановлено закрыть винныя монополіи. Составлены приговоры и, не ожидая офиціальнаго разрѣшенія, монополіи закрыли, на дверяхъ повѣсили замки.

18 декабря, на основаніи усиленной охраны, т.-е. въ порядкѣ внѣ судебномъ, арестованъ одинъ изъ сорочинскихъ жителей Безвиконный. Односельцы потребовали, чтобы его предали суду, а до суда отдали имъ на поруки. Такія требованія о судебномъ разслѣдованіи, вмѣсто ненавистнаго административнаго усмотренія становятся общими, имѣли мѣсто въ разныхъ селахъ и мѣстечкахъ нашей губерніи и сопровождались кое-гдѣ успѣхомъ. Сорочинцамъ было отказано. Тогда они, въ свою очередь, арестовали урядника и пристава.

19 декабря помощникъ исправника Барабашъ пріѣхалъ въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ. Онъ видѣлся съ арестованными и, какъ говорятъ, уступая ихъ убѣжденіямъ, обѣщалъ ходатайствовать объ освобожденіи Безвиконнаго и отошелъ съ отрядомъ. Но затѣмъ, къ несчастію, онъ остановился на окраинѣ, раздѣлилъ свой отрядъ, сдѣлалъ обходное движеніе, и опять подъѣхалъ къ толпѣ. Произошло

роковое столкновеніе, подробности котораго установитъ судъ. Въ результатѣ смертельно раненъ помощникъ исправника, смертельно ранено и убито до 20 сорочинскихъ жителей...

Извѣстно ли вамъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли эти двадцать человѣкъ? Всѣ они убивали исправника? Нападали? Сопротивлялись? Защищали убійцъ?

Нѣтъ. Казаки не удовольствовались разсѣяніемъ толпы и освобожденіемъ пристава. Они накинулись за убѣгавшими, догоняли, убивали ихъ. Этого мало: они бросились въ мѣстечко и стали охотиться за жителями, случайно попадавшимися на пути.

Такъ, именно около дома г-на Малинки, былъ убитъ сторожъ Отрешко, мирно обметавшій снѣгъ около хозяйскаго крыльца. Такъ Евстафій Гарковенко „смыкалъ“ для скота сѣно изъ стога, въ своемъ дворѣ, за версту отъ волостного правленія. Казакъ прицѣлился съ улицы, и раненый Гарковенко упалъ прежде, чѣмъ могъ замѣтить злодѣя. Такъ старикъ-аптекарь Фабіанъ Перевозскій возвращался съ сыномъ изъ почтоваго отдѣленія. Около дома Орлова ихъ настигъ убійца-казакъ, который застрѣлилъ сына на глазахъ у отца. Такъ Сергѣй Ив. Ковтунъ убитъ въ шести саженяхъ отъ своихъ воротъ. Такъ женщина, жена крестьянина Моковецкаго, убита въ самыхъ воротахъ. Такъ у дѣвушки Келеповой прострѣлены пулей обѣ щеки. Я могъ бы вамъ перечислить, при какихъ условіяхъ и гдѣ именно убиты всѣ погибшіе въ Сорочинцахъ. Но я считаю достаточнымъ сказать, что 8 человѣкъ убито у волостного правленія и въ непосредственной близости, двѣнадцать же пали на улицахъ, у своихъ домовъ и въ глубинѣ дворовъ...

Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я позволю себѣ спросить: одно ли преступленіе совершено въ Сорочинцахъ 19-го декабря, или ихъ совершено много? Думаете ли вы, что драгоцѣнна только кровь людей въ мундирахъ, а кровь людей въ свиткахъ и сермягахъ, кровь Отрешка, Гарковенка, Ковтуна, Маковецкой, Келеповой и имъ подобныхъ, можно лить безнаказанно, какъ воду? Не кажется ли вамъ, что

если необходимо изслѣдовать, кто и при какихъ обстоятельствахъ убилъ несчастнаго Барабаша, то не менѣе необходимо, чтобы правосудіе занялось и тѣмъ, кто, вооруженный, убивалъ на улицахъ, на дворахъ, въ огородахъ безоружныхъ, простыхъ людей, не нападавшихъ, не сопротивлявшихся, не бывшихъ на мѣстѣ рокового происшествія, не знавшихъ о немъ и умершихъ въ этомъ незнаніи.

О, да! Мнѣ нѣтъ никакой надобности примѣнять къ этой трагедіи великія начала новаго, основного закона... Для этого достаточно любого закона, любой страны, имѣющей хоть самыя несовершенныя понятія о законѣ писаномъ или обычномъ. Отправьтесь, г. статскій совѣтникъ Филоповъ, въ страну полудикихъ курдовъ, на родину башибузуковъ. И тамъ любой судья отвѣтитъ вамъ „у насъ,—скажетъ онъ, безъ сомнѣнія,—тоже много вооруженнаго разбоя, опозорившаго нашу страну передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но и наши несовершенные законы признаютъ, что кровь людей въ простой одеждѣ такъ же взываетъ къ правосудію, какъ и кровь убитаго чиновника“...

Рѣшитесь ли вы, открыто и гласно, отрицать это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ?

Навѣрное—нѣтъ! И, значитъ, мы оба согласны, что представителю власти и закона, отправляющемуся въ Сорочинцы впервые послѣ трагедіи 19-го декабря, предстояла суровая, но и почтенная и торжественная роль. Въ это мѣсто, уже охваченное смятеніемъ, печалью и ужасомъ, онъ долженъ былъ внести напоминаніе о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ, справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страсти данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы, но также (замѣтьте этого, г. статскій совѣтникъ Филоповъ), *не допускающемъ и мысли о кастовой мести со стороны чиновничества всему населенію*...

Ему предстояло еще показать народу, что законы въ Россіи не перестали дѣйствовать, но что и гарантіи правосудія, торжественно обѣщанныя царскимъ манифестомъ,—тоже не мертвая буква и не нарушенное обѣщаніе. Но объ этомъ мы уже условились не говорить съ вами, г. статскій

совѣтникъ Филоновъ... Притомъ же, если бы эта послѣдняя задача имѣлась въ виду, то, конечно, ее возложили бы не на васъ.

Между тѣмъ, къ удивленію многихъ въ Полтавѣ, именно на васъ возложена тяжелая, трудная и почетная роль представителя „законной“ власти въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ послѣ 19-го декабря.

Какъ вы ее поняли? И какъ выполнили?

Факты.

21-го декабря изъ Сорочинецъ увезли тѣло несчастнаго Барабаша, умершаго въ больницѣ. Еще не стихъ печальный перезвонъ церковныхъ колоколовъ, какъ вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, выѣхали въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ.

Были ли въ то время какіе нибудь признаки возмущенія? Было ли вамъ оказано сопротивленіе? Построили вамъ навстрѣчу баррикады? Собрались съ оружіемъ? Мѣшали ли вашимъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ?

Нѣтъ, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ, которые бы говорили о сопротивленіи и противодѣйствіи. Жители были подавлены страшнымъ несчастіемъ 19-го декабря, разразившимся надъ ними неожиданно, стихійно и такъ ужасно. Они понимали, что теперь неизбѣжно вмѣшательство правосудія, и если бы въ село прибылъ судебный слѣдователь, вооруженный только закономъ, то и онъ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. А если бы съ нимъ и были казаки, то они знали бы, что ихъ роль— только охрана должностного лица и его законныхъ дѣйствій, а не наказаніе еще не обвиненныхъ людей, не буйство, не истязанія, не насилія, которыя въ свою очередь караются закономъ.

Да, это несомнѣнно, было бы такъ, тѣмъ болѣе, что отъ *судебной* власти жители ждали бы правосудія также и для себя, за кровь своихъ близкихъ...

Но въ Сорочинцы былъ посланъ не судебный слѣдователь, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, (старшій со-

вѣтникъ губернскаго правленія) и на васъ падаетъ вина въ томъ, что вооруженный отрядъ, отданный въ ваше роспоряженіе, изъ охранителей силы закона превратился въ его нарушителей и насильниковъ.

Вы сразу стали поступать въ Сорочинцахъ, какъ въ завоеванной странѣ. Вы велѣли „согнать сходъ“ и объявили, что, если не соберется, то вы разгромите все село, „не оставивъ отъ него и праха“. Мудрено ли, что послѣ такого приказанія и въ такой формѣ, казаки принялись выгонять жителей по своему. Мудрено ли, что теперь въ селѣ, называя имена, говорятъ о цѣломъ рядѣ вымогательствъ и даже изнасилованій, произведенныхъ отрядомъ, состоявшимъ въ вашемъ распоряженіи?

Для чего-же вамъ понадобился этотъ сходъ и какія законныя слѣдственныя дѣйствія производили вы въ его присутствіи...

Прежде всего вы поставили ихъ *всѣхъ на колѣни*, окруживъ казаками съ обнаженными шашками и выставивъ два орудія. Всѣ покорились, всѣ стали на колѣни, безъ шапокъ и на снѣгу... Только часа черезъ два вы спохватились, что въ этой колѣнопреклоненной толпѣ есть два георгіевскихъ кавалера. Вы ихъ отпустили. Потомъ отпустили новобранцевъ и малолѣтнихъ. Остальныхъ, подъ угрозой смерти, вы держали такимъ образомъ въ теченіе $4^1/_2$ часовъ, даже не подумавъ о томъ, что въ этой беззаконно истязуемой вами толпѣ, могутъ быть лица, еще не похоронившія невинно убитыхъ 19 декабря братьевъ, отцовъ, дочерей, передъ которыми другіе должны бы стоять на колѣняхъ, вымаливая прощеніе—въ убійствѣ...

Эта толпа нужна вамъ была какъ фонъ, какъ доказательство вашего совѣтническаго всемогущества и величія и... презрѣнія къ законамъ, ограждающимъ личность и права русскихъ гражданъ отъ безразсуднаго произвола. Дальнѣйшее „дознаніе“ состояло въ томъ, что вы вызывали отдѣльныхъ лицъ, по заранѣе составленному списку.

Для чего? Для допроса? для установленія степени вины и отвѣтственности?

Нѣтъ, едва вызванный раскрывалъ ротъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, объясниться, быть можетъ доказать полную свою непричастность къ случившемуся, какъ вы, собственной совѣтницкой рукой съ размаха ударяли его по физіономіи и передавали казакамъ, которые, по вашему приказу, продолжали начатое вами преступное истязаніе, валили въ снѣгъ, били нагайками по головѣ и лицу, пока жертва не теряла голоса, созданія и человѣческаго подобія.

Такъ именно поступили вы, напримѣръ, съ Семеномъ Грищенкомъ, у котораго, какъ вамъ донесли, ночевалъ одинъ изъ „ораторовъ“. Укажите мнѣ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, такой законъ, по которому человѣкъ, пріютившій другого на ночь, отвѣчалъ-бы за всѣ слова и дѣйствія, самая преступность которыхъ тоже еще не доказана? И однако, едва Грищенко открылъ ротъ для объясненій, какъ вы принялись бить его по лицу, а затѣмъ передали для побоевъ казакамъ. Избитаго разъ, его посадили въ холодную, Вамъ этого показалось мало: вы опять его вызвали, опять не дали говорить, опять били сами и передали казакамъ для вторичнаго истязанія... Такъ-же поступили вы еще съ Герасимомъ Мухой, у котораго хранился ключъ отъ, закрытой обществомъ, „монополіи“, только этого вы еще ударили ногою въ животъ. Такъ-же (два раза) били вы Василія Покрова, потомъ истязали Авраама Готлиба, Семена Сорокина, Семена Коверко. Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ двадцать человѣкъ, которыхъ вы били собственными руками, лягали ногами и приказывали бить нагайками. Упомяну еще только студента Романовскаго...

Студентъ Романовскій лицо „привилегированное“ и потому вы не посмѣли бить его собственноручно. Вы даже не сразу приказали бить его и казакамъ; вы только отправили его въ холодную. Тогда кто-то изъ казаковъ сказалъ: „почему-же не подъ нагайки“...

Вы нашли, что спросившій правъ. Всѣ равны передъ закономъ. Вы здѣсь творили вопіющія беззаконія, почему-же не уравнять всѣхъ передъ беззаконіемъ. Студента вызвали изъ холодной. Едва онъ вышелъ на крыльцо—его

толкнули на снѣгъ и избили... Къ счастію, какой то сердобольный человѣкъ посовѣтовалъ ему предварительно обернуть голову и лицо башлыкомъ...

Но и этого всего вамъ показалось недостаточно, и потому, оглядѣвъ толпу, стоявшую въ снѣгу на колѣняхъ передъ вашимъ совѣтницкимъ величіемъ, вы вдохновились на новый актъ изысканной жестокости: вы велѣли евреямъ отдѣлиться отъ православныхъ, поставили ихъ на колѣни отдѣльно и приказали казакамъ бить ихъ всѣхъ, безъ разбора. Вы объяснили это тѣмъ, что „евреи“ умны, и что они враги Россіи. Казаки ходили среди колѣнопреклонной толпы и хлестали направо и налѣво, мужчинъ, подростковъ, сѣдыхъ стариковъ. „Якъ вівчатъ вівці“—по картинному выраженію очевидцевъ. А вы г. статскій совѣтникъ Филоновъ, глядѣли на это избіеніе и поощряли бить сильнѣе...

Г. статскій совѣтникъ Филоновъ! Повѣрьте мнѣ: я усталъ, я тяжко усталъ, излагая только на бумагѣ всѣ безаконныя истязанія и звѣрства, которымъ вы, подъ видомъ якобы законныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, подвергали безъ разбора жителей Сорочинецъ, не стараясь даже уяснить себѣ,—причастны они, или непричастны къ трагедіи 19 декабря... А между тѣмъ, вы производили все это надъ живыми людьми, и мнѣ предстоитъ еще разсказать, какъ вы отправились на слѣдующій день для новыхъ подвиговъ въ Устивицу... А за вами, какъ за тріумфаторомъ, избитые, истерзанные, изстрадавшіеся тащились ваши сорочинскіе плѣнники, которымъ мѣсто было только въ больницѣ...

Такъ ѣхали вы въ Устивицѣ, возстановлять силу закона...

Въ дальнѣйшемъ я буду кратокъ.

Что было въ Устивицѣ до вашего появленія? Тамъ не было ни бунта, ни ареста пристава, ни убійства исправника, ни столкновеній.. Тамъ только жители постановили приговоръ о закрытіи монополіи и привели его въ исполненіе ранѣе полученія официальнаго разрѣшенія. Замокъ на дверяхъ монополіи одинъ только свидѣтельствовалъ о томъ, что жители села рѣшили сомовольно прекратить у себя пьянство...

Они сдѣлали это съ нарушеніемъ законныхъ формъ. Да, это правда. Ну, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, вы— чиновникъ и слуга закона! Сами вы соблюдали „законныя формы“ при совершеніи вашего злого дѣла?

Впрочемъ, я вдобавокъ ошибся: еще наканунѣ, по Вашему приказу, посланному изъ Сорочинецъ, жители сняли замокъ, и такимъ образомъ, къ вашему пріѣзду, не было уже и этого слѣда закононарушенія... Казенная монополія была открыта, вино продавалось пьяницамъ свободно и невозбранно... Это не воздержало васъ однако, отъ новыхъ буйствъ и истязаній, которыхъ я не стану описывать подробно, предоставляя болѣе точное изложеніе суду, если, таковой когда нибудь состоится.

Здѣсь я скажу только, что, мстя на этотъ разъ лишь за права казенной винной продажи, вы прежде всего избили старосту, съ котораго сорвали знакъ и бросили въ снѣгъ. Затѣмъ, вы поколотили писаря, котораго били не только руками, но взломали на немъ счеты, послѣ чего писарь не могъ уже составлять протоколовъ и писать приговоры. Тутъ же избитъ вами Діонисій Пв. Бакало, пришедшій въ правленіе за справками, котораго вы колотили по головѣ „исходящей книгой“.. Жителей Устивицъ вы также поставили въ снѣгъ на колѣни, такъ же казаки били ихъ нагайками и также суду, если таковой состоится, предстоитъ рѣшить, правильныя ли ужасающіе разсказы жителей объ изнасилованіяхъ, которымъ подвергали устивицкихъ женщинъ казаки, находившіеся въ вашемъ распоряженіи... Вы поймете, конечно, что имена жертвъ въ этихъ случаяхъ не такъ легко поддаются оглашенію.

Толпу вы держали и здѣсь на колѣняхъ два часа, вымогая у нея, какъ и въ Сорочинцахъ, имена „зачинщиковъ“ и требуя приговора о ссылкѣ непріятныхъ администраціи лицъ. Вы забыли при этомъ, статскій совѣтникъ Филоновъ, что пытка отмѣнена еще Александромъ 1-мъ, что истязанія тяжко караются закономъ, что тѣлесное наказаніе, *тоже по суду*, отмѣнено для всѣхъ манифестомъ отъ 11-го августа 1904 года, а приговоры, добытые подобными

явно преступными пріемами, не имѣютъ ни малѣйшей законной силы...

Я кончилъ. Теперь г. статскій совѣтникъ Филоновъ я буду ждать.

Я буду ждать, что если есть еще въ нашей странѣ хоть тѣнь правосудія, если у васъ, у вашихъ сослуживцевъ и у Вашего начальства есть сознаніе профессіональной чести и долга, если есть у насъ обвинительныя камеры, суды и судьи, помнящіе, что такое законъ или судейская совѣсть, то кто нибудь изъ насъ долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и понести судебную кару: вы или я.

Вы,—такъ какъ вамъ гласно кинуто обвиненіе въ дѣяніяхъ противныхъ служебному долгу, достоинству и чести, въ томъ, что вы подъ видомъ слѣдственныхъ дѣйствій, внесли въ Сорочинцы и Устивицу не идею правосудія и законной власти, а только свирѣпую и беззаконную месть чиновничества за чиновника и за ослушаніе чиновникамъ. Месть даже не виновнымъ,—для ихъ установленія нужно было разслѣдованіе. Нѣтъ, Вы принесли слѣпую, дикую грозу истязанія и насилія надъ людьми безъ разбора, въ томъ числѣ и завѣдомо невинными...

А если вы можете отрицать это, то я охотно займу ваше мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ и буду доказывать, что вы совершили больше, чѣмъ я здѣсь могъ изобразить моимъ слабымъ перомъ... Я докажу, что называя васъ истязателемъ, насильникомъ и беззаконникомъ, я говорю лишь то, что непосредственно вытекаетъ изъ совершенныхъ вами дѣяній. Потому что вы, несомнѣнно производили истязанія, новые, вы подрывали въ народѣ не только уже вѣру въ искренность и значеніе манифеста, но и самую идею о законѣ и власти. Это значитъ, что вы и подобные вамъ толкаете народъ на путь отчаянія, насилія и мести.

Я знаю: вы можете сослаться на то, что вы не одинъ, что дѣянія подобныя вашимъ, можетъ быть превосходившія ваши,—остаются у насъ безнаказными... Это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ—пока печальная истина.

И это не оправданіе для васъ. Къ вамъ же я обращаюсь

потому, что живу въ Полтавѣ, что она полна живыми образами вашихъ насилій, что до меня доносятся стоны и жалобы вашихъ жертвъ...

А если и вы, какъ другіе вамъ подобные, останетесь безнаказнымъ, если, избѣгнувъ всякаго суда по снисходительности начальства и безсилію закона, вы вмѣстѣ съ кокардой предпочтете безпечно носить клеймо этихъ тяжелыхъ публичныхъ обвиненій, то и тогда я вѣрю,—что это мое обращеніе не пройдетъ безслѣдно.

Пусть страна видитъ, къ какому порядку, къ какой силѣ законовъ, къ какой отвѣтственности должностныхъ лицъ, къ какому огражденію правъ русскихъ гражданъ зовутъ ее два мѣсяца спустя послѣ манифеста 17 октября.

За всѣмъ сказаннымъ вы поймете, почему даже условно, въ концѣ этого письма, я не могу, г. статскій совѣтникъ Филоповъ, засвидѣтельствовать вамъ своего уваженія".

По отзывамъ всѣхъ письмо Короленко произвело на публику огромное впечатлѣніе. Номера „Полтавщины" съ этимъ письмомъ въ нѣсколько часовъ разошлись безъ остатка и оно было выпущено на другой день особымъ прибавленіемъ. По адресу Филонова посыпались анонимныя письма съ угрозами, а доброжелатели настаивали на томъ, чтобы онъ выступилъ съ опроверженіемъ. Но самъ Филоновъ въ это время былъ въ командировкѣ въ Кобелякскомъ и Хорольскомъ уѣздахъ и не могъ отвѣтить на обвиненіе Короленко. Когда онъ вернулся 17-го января, то немедленно занялся составленіемъ отвѣта Короленко, который былъ напечатанъ уже послѣ его смерти въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ" и который мы помѣщаемъ ниже.

18-го января, не смотря на крайнюю усталость и недомоганіе, онъ отправился на службу обычной дорогой по Александровской улицѣ. За нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ шла какая-то женщина, по виду торговка, а за ней молодой человѣкъ. Поравнявшись съ открытыми воротами во дворъ Варшавскихъ, молодой человѣкъ забѣжалъ впередъ и выстрѣлилъ въ лицо Филонову. Пуля попала въ подбородокъ и вышла въ затылокъ. Смерть послѣдовала моментально. Около убитаго собралась толпа, несчастнаго подняли и от-

везли въ Богоугодное заведеніе. Негодованію толпы и всего общества не было предѣловъ и, не скройся убійца, ему бы не миновать самосуда.

Покойный происходилъ изъ духовнаго званія. Воспитаніе получилъ въ Смоленской духовной семинаріи, но курса не окончилъ. На службу поступилъ въ 1876 году въ Смоленское губернское правленіе на должность писца. Своими дарованіями и усердіемъ онъ обратилъ на себя вниманіе начальства и сталъ быстро повышаться исполняя послѣдовательно обязанности помощника дѣлопроизводителя, чиновника особыхъ порученій, совѣтника Херсонскаго губернскаго правленія и Совѣтника Олонецкаго губернскаго правленія. Въ 1901 году былъ назначенъ совѣтникомъ Гродненскаго губернскаго правленія, а въ 1903 году совѣтникомъ Полтавскаго губернскаго правленія. Убитъ онъ былъ на 47 году. Былъ женатъ и единственная его дочь родилась послѣ смерти.

Убійцей Филонова оказался сынъ мѣстнаго священника, Кирилловъ въ возрастѣ около 20 лѣтъ, бѣжавшій послѣ совершенія преступленія въ Румынію. Спустя два года послѣ убійства, за неимѣніемъ средствъ къ существованію предался въ руки правосудія. Военный судъ примѣнивъ къ убійцѣ ВЫСОЧАЙШІЙ манифестъ, приговорилъ его къ 6 годамъ каторжныхъ работъ.

Смерть Ф. В. Филонова вызвала проявленіе къ нему общаго сочувствія.

Но вотъ и письмо его къ Короленко:

„Г. писатель Короленко! Я только что вернулся изъ командировки и прочелъ ваше открытое письмо, напечатанное въ № 8-мъ „Полтавщины“. Сначала я не хотѣлъ отвѣчать. Къ чему?

Мы слишкомъ разно смотримъ на вещи: то, что для васъ черно, для меня бѣло и наоборотъ. Вы ненавидите всякую законную власть, презираете правительство, я—агентъ этой правительственной власти. Можете-ли вы, поэтому, честно и безпристрастно отнестись къ моимъ дѣйствіямъ? Конечно, нѣтъ. Я недавно прочелъ заявленіе „убѣжденнаго журналиста“ изъ вашихъ единомышленниковъ. Онъ говоритъ:

„уважающій себя писатель не имѣетъ права теперь говорить правду". По крайней мѣрѣ откровенно... Но въ такомъ случаѣ, какую цѣну, какое значеніе можетъ имѣть ваше письмо? Значеніе ушата грязныхъ ....., которыми вамъ было угодно облить мою служебную дѣятельность? Правда, вы блестяще доказали, что въ рукахъ талантливаго писателя даже ..... могутъ производить впечатлѣніе... Но мнѣ, необладающему вашимъ дарованіемъ, отвѣчать той же монетой опасно: впечатлѣнія я не произведу, а рискую лишь загрязниться. Вотъ, исходя изъ какихъ соображеній, я и рѣшилъ оставить ваше письмо безъ отвѣта и тѣ инсинуаціи, которыми неоднократно и прежде удостаивала меня „почтенная" газета, сотрудникомъ которой вы состоите. Однако, потомъ мнѣ пришла въ голову мысль, что ваше открытое письмо могутъ прочесть не только ваши единомышленники, разъяснять которымъ образъ моихъ дѣйствій я не намѣренъ, но и люди иныхъ взглядовъ, революціоннымъ психозомъ не зараженные. Для нихъ, пожалуй, мое молчаніе явится доказательствомъ согласія съ предъявленными ко мнѣ обвиненіями, слѣдовательно и доказательствомъ моей виновности. Но это, конечно, нежелательно, а потому я и берусь за перо. Берусь, скрѣпя сердце, т. к. вижу ясно всю трудность предстоящей мнѣ задачи. Ну, можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, серьезно возражать человѣку, который, приводя факты, освѣщаетъ ихъ такимъ образомъ, что дѣйствительное ихъ значеніе извращается до неузнаваемости. Укажу, хотя-бы на описаніе того, что происходило въ Сорочинцахъ до моего прибытія. Я приведу его вкратцѣ, въ извлеченіи, оттѣняя и усиливая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ краски, въ духѣ вашей тенденціи, дабы послѣдняя выступала во всей непосредственной своей красотѣ и наглядности. Вотъ это описаніе:

Манифестъ 17-го октября даровалъ русскому народу разнообразныя свободы, между ними свободу слова и собраній. Несмотря на это, Полтавская администрація, для которой эти „великія начала не понятны и органически враждебны", продолжая, какъ и прежде, руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ лишь произволомъ, не только

сочла возможнымъ запрещать собранія теперь уже свободныхъ гражданъ, но даже осмѣлилась арестовать одного изъ поборниковъ дарованной свободы—оратора Безвиконнаго. Очень понятно, что односельчане послѣдняго, возмущенные такимъ явнымъ противозаконіемъ, потребовали, чтобы Безвиконный былъ преданъ суду, „вмѣсто ненавистнаго административнаго усмотрѣнія“, когда-же имъ было отказано, въ свою очередь и совершенно правильно, конечно, „арестовали урядника и пристава“. Но администрація не угомонилась.

Вмѣсто того, чтобы произвести, такъ сказать обмѣнъ плѣнныхъ, она рѣшилась на новое беззаконіе. Она дѣлаетъ гнусную попытку освободить арестованнаго пристава силой, для чего въ Сорочинцы является помощникъ исправника Барабашъ, во главѣ сотни казаковъ. Не стерпѣвъ подобнаго нарушенія ихъ законнѣйшаго права арестовывать правительственныхъ чиновниковъ, сорочинскіе граждане отказываются наотрѣзъ освободить пристава. Происходитъ столкновеніе, въ результатѣ котораго погибаетъ не только Барабашъ (справедливое возмездіе за попранные права народа!), но и звѣрски проливается кровь 20-ти мирныхъ невинныхъ обывателей.

Г. писатель Короленко! Еслибы я не видѣлъ подъ этимъ описаніемъ вашей подписи, я подумалъ-бы, что это бредъ психически больного, въ лучшемъ случаѣ—продуктъ творчества убѣжденнаго анархиста.

Не угодно-ли теперь выслушать изложеніе того-же событія, но въ истинномъ его освѣщеніи.

Манифестомъ 17-го октября разныя „свободы“ не дарованы, а лишь обѣщаны.

На основаніи манифеста должны быть выработаны новые законы, регулирующіе дарованныя свободы. Пока новыхъ законовъ нѣтъ, дѣйствуютъ старые. Поэтому администрація имѣла полное право арестовать Безвиконнаго. За два дня до его ареста, какой-то агитаторъ, по имени Николай, сталъ собирать народъ, говорить зажигательныя рѣчи, призывая къ вооруженному возстанію. Самъ Безвиконный—подпольный адвокатъ по профессіи не пользовался въ Сорочинцахъ

никакой популярностью и, не совпади его арестъ съ дѣятельностью агитатора, онъ прошелъ-бы совершенно незамѣченнымъ. Но для опытнаго агитатора арестъ этотъ явился прекраснымъ поводомъ, чтобы заставить народъ перейти отъ слова къ дѣлу. Наэлектризованная зажигательными рѣчами, толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, съ красными флагами, явилась къ мѣстному приставу, съ требованіемъ освободить Безвиконнаго и, получивъ отказъ, арестовала пристава. Когда на слѣдующій день явился помощникъ исправника Барабашъ съ казаками, толпа, созванная ударами въ набатъ, собралась еще въ большемъ количествѣ, уже вооруженная, и не только не вняла увѣщаніямъ Барабаша освободить арестованнаго, но нѣсколько разъ, съ дрекольемъ, дубьемъ и косами, набрасывалась на казаковъ, чѣмъ заставляла послѣднихъ отступать. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ и былъ убитъ Барабашъ. Послѣ этого казаки начали стрѣлять, толпа разсѣялась, убитыхъ и тяжело раненыхъ оказалось до 20 человѣкъ.

Какъ видите, г. писатель Короленко, мое описаніе по существу мало расходится съ вашимъ. Разница, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ вашемъ описаніи мятежная озвѣревшая толпа является въ образѣ мирно—настроенныхъ гражданъ, мѣстная-же администрація и казаки, исполнявшіе свой долгъ,—насильниками и палачами.

Теперь мнѣ уже легче отвѣчать и на другіе ваши вопросы. Такъ, вы спрашиваете: „извѣстно-ли вамъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли эти двадцать человѣкъ? Всѣ они убивали исправника? Нападали? Защищали убійцъ“?

Праздные вопросы, г. писатель Короленко. Барабашъ былъ убитъ мятежной толпой, и отвѣтственность за его убійство падаетъ не на отдѣльныхъ лицъ, а на всю толпу. Неужели вы полагаете, что та баба (говорятъ, то была баба), которая первая ударила косою Барабаша, болѣе виновата, чѣмъ остальные, ея окружавшіе? Фактически, конечно, Барабашъ былъ убитъ тѣмъ, кто находился около него. Но вѣдь это дѣло случая, кто именно въ этотъ моментъ находился около

него. Находись тамъ другіе, и Барабашъ все равно былъ-бы убитъ.

Затѣмъ, перечисливъ тѣхъ изъ раненыхъ, которые, по вашимъ словамъ, не были даже въ толпѣ, а потому оказались случайными жертвами, вы съ пафосомъ восклицаете: „Думаете-ли вы, что драгоцѣнна только кровь людей въ мундирахъ, а кровь людей въ свиткахъ и серьмягахъ можно лить безнаказанно, какъ воду“! Помилуйте г. писатель Короленко! Причемъ тутъ мундирная и серьмяжная кровь? Въ своей дикой ненависти къ мундиру вы договариваетесь до жалкихъ словъ, тамъ, гдѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Весь вопросъ въ томъ, имѣли-ли казаки достаточное основаніе пустить въ ходъ огнестрѣльное оружіе? Если имѣли,—а кто-же изъ разумныхъ людей можетъ отрицать это,—то въ смерти перечисленныхъ вами лицъ виноваты исключительно случайныя, шальныя пули.

Очень грустно, конечно, что при подавленіи безпорядковъ силой оружія, въ числѣ жертвъ оказываются лица совершенно невиновныя. Но что-же дѣлать? „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ!“ говоритъ пословица. Вы и далѣе разыгрываете тотъ-же мотивъ лишь въ нѣсколько иномъ тонѣ. Утверждая, „что кровь людей въ простой одеждѣ такъ-же взываетъ къ правосудію, какъ и кровь убитаго чиновника“ вы наивно вопрошаете: „Рѣшитесь-ли открыто и гласно отрицать это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ“? Нѣтъ не рѣшусь, г. писатель Короленко. Но суть въ томъ, что форма вопроса не вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла. Вы и тутъ сумѣли, какъ говорится, передернуть... Вамъ слѣдовало формулировать вопросъ такъ: „рѣшитесь-ли вы отрицать что кровь убитыхъ мятежниковъ такъ-же взываетъ къ правосудію, какъ и кровь убитаго чиновника?“ И тогда я отвѣтилъ-бы: конечно, отрицаю, отрицаю самымъ рѣшительнымъ образомъ, ибо утверждать подобное—являлось-бы явной нелѣпостью, было-бы равносильно признанію, что кровь преступника, повѣшеннаго за убійство, одинаково взываетъ къ правосудію, какъ и кровь его жертвы.

Покончивъ съ событіемъ 19-го октября вы переходите къ описанію уже лично моихъ „подвиговъ“. Начинается оно

очень картинно: 21-го декабря изъ Сорочинецъ увезли тѣло насчастнаго Барабаша, умершаго въ больницѣ. Еще не стихъ печальный перезвонъ церковныхъ колоколовъ, какъ вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въѣхали въ Сорочинцы, во главѣ сотни казаковъ". Помилуй Богъ, какъ хорошо! Такъ и „пахнетъ" красотой, какъ нѣкогда выражался одинъ небезызвѣстный критикъ 60-хъ годовъ. Столько-же красотой сколько и ложью—добавляю я... какъ, впрочемъ, и девять десятыхъ остальныхъ приписываемыхъ мнѣ далѣе „подвиговъ".

Г. писатель Короленко! Когда я пріѣхалъ въ Сорочинцы, тѣло „несчастнаго" Барабаша валялось въ грязномъ сараѣ. Неоднократныя мольбы родственниковъ о выдачѣ тѣла успѣха не имѣли, ни одинъ изъ „мирныхъ" обывателей Сорочинецъ не хотѣлъ дѣлать гроба, а священники, страшась „справедливаго народнаго гнѣва", отказывались служить панихиду. И только благодаря моему воздѣйствію, подкрѣпленному казаками, удалось добиться, чтобы несчастной жертвѣ служебнаго долга былъ отданъ послѣдній христіанскій долгъ. Изъ этого, между прочимъ, видно, насколько правдиво ваше указаніе, что „въ то время въ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ возмущенія".

Равнымъ образомъ вы ошибаетесь, что я былъ посланъ въ Сорочинцы для производства слѣдствія. Нѣтъ. Производство слѣдствія—дѣло судебной власти. Моей-же цѣлью было подавить мятежъ, прекратить безпорядки, вернуть возставшее населеніе къ повиновенію властямъ, заставить его выдать зачинщиковъ и подстрекателей.

Вы безусловно правы лишь въ одномъ, г. писатель Короленко: для достиженія намѣченной цѣли мнѣ пришлось прибѣгать къ суровымъ, крутымъ мѣрамъ. Вы называете ихъ „жестокими". Пусть такъ, спорить не буду.

Важно то, находились-ли принимаемыя мною мѣры въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами. Сомнѣваюсь, чтобы мятежи могли подавляться краснорѣчивыми словами и дружескими убѣжденіями. Полагаю, что въ подобныхъ случаяхъ даже полу-мѣры приносятъ несомнѣнный вредъ, еще болѣе разжигая, страсти, раздувая пожаръ.

Укажу еще и на то, что понятія жестокость и гуманность—понятія относительныя. Кто изъ двухъ врачей гуманнѣе: тотъ-ли, который, поддаваясь мольбамъ слабонервнаго пацієнта, въ преступномъ мягкосердечьи, откладываетъ операцію зараженной гангерной руки, или-же тотъ, который, видя, что промедленіе грозитъ общимъ зараженіемъ крови, „жестоко“, но не сморгнувъ, отрѣзаетъ больной членъ. Я глубоко убѣжденъ, что мои „жестокія“ мѣры сохранили не одинъ десятокъ человѣческихъ жизней.

Какъ-бы тамъ ни было, пусть мои дѣйствія „жестоки“, пусть они окажутся незаконными даже, не вамъ меня судить, г. писатель Короленко! Кто виноватъ въ томъ, что правительство вынуждено прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, суровымъ репрессіямъ? Лучшій отвѣтъ на это даютъ сами крестьяне, которые явились послѣ усмиренія съ повинною и выдавая зачинщиковъ, единогласно заявляютъ, что они были сбиты съ толку разными пріѣзжими и мѣстными агитаторами, а также революціонными газетами, наводнившими за послѣднее время всю губернію. Но среди мѣстной революціонной прессы первое мѣсто принадлежитъ газетѣ „Полтавщина“, которая систематически, не останавливаясь предъ явнымъ искаженіемъ истины, подрываетъ въ глазахъ населенія авторитетъ власти, уничтожаетъ всякое довѣріе къ правительству, разжигаетъ въ некультурныхъ массахъ дурныя страсти. На это дѣятели „Полтавщины“, пожалуй, возразятъ: нашъ органъ не революціонный, а конституціонно-демократическій, мы никогда не проповѣдывали насилія и самоуправства, никогда не призывали къ открытому возстанію. Полноте, господа!

Никого вы такими словами не обманете. Между направленіемъ „Полтавщины“ и направленіемъ такихъ завѣдомо-революціонныхъ газетъ, какъ „Сынъ Отечества“, или „Наша Жизнь“, напримѣръ, нѣтъ никакой разницы. Къ открытому возстанію вы, быть можетъ, прямо не призывали, но дѣлали все, чтобы его вызвать. Въ самомъ дѣлѣ, почему могутъ повести газетныя статьи, упорно вселяющія въ темной крестьянской массы убѣжденіе, что всѣ, съ кѣмъ ей приходится имѣть дѣло — помѣщики, священники, земскіе начальники,

полиція, высшія власти—все это ея злѣйшіе враги, отъ которыхъ ничего хорошого ожидать нельзя. Очевидно, лишь къ возмущенію, погромамъ и сопротивленію властямъ.

Г. писатель Короленко! Какъ сотрудникъ „Полтавщины", вы являетесь отвѣтственнымъ за то, что въ ней печатается, слѣдовательно, виновнымъ и въ томъ, что правительство вынуждено прибѣгать къ репрессіямъ. Какой-же, послѣ этого, вы судья? И какой наглой ложью, какой возмутительной фальшью звучитъ слѣдующее, направленное противъ меня обвиненіе „Вы попрали всѣ законы, старые и новые. Вы подрывали въ народѣ не только уже вѣру въ искренность и значеніе манифеста, но и самую идею о законѣ и власти. А что значитъ, что вы и подобные вамъ толкаете народъ на путь отчаянья, насилія и мести". Такъ-ли, г. писатель Короленко? Не вы-ли и ваши единомышленники виновны сами въ приписываемыхъ мнѣ дѣяніяхъ? Тактика знакомая и въ достаточной мѣрѣ старая. Отуманить народъ лживыми измышленіями и толкованіями, поднять его на открытый мятежъ, грабежъ и разбой, вынудить этимъ правительство на суровыя и крутыя мѣры, а потомъ поднять вопль по всей линіи: „Правительство звѣрь! Правительство толкаетъ народъ на путь отчаянья, насилія и мести". Но довольно! Кое-гдѣ уже замѣтны слѣды отрезвленія, кое-гдѣ народъ начинаетъ понимать гнусную роль, сыгранную его самозванными, лицемѣрными доброжелателями, и недалеко то время, когда онъ совсѣмъ опомнится. И тогда — берегитесь! берегитесь, волки въ овечьей шкурѣ. Не уйти вамъ отъ народнаго гнѣва, столь же справедливаго, сколь ужаснаго!

Ваше открытое письмо, г. писатель Короленко, какъ губка, пропитана злобой и желчью. Я бѣльмо въ глазу вашихъ единомышленниковъ. Тамъ, гдѣ я побывалъ красному флагу—не мѣсто. И, чувствуя, что игра проиграна, въ безсильной злобѣ, они выдвинули свой главный оплотъ, свою послѣднюю надежду — вашъ талантъ. Да, вы яркая звѣзда среди тусклыхъ бездарностей... Сомнѣваюсь, однако, чтобы предпринятый вами противъ меня походъ что-либо прибавилъ къ вашимъ писательскимъ лаврамъ.

Вы заявили, что меня не уважаете. Благодарю васъ. Отъ

вашего уваженія слишкомъ пахнетъ мятежомъ и кровью. Для меня — вѣрнаго слуги своего Царя и Отечества, ваше уваженіе равносильно оскорбленію.

Я кончилъ. Впрочемъ, одно послѣднее замѣчаніе. По возвращеніи изъ Сорочинецъ я получилъ 2—3 анонимныхъ письма, съ ругательствами и угрозами. Я смерти не боюсь. Я вѣрю въ Бога, вѣрю, что ничто не свершается помимо Его святой воли. Сверхъ того, я всегда думалъ, что умереть въ борьбѣ съ врагами родины, исполняя свой долгъ не за страхъ а за совѣсть—хорошо и достойно. Поэтому я отнесся къ этимъ письмамъ совершенно равнодушно. Но вотъ что знаменательно. Ваше открытое письмо появилось въ печати 12-го, а, начиная съ 13-го, анонимки посыпались, какъ горохъ. Къ моему пріѣзду ихъ набралось уже около 30. Да и теперь продолжаютъ прибывать. Мнѣ указали на одно мѣсто вашего письма, которое помимо провокаторскаго характера всего письма, какъ будто уже прямо должно было вызвать этотъ потокъ. Оно на послѣднемъ столбцѣ и, начинаясь словами: „А если вы, какъ другіе вамъ подобные, останетесь безнаказаннымъ"... кончается такъ: „...то и тогда я вѣрю, что мое обращеніе не пройдетъ безслѣдно".

Лично я не считаю эту фразу призывомъ къ убійству. По моему, она относится къ слѣдующему абзацу и лишь по своей туманности и неопредѣленности можетъ дать поводъ къ подобному толкованію. Тѣмъ не менѣе, фактъ налицо: моя жена не успѣваетъ принимать анонимки и, въ концѣ концовъ, картинка получается недурная: талантливый гуманистъ (?!) въ роли вдохновителя разныхъ соціалистовъ, вооруженныхъ браунингами и разрывными снарядами.

И вамъ не стыдно, г. писатель Короленко? *Ф. Филоновъ.*

Общество откликнулось на убійство Филонова множествомъ писемъ въ ред. Полтавскаго Вѣстника, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны. Такъ, Сѣчевикъ прислалъ слѣдующее письмо:

Господинъ писатель Короленко! Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что статскій совѣтникъ Филоновъ, на котораго вы недавно обрушились съ цѣлымъ рядомъ тяжкихъ обвиненій, только-что убитъ наиподлѣйшимъ образомъ...

Убійца бѣжалъ... Съ него пока взятки-гладки...

Филоновъ искупилъ кровью свои ошибки, если онѣ, дѣйствительно, были, обществу съ него тоже нечего взять...

Но остаетесь вы, г. писатель. Изъ насъ каждый не только въ правѣ, но обязанъ потребовать отвѣтъ, какъ съ инициатора травли, предпринятой противъ покойнаго и при томъ опирающейся на авторитетъ европейской литературной извѣстности.

Да, господинъ Короленко!

Вы иниціаторъ травли и потому перво-причина убійства статскаго совѣтника Филонова и на васъ падаетъ его кровь!

Въ извѣстныхъ кругахъ недовольство Филоновымъ существовало и до вашего письма. Послѣ него оно превратилось въ бурю негодованія.

Ваша писательскія слова — могучій рычагъ, придающій каждому вашему слову роковую силу...

Вы это прекрасно знаете, иначе не потрудились-бы упомянуть въ письмѣ покойнаго о вашихъ писательскихъ заслугахъ.

Вы не ребенокъ и даже если-бъ обладали сверхъ-человѣческой скромностью, то не могли не знать, что вы имѣете обширнѣйшій кругъ почитателей. А что такіе почитатели слѣпо вѣрять своему кумиру и въ высшей степени экзальтированы и фанатичны, извѣстно всякому.

Сумасбродныя выходки фигнеристокъ, мазинистокъ и вообще поклонниковъ и поклонницъ всякихъ знаменитостей, встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу и признаны за видъ сумасшествія...

Зная все это, вы должны были взвѣшивать свои слова и, бросая другимъ обвиненіе, подтверждаемое фактами, вы какъ честный человѣкъ, обязаны были въ высшей степени тщательно провѣрить, собранныя вами доказательства и также тщательно и безпристрастно освѣтить ихъ?

Сдѣлали-ли вы это?

Провѣрку фактовъ, которые какъ вы утверждаете, были, оставляю на вашей совѣсти, относительно же вѣрности освѣщенія событій,—его въ вашемъ письмѣ нѣтъ!

Мало того, вы съ непростительнымъ и преступнымъ,

особенно для человѣка, всю жизнь проработавшаго перомъ, позволили себѣ освѣтить всю картину односторонне...

Вы всю силу своего таланта направили на то, чтобъ оттѣнить рельефнѣе жестокости Филонова, едва скользнувъ по обстоятельствамъ, при которыхъ они совершены.

Отъ этого явилось полное искаженіе всей картины, явилась искуственная группировка эффектовъ, расчитанныхъ, чтобъ ошеломляюще подѣйствовать на впечатлительнаго читателя.

Господинъ Короленко! Такой пріемъ недостоинъ писателя—судьи, хотя-бы и самозваннаго...

Въ карточной игрѣ онъ называется подтасовкой, а въ литературной борьбѣ, я, во избѣжаніе сильныхъ выраженій, назову его не совсѣмъ чистоплотнымъ подмѣшиваніемъ красокъ. Въ этой нечистоплотности я обвиняю васъ, господинъ писатель, и утверждаю, что послѣдствіемъ ея, было возбужденіе умовъ, приведшее къ убійству.

А что, подтасовка была, я сейчасъ докажу...

Въ вашей филлипикѣ вы, г. Короленко, описываете событія такъ, какъ будто, съ одной стороны, былъ Филоновъ съ татарской ордой, а съ другой — какіе-то кроткіе агнцы, взявшіеся за дубины для своего спасенія отъ этой орды.

Стыдно г. писатель!

Зачѣмъ-же вы умалчиваете, что этой толпой руководилъ заѣзжій агитаторъ, конечно, задавшій тягу при видѣ казаковъ?

Умалчиваете вы также, что трехъ-тысячная толпа была вооружена вилами, косами и всѣмъ, что только можно было найти подъ рукой...

А, вѣдь, по нынѣшнимъ временамъ въ такомъ селѣ, какъ Сорочинцы, у многихъ найдется и болѣе опасное оружіе, чѣмъ идиллическое дреколье...

Вы пишете, что нѣкоторые крестьяне были убиты у своихъ дворовъ.

Но какъ убиты, при какихъ обстоятельствахъ?

Пулей, или саблей?

Если пулей, то таковыя летятъ далеко и не ограничиваются мѣстомъ дѣйствія, а если холоднымъ оружіемъ, то

почему вы не допускаете, что отдѣльныя группы, разбѣжавшейся толпы сопротивлялись?

Что-же прикажете дѣлать съ такими господами? можетъ быть, казаки должны были попросить' ихъ возвратиться на площадь и подождать, пока они тамъ пойдутъ на' нихъ въ атаку.

Ну, а какъ вы описали смерть Барабаша?

Изъ вашего письма можно вынести впечатлѣніе, что это какой-то пустячекъ, въ которомъ при томъ-же виноватъ самъ помощникъ исправника, тѣмъ, что возвратился въ село.

Еще бы не возвратиться. Да вѣдь къ этому призывалъ его долгъ, вѣдь весь смыслъ поѣздки въ Сорочинцы былъ въ томъ, чтобы стать лицомъ къ лицу съ этой толпой, а не бѣжать отъ нея.

Надѣюсь, г. писатель, что съ васъ довольно выставленныхъ мной фактовъ.

Оправдывать ихъ неопытностью въ литературномъ дѣлѣ вы не можете и вся отвѣтственность за кровавое преступленіе лежитъ на васъ, г. Короленко... Вы всегда боролись противъ жестокости и насилія... Вы должны возмущаться ими съ чьей-бы стороны онѣ ни были произведены.

Вѣрю въ вашу послѣдовательность, вѣрю въ то, что вы не пожелаете стать въ числѣ подстрекателей къ кровавому террору, а потому жду, чтобъ вы письменно выразили ваше негодованіе передъ гнуснымъ и кровавымъ самосудомъ надъ статскимъ совѣтникомъ Филоновымъ.

А до тѣхъ поръ остаюсь съ чувствомъ глубокой гадливости къ убійцамъ изъ за угла и ихъ руководителямъ.

Иванъ Сѣчевикъ.

А вотъ и второе письмо къ В. Г. Короленко.

Милостивый Государь

Владиміръ Галактіоновичъ!

Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ убійства несчастнаго Филонова, рѣшаюсь говорить съ вами задавать вамъ вопросы я, обыкновенная смертная, вамъ, извѣстному,

знаменитому писателю, обладающему такимъ громаднымъ престижемъ, такими олимпійскими громами краснорѣчія...

Вы—великій писатель, гуманностью и благородствомъ котораго я всегда искренно восхищалась и въ справедливость котораго твердо и глубоко вѣрила. Я — совершенно неизвѣстная, невидная женщина, и мнѣ, конечно, и въ голову не приходитъ вступать съ вами въ полемику: это мнѣ не по силамъ, да и не того я хочу! Вопросы, поднявшіеся въ душѣ при чтеніи вашего письма къ Филонову, уничтожающаго, убійственнаго письма, вопросы эти властно и неудержимо рвутся изъ души...

Я привыкла думать (да и не я одна), что люди, имѣющіе громкое имя, большое вліяніе на общественное мнѣніе, смѣло могущіе назваться „учителями", такъ какъ каждое ихъ слово цѣнится и уважается,—что тѣ люди должны стоять на высотѣ своего призванія, должны быть неизмѣнно и непоколебимо благородными, гуманными, безпристрастными, справедливыми, а главное осторожными больше всего и прежде всего! Потому осторожными, что буквально каждое ихъ слово ловится толпой и повторяется, какъ святыня! „Помилуйте! вѣдь это не кто-нибудь говоритъ, а В. Г. Короленко". А въ теперешнее смутное, тяжкое, братоубійственное время, когда льются потоки крови, когда жизнь человѣческая ни во что не цѣнится, когда убить человѣка также легко, какъ раздавить муху,—въ такое время люди, стоящіе впереди толпы и ведущіе ее за собою, должны всѣ силы, весь огонь, всѣ лучшія способности своей души направить на то, чтобъ внести въ эту толпу начала гуманности и строгой справедливости, умѣрить дикія, разыгравшіяся страсти, пролить насколько возможно миръ и успокоеніе въ помутившіеся умы! Это, кажется, неоспоримая истина, а между тѣмъ выходитъ какъ-то не такъ въ переживаемое нами ужасное время.

Скажите мнѣ, В. Г., что сдѣлали-бы вы, если-бъ къ вамъ пришелъ даже, допустимъ, хорошо вамъ извѣстный человѣкъ, въ правдивость котораго вы бы вѣрили, и сказалъ-бы вамъ, что нѣкто, какой нибудь Х., совершилъ преступленіе—убійство или воровство? Неужели вы, не задумываясь, открыто, публично, со словъ другого человѣка, рѣшились-бы назвать

этого X. убійцей или воромъ? запятнать на вѣки его имя въ мнѣніи общества? посадить на скамью подсудимыхъ человѣка, преступленія котораго вы не видѣли, а слѣдовательно и не можете утверждать? Рѣшились-бы вы сказать, что совершенное имъ преступленіе —фактъ?

До сихъ поръ я твердо вѣрила, что вы, съ вашими свѣтлыми, широкими человѣческими взглядами, съ вашей проповѣдью терпимости и справедливости, на это неспособны.

Скажите мнѣ еще, ради Бога, были-ли вы сами тамъ, на мѣстѣ преступленія Филонова? видѣли-ли вы своими глазами тѣ беззаконія и звѣрства, обвиненія въ которыхъ вы такъ непоколебимо-твердо, такъ убійственно-жестоко, такъ олимпійски-непогрѣшимо бросили ему въ лицо, растоптавъ этимъ безповоротно доброе имя человѣка, обдавъ его цѣлымъ потокомъ грязи, отхлеставъ его нагайками, не хуже тѣхъ, которыя были въ рукахъ у казаковъ! Если-же вы сами были тамъ, то почему вы этого не заявили прямо въ своемъ письмѣ? Это разрѣшило-бы всѣ сомнѣнія! Неужели вамъ не пришло въ голову, вамъ—такому знатоку человѣческой души,—что избивая такъ человѣка нравственно, вы этимъ подвергаете опасности его жизнь, вызывая къ нему безконечное озлобленіе и возмущеніе, особенно въ людяхъ крайнихъ убѣжденій? Что жизнь такого человѣка не только уже будутъ считать ни во что, но даже сочтутъ подвигомъ избавить Россію отъ такого злодѣя и преступника?

Вотъ вопросы, мучащіе меня послѣ прочтенія вашего письма и сегодняшняго событія. Какъ могли вы, такая свѣтлая, справедливая личность, бросить человѣку такой ужасный, убійственный приговоръ, не будучи сами лично свидѣтелемъ его ужасныхъ, по вашему увѣренію, дѣяній?..

Да еще въ такое безпримѣрно смутное время, когда разнымъ кривотолкамъ, искаженіямъ, преувеличеніямъ, наговорамъ, прямо-таки фантастическимъ свѣдѣніямъ—нѣтъ конца и края—и въ печати, и въ устной передачѣ! Когда каждый день почти приходится читать и слышать опроверженія того, что наканунѣ выдавалось за неопровержимую истину, за „факты“...

Мнѣ думается, что тотъ, кто хочетъ добра обществу и ве-

детъ его за собой — долженъ долго и осторожно провѣрят сообщенные ему факты, и если ужъ, послѣ этого рѣшаться бросать человѣку въ лицо такое обвиненіе, „изобличать“ его въ глазахъ общества, то не въ такой формѣ, не изображая его чѣмъ-то вродѣ бѣшеной собаки, не, вызывая къ нему такого безграничнаго ужаса, презрѣнія и ненависти! Вамъ, какъ великому мастеру, какъ тонкому психологу и художнику, съ душой чуткой, какъ Эолова арфа, ко всѣмъ оттѣнкамъ чувствъ и движеній человѣческой души — это знать, лучше, чѣмъ кому либо!

Вы владѣете словомъ въ совершенствѣ и не мнѣ, конечнот учить васъ—какъ это можно было сдѣлать!

Глубоко увѣрена только въ одномъ: вы могли и должны были сдѣлать не такъ!

Неужели вы спокойно услышали сегодня о смерти несчастнаго Филонова?..

Войдите хоть на минуту въ церковь, гдѣ лежитъ убитый взгляните на его близкихъ, на несчастную жену, которая готовится скоро быть матерью! послушайте ея вопли!.. Весьма возможно, что еще скоро двухъ жизней не станетъ!

Вѣдь покойный никого не убивалъ, а его убили неожиданно, предательски!..

„Учитель“ долженъ понимать—какую великую силу и значеніе имѣетъ человѣческое слово!..

Сколько отъ этихъ словъ возникаетъ озлобленія, раздора, смуты и горя!..

Сердце кровью обливается и горькое недоумѣніе и разочарованіе въ людяхъ тяжело гнететъ душу!

Одна изъ вашихъ бывшихъ искреннихъ почитательницъ.

Вопль возмущенной души.

Вопіющее преступленіе совершилось: Филоновъ убитъ среди бѣла дня, на глазахъ прохожихъ, выстрѣломъ изъ револьвера. Убійца, по описанію видѣвшихъ, молодой человѣкъ, даже подростокъ. Невольно мысль несется къ господину популярному писателю, гуманнисту Короленко при видѣ этого преступленія.

Ваша, г. Короленко, революціонная прокламація, — такъ какъ вашъ памфлетъ по поводу дѣйствій несчастнаго Филонова имѣетъ именно значеніе революціонной прокламаціи, какъ таковая, былъ приложенъ къ газетѣ „Полтавщина"; кромѣ помѣщенія въ газетѣ, еще и отдѣльнымъ листкомъ, привела къ естественному результату. Вы можете теперь себя поздравить, что ваша проповѣдь гуманныхъ идей имѣла блестящіе результаты. Убійства при подавленіи возмущенія — по вашему, ужасающее преступленіе, а вотъ убійство уничтоженнаго вашими грозными обличеніями чиновника Филонова—это актъ геройства, это торжество справедливости. Вы, господинъ популярный писатель, при всемъ вашемъ умѣ и талантѣ, не поняли самой простой вещи, что когда врываются въ вашъ домъ грабители и разбойники, не станете разсуждать о законныхъ путяхъ, какъ этихъ разбойниковъ выпроводить, и если вы увидите покушеніе на вашу жену, на вашего ребенка, вы безъ разсужденія, безъ соизмѣренія послѣдствій, ожесточитесь и не только выгоните негодяевъ, если осилите, а будете ихъ преслѣдовать и очень—очень легко при этомъ можете убить и неповинныхъ.

Какъ вы не поймете, что поднявшійся по всей Россіи разбой изъ-за угла, подлый потому, что и заправскіе разбойники нападаютъ открыто, а не изъ-за угла, какъ современные освободители, эти борцы за отмѣну смертной казни, — какъ вы не поймете, что при поднявшемся пожарѣ нельзя, преступно подливать масла въ огонь? О чемъ вы хлопочете: о снятіи усиленной охраны, о полной свободѣ сходокъ, пропаганды какихъ угодно идей? Но развѣ вы такъ ослѣплены враждой къ прошлому положенію Россіи, что не хотите видѣть, что это прошлое безповоротно осуждено, и что въ данную минуту нужно умиротвореніе мятущейся страны, успокоеніе разбушевавшихся страстей, а не подливанія масла въ огонь. Какъ вы не поймете, что при своей возмутительности въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти репрессіи вызываются необходимостью. Нужно теперь стремиться къ возможному уничтоженію вызововъ репрессіи, а не возбуждать страсти и тѣмъ вызывать къ большимъ репрессіямъ.

Мирная культурная работа возможна лишь при нормаль-

ныхъ спокойныхъ условіяхъ жизни, но не во время пожара, а вы возмущаетесь, что во время пожара всей Россіи допускаются чрезмѣрныя средства; не умѣстно сѣтовать, что вамъ нѣтъ надлежащаго удобства работать, когда все кругомъ горитъ. Какъ вы не поймете, что теперь положеніе вещей исключительное, а потому вызываетъ исключительныя явленія. Идетъ борьба: правительство борется и за себя, и за спокойствіе общества, и чѣмъ скорѣе кончится эта борьба, тѣмъ лучше для всѣхъ здравомыслящихъ людей. Но люди отуманенные ненавистью къ прошлому, не хотятъ признать истины, что культурная работа на благо всѣхъ возможна въ мирной жизни; а возможность этой культурной работы на всеобщее благо возвѣщена, обѣщана. Дайте же осуществиться этимъ обѣщаніямъ, а не губите все кругомъ. За популярными вожаками идутъ маньяки, психопаты, рѣшающіеся на самые подлые и звѣрскіе поступки, въ ослѣпленіи, не видя всего ужаса своихъ преступленій. Кто больше виноватъ: отуманеный-ли извѣстной идеей маньякъ, или его вдохновитель? Подумайте надъ этимъ г. Короленко! А пока подите, преклонитесь предъ жертвой вашей гуманной проповѣди и затѣмъ ваше мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Да, на скамьѣ подсудимыхъ: вдохновитель преступленія долженъ быть также виновенъ, какъ и совершитель!

Одинъ изъ трехъ.

По поводу убійства Ф. В. Филонова.

18-го января въ Полтавѣ на Александровской улицѣ въ 10 часовъ утра выстрѣломъ изъ револьвера убитъ наповалъ совѣтникъ губернскаго правленія Федоръ Васильевичъ Филоновъ.

Прошла всего недѣля послѣ того, какъ писатель г. Короленко бросилъ ему на стр. „Полтавщины“ тяжелое обвиненіе по поводу прекращенія крестьянскихъ волненій, бывшихъ недавно въ Сорочинцахъ и Устивицѣ.

„Кто нибудь изъ насъ долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ: я, или вы“... такъ писалъ г. Короленко покойному.

Случилось иное... Обвиняемый убитъ среди бѣла дня, безъ суда, безъ слѣдствія...

На долю покойнаго выпала тяжелая задача успокоить возбужденную народную массу, настроенную разными агитаторами до того, что пролилась кровь неповиннаго человѣка, желавшаго воздѣйствовать на нее словомъ увѣщанія... Покойный собственной кровью искупилъ теперь свои ошибки и грѣхи, если таковыя были...

Теперь обвиняемаго нѣтъ... Онъ предсталъ не передъ судомъ людскимъ, но передъ судомъ Божіимъ...

Убійца скрылся, какъ скрываются и тѣ преступные агитаторы, которые возмущая народъ, подставляютъ его подъ наказанія и выстрѣлы...

Г. Короленко! Вамъ много дано,—съ васъ много и спросится! Васъ знали до сихъ поръ, какъ писателя идейнаго, писателя гуманниста!

Вы оправдали это своею дѣятельностью въ черные октябрьскіе дни, когда въ Полтавѣ боялись этихъ ужасныхъ еврейскихъ погромовъ... Но сдѣлали-ли вы то же самое по отношенію къ деревнѣ, къ забастовщикамъ, когда другіе агитаторы вели такую-же темную массу на такое же попраніе всякихъ свободъ, на возстанія, поджоги, грабежи и убійства?

Васъ не было во время послѣдней забастовки, во время призывовъ къ вооруженному возстанію, когда готовы были разразиться ужасы, еще болѣе тяжелые, чѣмъ Сорочинскіе...

Гдѣ ваши статьи, въ которыхъ бы слышенъ былъ стонъ чистой души, оскорбленной современными насиліями, открыто проводимыми революціей?

Использовали-ли вы весь свой талантъ, все свое значеніе и имя, чтобы словами искренней любви и состраданія къ ближнему внести успокоеніе въ простой народъ, возбуждаемый агитаціей революціонеровъ?

Неужели вы только человѣкъ извѣстнаго имени, боящійся показаться недостаточно радикальнымъ и потому умалчивающій объ ужасныхъ насиліяхъ со стороны современныхъ диктаторовъ — революціонеровъ, но съ спокойной совѣстью обрушивающійся на одну администрацію; или же писатель, оправдывающій современный терроръ и насилія? Неужели это правда? Неужели ошиблись, причисливъ васъ къ писателямъ-гуманнистамъ?

Но вернемся къ событіямъ послѣдовавшимъ за смертью Ф. В. Филонова.

18-го января около 6 час. вечера, послѣ краткой литургіи въ покойницкой при Богоугодномъ заведеніи, тѣло безвременно погибшаго В. Ф. Филонова, было перенесено въ церковь Богоугоднаго заведенія, гдѣ и была совершена панихида. На панихидѣ, кромѣ жены и родственниковъ покойнаго, присутствовали: г. губернаторъ князь Н. П. Урусовъ, вице-губернаторъ С. П. Фонвизинъ, совѣтникъ губернскаго правленія Л. П. Ахшарумовъ и другія должностныя лица, а такъ-же чиновники губернскаго правленія. Горе жены пойнаго положительно не поддается описанію, по окончаніи панихиды храмъ огласился такими истерическими рыданіями несчастной, отъ которыхъ не можетъ не содрогнуться душа самаго мужественнаго человѣка. Съ большимъ трудомъ роднымъ удалось оттянуть ее отъ гроба и увести въ пріемную для приведенія въ чувство. 19-го января около 12 часовъ, церковь Богоугоднаго заведенія, куда было перенесено тѣло покойнаго Ф. В. Филонова, начала наполняться молящимися. Желающихъ поклониться праху безвременно погибшей жертвы служебнаго долга не могли вмѣстить стѣны церкви, народомъ буквально запружены были, какъ притворъ храма, такъ и все наружное крыльцо зданія Богоугоднаго заведенія. Въ храмѣ присутствовали кромѣ жены и родственниковъ покойнаго— княгиня В. Г. Урусова, Вице-губернаторъ Фонвизинъ, начальникъ дивизіи генералъ Потопчинъ, предводитель дворянства Бразоль и другія должностныя лица, а также сослуживцы покойнаго по губернскому правленію; присутствовали также и многіе изъ губернскихъ гласныхъ, съѣхавшіеся на губернское земское собраніе.

Ровно въ 12 часовъ состоялось служеніе панихиды каѳедральнымъ протоіереемъ Лазурскимъ, въ сослуженіи четырехъ священниковъ.

Зажглись свѣчи, церковь наполнилась прозрачными, пахучими дымками ладона, раздались тихіе, мелодичные, хватающіе за душу похоронные напѣвы, и глаза всѣхъ молящихся невольно обратились къ гробу страдальца, на

лицѣ котораго застыло такое спокойное, покорное своей судьбѣ выраженіе, что казалось будто онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Смерть, наложивъ свою строгую печать на это лицо, не исказила его ужасомъ предсмертной агоніи, внезапно налетѣвъ, она закрыла его вѣки, какъ-бы мирнаго, покойнаго сна...

Но вотъ панихида подходитъ къ концу. Раздалось стройное пѣніе архіерейскаго хора „Со святыми упокой", и вдругъ всѣ молящіеся содрогнулись отъ истерическихъ рыданій несчастной жены покойнаго, которыми огласились своды храма. Безвыходное горе потрясло всѣхъ, такъ что никто не могъ удержаться отъ слезъ, плакали всѣ и священники и молящіеся.

По окончаніи панихиды гробъ вынесли изъ церкви и поставили на катафалкѣ сослуживцы покойнаго Ф. В., и затѣмъ печальная процессія двинулась къ собору, въ сопровожденіи массы народа, живымъ потокомъ приливавшей со всѣхъ улицъ, по которымъ двигалась процессія.

Около двухъ часовъ гробъ былъ установленъ въ соборѣ, гдѣ была совершена краткая литія. На гробъ возложено много вѣнковъ, именно: отъ жены покойнаго съ надписью: „Горячо любимому незабвенному мужу", отъ Губернатора Князя П. П. Урусова съ надписью: „Вѣрному слугѣ Цареву, безстрашному исполнителю служебнаго долга и присяги, незабвенному сослуживцу отъ Полтавскаго Губернатора", отъ группы земцевъ съ надписью: „Жертвѣ служебнаго долга отъ группы земцевъ", отъ чиновниковъ губернскаго правленія съ надписью: „Незабвенному Ф. В. Филонову, жертвѣ служебнаго долга отъ чиновниковъ Губернскаго Правленія", затѣмъ вѣнокъ отъ „любящихъ родныхъ" и др. отъ частныхъ лицъ.

20 января Полтава проводила къ мѣсту послѣдняго упокоенія на городское кладбище жертву служебнаго долга и Царской присяги, Ф. В. Филонова. Ровно въ 9 часовъ раздался благовѣстъ въ соборѣ и толпы народа направились къ храму. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Іоаннъ. Къ концу литургіи начали прибывать разныя должностныя лица и сослуживцы покойнаго. Преосвященный

Іоаннъ, въ прочувственной рѣчи, обрисовалъ всю тяжесть выпавшаго на долю покойнаго, въ наше смутное время, служебнаго долга и ту великую заслугу, за которую стяжалъ себѣ покойный свой мученическій вѣнецъ.

Около половины перваго началось отпѣваніе тѣла покойнаго, совершенное преосвященнымъ Іоанномъ и вновь назначеннымъ викаріемъ, епископомъ Прилукскимъ, Ѳеодосіемъ, въ сослуженіи почти всего городского духовенства. На отпѣваніи присутствовали мѣстные власти, представители дворянства и земства, а такъ-же жена и родственники покойнаго и сослуживцы его по губернскому правленію. Гробъ положительно былъ закрытъ вѣнками; кромѣ указанныхъ нами, возложены еще вѣнки: отъ Полтавскаго дворянства (изъ живыхъ цвѣтовъ), отъ группы Полтавскихъ гимназистовъ, перевитый трехцвѣтной, національной лентой, отъ реалистовъ—патріотовъ, отъ истинно русскихъ людей, отъ губернскаго присутствія, и др. Величественные своды храма, сплошная толпа молящагося народа, стройное похоронное пѣніе, все это производило торжественное впечатлѣніе и переносило мысль отъ бреннаго, земного, къ небесному, духовному бытію.

По окончаніи отпѣванія гробъ съ тѣломъ покойнаго подняли князь Н. П. Урусовъ, вице-губернаторъ С. П. Фонвизинъ и сослуживцы покойнаго. Видимо, овладѣвшая собой жена покойнаго, не выдержала при видѣ уносимаго изъ храма гроба и разразилась раздирающими душу рыданіями. Возлѣ храма совершилъ краткую литію преосвященный Іоаннъ и затѣмъ похоронная процессія, во главѣ съ каѳедральнымъ протоіереемъ Лазурскимъ, двинулась на городское кладбище. Гробъ до самаго кладбища несли на рукахъ сослуживцы и родственники покойнаго. Всѣ улицы, по которымъ слѣдовала похоронная процессія, буквально были запружены народомъ. Около половины четвертаго процессія прибыла къ мѣсту послѣдняго упокоенія, былъ совершенъ послѣдній обрядъ преданія тѣла землѣ и затѣмъ навѣки закрылась гробовая крышка, и гробъ былъ опущенъ въ приготовленный склепъ. Со слезами на глазахъ сказали присут-

ствовавшіе свое послѣднее „прости“ нашему мученику долга.

Ф. В. Филоновъ отошелъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ общее сочувствіе и сожалѣніе. Свершился судъ земной надъ его убійцей, но остался безнаказаннымъ главный виновникъ распалившій страсти и направившій руку убійцы на несчастную жертву. Да будетъ къ нему милостивъ Небесный Судья! Тебѣ же вѣрный слуга Родины, вѣчная память и вѣчная слава!

Составъ редакціонной комиссіи **„Книги Русской Скорби“** при Главной Палатѣ Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела.

Предсѣдатель комиссіи:

Пуришкевичъ Владиміръ Митрофановичъ.

Секретарь комиссіи:

Казаринова Надежда Алексѣевна.

ЧЛЕНЫ:

1. **Ананьевъ** Николай Герасимовичъ.
2. **Албрандъ** Владиміръ Владиміровичъ.
3. **Бородкинъ** Михаилъ Михайловичъ.
4. **Балаклѣевъ** Иванъ Ивановичъ.
5. **Башинскій** Борисъ Петровичъ.
6. **Балицкій** Левъ Алексѣевичъ.
7. **Барановъ** Василій Васильевичъ.
8. **Бодиско** Дмитрій Михайловичъ.
9. **Васнецовъ** Викторъ Михайловичъ.
10. **Вишневскій.**
11. **Вязигинъ** Андрей Сергѣевичъ.
12. **Гершельманъ** Дмитрій Федоровичъ.
13. **Гептнеръ** Елизавета Павловна.
14. **Граве** Семенъ Владиміровичъ.
15. **Головинъ** Константинъ Федоровичъ.
16. **Дитрихъ** Марія Николаевна.
17. **Деминскій** Федоръ Александровичъ.

18. Дудниченко Иванъ Ивановичъ.
19. Злотниковъ Лука Тимофеевичъ.
20. Карангозова Елена Константиновна.
21. Кавелинъ Александръ Александровичъ.
22. Казариновъ Валеріанъ Валеріановичъ.
23. Кривошеина Елена Геннадіевна.
24. Кулибина Ольга Константиновна.
25. Леонтьевъ Иванъ Сергѣевичъ.
26. Ладомирскій Николай Николаевичъ.
27. Миллеръ Александръ Константиновичъ.
28. Облеухова Софья Львовна.
29. Облеуховъ Николай Дмитріевичъ.
30. Образцовъ Василій Аѳиногеновичъ.
31. Ососовъ Андрей Васильевичъ.
32. Пашутина Ольга Васильевна.
33. Плеве Николай Вячеславовичъ.
34. Самокишъ-Судковская, Елена Петровна.
35. Скворцовъ Василій Михайловичъ.
36. Сезеневскій Борисъ Дмитріевичъ.
37. Спицына Марія Петровна.
38. Спасскій Николай Ивановичъ.
39. Тріумфова Нина Александровна.
40. Тунебергъ Ростиславъ Михайловичъ.
41. Шавровъ Николай Николаевичъ.
42. Шелехова Юлія Юльевна.
43. Шечковъ Георгій Алексѣевичъ.
44. Юрьевъ Сергѣй Владиміровичъ.
45. Юткевичъ Наталья Михайловна.
46. Якушевъ Дмитрій Павловичъ.
47. Хлѣборадъ Франсуа Степановичъ.

Оглавленіе.

Стр.

1. **Зайкина** Зинаида Васильевна, жена шт.-капитана . . . 1
2. **Чекель** Яковъ Степановичъ, урядникъ 4
3. **Имшенецкій** Ѳедоръ Николаевичъ, священникъ 6
4. **Куцъ** Данилъ Варѳоломеевичъ, сельскій десятскій . . 10
5. **Соломко** Лаврентій Андреевичъ, городовой 13
6. **Дублянскій** Николай Яковлевичъ, земскій начальникъ . 17
7. **Савоськo** Василій Осиповичъ, жандармскій унтеръ-офицеръ 19
8. **Агашковъ** Василій Савельевичъ, крестьянинъ 23
9. **Алексѣевъ** Михаилъ Алексѣевичъ, младшій надзиратель Костромскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія. 25
10. **Олешковичъ** Василій Адамовичъ, начальникъ Варшавскаго 4-го почтово-телеграфнаго отдѣленія и **Шульжинскій** Ѳома Андреевичъ, почтальонъ 29
11. **Реутскій** Павелъ Романовичъ, городовой г. Кролевца, Черниговской губ. 33
12. **Покровскій** Петръ Степановичъ, стражникъ 35
13. **Никоновъ** Іосифъ Ивановичъ, капитанъ 32 Восточно-Сибирскаго полка и **Прохоровъ**, поручикъ, офицеръ пулеметной роты. 38
14. **Ходкевичъ** Владиміръ Николаевичъ, офицеръ для особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ . . 46
15. **Даниловъ** Василій Александровичъ, **Ермоленко** Василій Михайловичъ, **Уетименко** Платонъ Павловичъ, **Лансній** Захаръ и **Литвиненко** Иванъ Даниловичъ, казаки станицы Ильинской, Терской обл. 49
16. **Александровъ** Алексѣй Степановичъ, городовой Козловской полицейской команды 52
17. **Нестеркинъ** Петръ Васильевичъ, городовой Саровской пустыни 53
18. **Бѣлотѣловъ** Илья Прокофьевичъ, младшій надзиратель Тамбовской губернской тюрьмы 55
19. **Селищевъ** Павелъ Михайловичъ, городовой г. Екатеринослава. . . . . .

Стр.

20. Цѣлинскій Викторъ Болеславовичъ, помощникъ пристава гор. Брянска 63
21. Сѣренко Кириллъ, жандармскій унтеръ-офицеръ . . . 66
22. Булухта Максимъ Максимовичъ, урядникъ Саратовскаго уѣзда 68
23. Ковѣшниковъ Андрей Поликарповичъ, волостной старшина 71
24. Гурьевъ Александръ, и. д. околоточнаго надзирателя гор. Курганъ Тобольской губ. и Бѣлыхъ Василій, городовой того же города. 73
25. Дергачевъ Андрей Тарасовичъ, секретарь Хасавъ-Юртскаго отдѣла союза имени Михаила Архангела . . . 76
26. Чины Харьковскаго исправительнаго отдѣленія: Рудь Константинъ Демидовичъ, Сильвончикъ Ѳедоръ Максимовичъ, Уколовъ Филиппъ Григорьевичъ, Булыгинъ Аристархъ Никифоровичъ, Евтушенко Кондратъ Филипповичъ и Ткаченко Антонъ Петровичъ 78
27. Браунъ Дмитрій Николаевичъ, Виндавскій уѣздный начальникъ 91
28. Чины полиціи, убитые въ городѣ Маріуполѣ: Фесенко Никита, Попазовъ Григорій, Карніенко Афанасій и Покатиловъ Платонъ. 95
29. Дундукъ Иванъ Андреевичъ, сынъ помѣщика Черниговской губ. 101
30. Ильюкевичъ Филиппъ Григорьевичъ, полицейскій урядникъ Минскаго уѣзда 103
31. Атаманенко Иванъ Кондратьевичъ, старшій надзиратель Метехскаго тюремнаго замка. 105
32. Барсуковъ Яковъ Никитичъ, полицейскій урядникъ . . 107
33. Орловъ Іосифъ Андреевичъ, приставъ 5-го стана Вилкомірскаго уѣзда. 109
34. Бѣлорыбкинъ Николай Корниловичъ, урядникъ Слободскаго уѣзда и Рукавишниковъ Иванъ Николаевичъ, конный стражникъ 113
35. Вартенбургъ Левъ Осиповичъ, начальникъ службы тяги въ Тифлисѣ. 116
36. Жертвы крамолы, убитые въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губ.: Помазенковъ Петръ Федоровичъ старшій городовой и Преображенскій Александръ Петровичъ, конторщикъ Людиновскаго завода 121
37. Замотаевъ Илья Григорьевичъ, городовой гор. Тамбова . 126
38. Мѣшковскій Григорій Викторовичъ, полицейскій надзиратель гор. Глухова. 129
39. Карповъ Сергѣй Георгіевичъ, начальникъ С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія 132

Стр.

40. **Надточей** Пименъ Андреевичъ, жандармскій унтеръ-офицеръ 142
41. **Стефановскій** Иванъ Николаевичъ, директоръ Азовской гимназіи 147
42. **Захаровъ** Иванъ Васильевичъ, членъ Хасавъ-Юртскаго отдѣла Союза Русскаго Народа 151
43. **Костюковъ** Иванъ Алексѣевичъ, жандармскій унтеръ-офицеръ 155
44. **Посохинъ** Александъ Ѳедоровичъ, приставъ 1-го стана Кунгурскаго уѣзда Пермской губ. 157
45. **Голиковъ** Евгеній Николаевичъ, капитанъ 1-го ранга, командиръ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“ 160
46. **Середа** Никита Прокофьевичъ, полицейскій стражникъ . 174
47. **Барабашъ** Михаилъ Петровичъ, помощникъ Миргородскаго уѣзднаго исправника 176
48. **Никифоровъ** Сергѣй Никифоровичъ, жандармскій унтеръ-офицеръ 178
49. **Егуповъ** Георгій Александровичъ, ротмистръ жандармскаго полицейскаго управленія 180
50. **Грищенко** Григорій Алексѣевичъ, урядникъ Городнянской уѣздной полиціи, **Савенко** Иванъ Филипповичъ и **Моляренко** Семенъ Пименовичъ, стражники. . . . 182
51. **Филоновъ** Федоръ Васильевичъ, совѣтникъ Полтавскаго губернскаго правленія 188

2007041556